

Записки Городского Невротика

Вуди Аллен

- Предупреждение
 - Квитанции Меттерлинга
 - Взгляд на организованную преступность
 - Мемуары Шмида
 - Моя философия
 - Весенний бюллетень
 - Хасидские притчи
 - Записки обжоры
 - Помню, в 20-х...
 - Граф Дракула
 - Беседы с Гельмгольцем
 - Босс
 - Из записных книжек
 - Исследование психических феноменов
 - Несколько сюжетов балетных миниатюр
 - Размышляя о женщинах Ловберга
 - Блудница из читалки
 - Ранние эссе
 - Ирландский гений
 - Мифические животные в мировой литературе
 - Если бы импрессионисты были дантистами
 - Каддиш о недостойном Вайнштейне
 - Золотые времена
 - Страничка Кугельмаса
 - Смерть открывает карты
 - Смерть
 - Бог
- Сноски

Woody Allen «Вечность – это утомительно. Особенно под конец»

Предупреждение

На исходе XX века Америка, регулярно переживающая различные кризисы, с удивлением обнаружила, что у нее имеется Духовный Лидер, Секс-Символ и Воплощение Американской Мечты в одном лице. Им оказался не бейсболист, не политик и не бизнесмен, а немолодой (уже) бруклинский еврей неопределенного рода занятий. Это стало настоящим откровением. Посыпались предложения о том, как при жизни увековечить память столь выдающегося деятеля. Вот одно из самых радикальных: установить в Нью-Йорке на Губернаторском острове рядом со Статуей Свободы конную статую в 3/4 натуральной величины, на пьедестале высотой в минус один фут. Задолго до этого, в 1952 году, Соединенные Штаты провели испытания первой в мире водородной бомбы, познакомились с хемингуэвским шедевром «Старик и море» и выбрали себе нового президента. Тогда же случилось еще одно событие, менее заметное для современников: 16-летний Аллен Стюарт Кенигсберг,

кларнетист-любитель и сочинитель юмористических скетчей, изобрел для себя особую профессию под названием «вуди аллен». Масштабы происшествия, как часто бывает, выяснились намного позднее. За это время В. А. успел превратиться в легендарного персонажа, сменить несколько жен и самое важное – обрести новую среду обитания, то есть перебраться из Бруклина на Манхэттен.

Как Духовный Лидер Нового Света, В. А. учел ошибки своих предшественников и создал новаторскую философскую систему, состоящую в отсутствии всякой системы. «Воистину Кьеркегор был прав», – замечает В. А. в одном из рассказов, А значит, ничего доказать невозможно. Поэтому он ежегодно снимает фильмы, совершенно непохожие один на другой (некоторые, правда, находят их удивительно однообразными). Поэтому он пишет на всевозможные темы: от трудной судьбы среднестатистического нью-йоркского еврея до описаний фантастических существ, которые оставляют далеко позади подобные же робкие начинания Борхеса. Мировая литература, философия, история, социальные проблемы, психологию – все рано или поздно становится предметом его исследования. И, по всей видимости, американцы восприняли это всерьез. Во всяком случае, Вуди Аллен может совершать то, что позволено лишь подлинному народному гуру (и что не прощается обыкновенным знаменитостям, включая президентов): оказаться в центре сексуального скандала и выйти сухим из воды.

Кстати о сексе, В. А. в своем знаменитом фильме не только первым открыто заговорил о том, какую роль играет секс в человеческой (или, по крайней мере, в его) жизни. Он также нашел универсальный секрет покорения женских сердец, который держит в тайне, а на вопросы журналистов неизменно отшучивается. Число женщин, поддавшихся его обаянию, необычайно велико, хотя в точности никому неизвестно. Внешние данные его избранниц плюс опросы прекрасной половины американского населения позволяют считать, что секрет действительно существует.

И наконец, Мэтр действительно воплотил в своей скромной персоне Великую Американскую Мечту: он богат, умиротворен и может снимать все, что пожелает, а также напечатать все, что выйдет из-под его пера (точнее, из-под клавиш допотопной пишущей машинки). В. А. сам же и выразил эту Мечту необычайно емким образом: «Все-таки лучше быть богатым, чем бедным», – так звучит один из его прославленных афоризмов. А самое дивное знамение, которое можно получить от Господа Бога, утверждает В. А., – это если Он откроет на ваше имя солидный счет в швейцарском банке. Как и положено человеку, достигшему всего возможного, Вуди Аллен несколько эксцентричен и немного ленив. Он еженедельно играет на кларнете в одном из нью-йоркских ресторанов (только этим и знаменитом). И неизменно снимает свои картины в Нью-Йорке, даже когда ПО сценарию действие происходит в Филадельфии: ну не ехать же туда целых два часа на машине!

В сущности, все, что было сказано выше, не слишком важно. Как бы ни менялся Вуди Аллен, зачарованное человечество (или произвольная его часть), не замечая самого автора, уже четверть века не может оторваться от его классического персонажа: очкастого городского невротика, современного маленького человека, отважно барахтающегося в агрессивной или равнодушной повседневности. И даже если к нему приходит слава – как например к Зелигу, герою лучшего из алленовских фильмов, – он попытается по мере возможности от нее скрыться. Нет, Вуди Аллен не против удобств, которые доставляет всемирная слава. Ему нравится жить на Парк-авеню и вращаться среди представителей нью-йоркской хай-лайф. Но по-настоящему Учитель отдыхает только в обществе своего психоаналитика – тот по-прежнему считает его мелким коммивояжером.

В. Петров

Квитанции Меттерлинга

Наконец-то издательство «Жюлик и сыновья» выпустило d свет первый том собрания

прачечных квитанций Меттерлинга («Ханс Меттерлинг. Собрание прачечных квитанций». Том I; 437 стр.; XXXII стр. предисловия; предметный указатель; 18 долл. 75 ц.), включающий в себя научный комментарий Понтера Айзенбуда, известного исследователя творчества Меттерлинга. Можно только приветствовать разумное решение опубликовать первый том, не дожидаясь окончания работы над всеми четырьмя томами этого фундаментального издания. Появление блестящего, безупречного в научном отношении труда положит конец досужим обвинениям, будто бы издательство «Жюлик и сыновья», неплохо заработав на публикации пьесы Меттерлинга, его романов, записных книжек, дневников и писем, намерено и впредь стричь купоны на той же ниве. Как же ошибались злопыхатели!

Уже самая первая квитанция:

трусы.....6
 майки4
 носкиголубые6
 сорочки голубые4
 сорочки белые..... 2
Не крахмалить!

представляет собой замечательное по глубине введение в творчество мятежного гения, которого современники называли «Пражский чудила». Черновики первой квитанции создавались в период работы над «Исповедью сырной головы», сочинением ошеломляющей философской мощи, в котором автор не только доказывает ошибочность взглядов Канта на Вселенную, но и отмечает, что за свой труд не сумел получить ни гроша. Отвращение к крахмалу весьма характерно для рассматриваемого периода жизни Меттерлинга. Обнаружив, что белье, указанное в квитанции № 1, было все же туго накрахмалено, мэтр впал в глубокую депрессию. Его квартирная хозяйка, фрау Вайзер, сообщала друзьям: «Герр Меттерлинг уже несколько дней не выходит из комнаты и рыдает над трусами, которые накрахмалили вопреки его воле. Как известно, Брёйер^[1] уже указывал на связь накрахмаленного нижнего белья с постоянно мучившим Меттерлинга подозрением, будто некие толстошекие личности распускают о нем злонамеренные слухи (см. «Меттерлинг: параноидально-депрессивный психоз и ранние квитанции». Изд. «Цейс-пресс»). Тема нарушенных указаний прослеживается в единственной пьесе Меттерлинга «Удушье», герой которой Нидлман по ошибке прихватил с собой в Валгаллу заговоренный теннисный мяч.

Саман большая загадка квитанции № 2:

трусы 2
 майки 5
 носки черные 7
 пар рубашки голубые 6
 платки носовые 6
Не крахмалить!

–появление семи пар черных носков, ведь пристрастие мэтра к голубым тонам общеизвестно. На протяжении многих лет одно только упоминание любого другого цвета приводило Меттерлинга в бешенство, однажды он даже ткнул Рильке лицом в вазочку с медом, когда тот обмолвился, что любит кареглазых женщин. Анна Фрейд^[2] считает (см.: Носки Меттерлинга как символ фаллической матеря. «Успехи психоанализа», ноябрь, 1935), что неожиданный переход к темным носкам связан с переживаниями по поводу знаменитого «Происшествия в Байройте»^[3]. Как известно, во время первого акта «Тристана и Изольды» Меттерлинг чихнул, да так, что с одного, чуть ли не самого главного, мецената слетел парик. Слушатели были возмущены до глубины души, но сам Вагнер стал на защиту Меттерлинга и произнес слова, ставшие

классическими: «Каждый может чихнуть». Козима Вагнер, однако, разрыдалась, заявив, что Меттерлингу чихать на триумф ее мужа.

Меттерлинг несомненно имел виды на Комму Вагнер. Сохранились сведения, что он дважды брал ее за руку: в Лейпциге и спустя четыре года – в Рурской долине. В Данциге во время грозы он набрался храбрости и пробормотал что-то невразумительное по поводу берцовой кости фрау Вагнер, после чего та вообще перестала с ним встречаться. Меттерлинг вернулся домой совершенно обессиленный и тотчас сочинил «Размышления цыпленка», посвятив рукопись Вагнерам. Узнав, что Вагнеры подложили рукопись под ножку шаткого стола, мэтр впал в меланхолию и переключился на черные носки. Хозяйка умоляла его вернуться к голубым, столь любимым им когда-то, или по крайней мере к коричневым, но Меттерлинг грубо оборвал ее: «Стерва! Может, еще в клеточку предложишь!» В квитанции № 3:

платки носовые6
 майки 5
 носки.....8 пар
 простыни.....3
 наволочки.....2

впервые упоминается постельное белье. Не секрет, что Меттерлинг был к нему весьма равнодушен, особенно к наволочкам, которые они с сестрой в детстве натягивали на голову, изображая привидения (пока в один прекрасный день будущий писатель не свалился в каменоломню). Меттерлинг любил спать на свежем белье, Этой страстью он наделил и своих героев. В «Селедочном филе», например, слесарь-импотент Хорст Вассерман совершает убийство из-за пары чистых простыней, а в «Пальце пастыря» Дженни уступает домогательствам Клинемана (которого ненавидит за то, что он вымазал маслом ее мать), поскольку «он обещал постелить свежие простыни». Конечно, постоянная неудовлетворенность работой прачечной окрашивала жизнь писателя в трагические тона, но было бы абсурдом утверждать вслед за Пфальцем, что именно это помешало ему завершить «Камо грядеши, кретин?». Да, Меттерлинг с превеликим удовольствием отдавал белье в стирку, но рабом простыней он не был!

Книга стихов, задуманная писателем еще в юности, так и осталась незаконченной из-за неудавшегося романа, следы которого находим в квитанции № 4, «Знаменитой четвертой»:

трусы.....7
 платки носовые6
 майки6
 носки черные.....7

Не крахмалить! Срочная стирка!

В 1884 году Меттерлинг познакомился с Лу Андреас-Саломе, и вот мы узнаём, что теперь ему ежедневно требуется свежее белье. Познакомил их Ницше, который сказал Лу, что Меттерлинг либо гений, либо полный идиот, – ей следовало проверить оба предположения и выбрать верное. В те годы срочная стирка сделалась очень популярной в Европе, особенно среди интеллектуалов, и Меттерлинг горячо приветствовал это новшество. Его радовало, что заказ выполняется немедленно, – медлить он не любил. На званые обеды мэтр являлся заблаговременно, иногда несколькими днями раньше, так что хозяевам приходилось размещать его в комнате для гостей. Лу тоже обожала ежедневно получать из стирки свежее белье. Она радовалась как ребенок и частенько приглашала Меттерлинга прогуляться по лесу, где они вместе разворачивали только что доставленный сверток. Она души не чаяла в майках

Меттерлинга и в его носовых платках, но больше всего ее восхищали трусы. В письме к Ницше Лу признавалась, что ничто (даже «Так говорил Заратустра») не производило на нее такого впечатления. Ницше стоически перенес это признание, однако продолжал ревновать ее к белью Меттерлинга, которое, по словам друзей, считал «в высшей степени гегельянским». Лу Саломе и Меттерлинг расстались после опустошительного

«Паточного голода» 1886 года. Впоследствии мэтр простил Лу, но та не переставала твердить, что «в голове у него шариков не больше, чем полушарий». Квитанция № 5:

майки6
 трусы.....6
 платки носовые6

всегда озадачивала исследователей полным отсутствием носков. (Много лет спустя загадочная квитанция так захватила воображение Томаса Манна, что он посвятил ей целую пьесу – «Белье Моисея». К несчастью, Манн обронил рукопись в канализационный люк.) Почему же **из**квитанций титана духа внезапно пропали носки? Нет, не правы те, кто считал это первым признаком приближавшегося безумия, хотя общеизвестно, что именно в указанные годы в поведении Меттерлинга начинают наблюдаться некоторые странности. К примеру, ему никак не удавалось понять: то ли за ним следят, то ли он сам постоянно выслеживает кого-то. Близким друзьям Меттерлинг сообщал, что правительство хочет украсть у него подбородок. Однажды, когда мэтр отдыхал в Йене, он на протяжении четырех дней не мог произнести ничего, кроме слова «баклажан». Однако подобные приступы были нечасты и ни в коей мере не могут объяснить исчезновения носков, впрочем, как и гипотеза, будто он в этом подражал Кафке (испытывая комплекс вины, тот на время вовсе отказался от носков). Нет, утверждает Айзенбуд, конечно же Меттерлинг продолжал носить носки, просто он перестал отдавать их в стирку. Почему же? А потому, что как раз в то время в его жизнь входит новая домработница – фрау Мильнер. Она согласилась стирать носки вручную, и Меттерлинг был так тронут, что решил завещать ей все свои богатства: черную шляпу и остатки табака. Фрау Мильнер явилась прототипом Хильды в аллегорической комедии «Сукровица мамыши Брандт».

Очевидно, что к 1894 году сознание Меттерлинга начинает раздваиваться. Это единственный вывод, который можно сделать на основе анализа квитанции № 6:

платки носовые25
 майки1
 трусы.....5
 носки.....1

Неудивительно, что Меттерлинг становится пациентом Фрейда. Познакомились они задолго до того – в Вене, на спектакле «Эдип» (после которого Фрейда вынесли в холодном поту). Если верить записям Фрейда, где поведение Меттерлинга названо агрессивным, то можно предположить, что сеансы проходили довольно бурно. Меттерлинг все время твердил, что Фрейд похож на помощника его прачки, а однажды даже грозился вырвать у профессора бороду. Постепенно выяснились подробности болезненных взаимоотношений Меттерлинга с отцом. (Исследователям уже знакома эта личность: мелкий чиновник, постоянно унижавший сына, сравнивая его с «колбасиной».) Ключом к подсознанию Меттерлинга послужил сон, который в записи Фрейда выглядел так:

Я присутствую на званом обеде в доме друзей. Неожиданно появляется человек с переполненной супницей на поводке. Он обвиняет мое нижнее белье в предательстве. Некая леди встает на мою защиту, но у нее вдруг отваливается лоб. Во сне это кажется смешным, и я начинаю хохотать. Вскоре уже смеются все гости, кроме помощника моей прачки, который сосредоточенно набивает уши овсяной кашей. Входит отец. Он хватается отвалившийся лоб и убегает. Выскочив на ратушную площадь, отец вопит: «Ура! Наконец-то у меня есть собственный лоб! Я больше не завишу от своего сына-идиота». Хотя это и сон, но все равно ужасно обидно, и меня охватывает желание расцеловать белье бургомистра. (Тут пациент начинает рыдать и не в силах больше ничего вспомнить.)

Проанализировав сон, Фрейд сумел помочь Меттерлингу. Теперь во всем, что не касалось лечения, их связывали дружеские отношения (тем не менее Фрейд не позволял Меттерлингу стоять у себя за спиной).

Во втором томе Айзенбуд анализирует квитанции № 7 – 25, относящиеся к периоду

«домашней стирки» и ко времени исторического конфликта с соседней китайской прачечной.

Взгляд На Организованную Преступность

Ни для кого не секрет, что доходы организованной преступности Америки составляют около сорока миллиардов долларов в год. Сумма немалая, особенно если учесть, что мафия почти ничего не тратит на оборудование для офисов. Из надежных источников известно, что в прошлом году «Коза ностра» израсходовала на именную почтовую бумагу не больше шести тысяч долларов, а на скрепки и того меньше. Более того, мафия обходится одной-единственной секретаршей, которая выполняет все машинописные работы, и всего-навсего тремя небольшими комнатками, в коих располагается штаб-квартира «Коза ностры», плюс танцевальные классы Фреда Перски.

Обратившись к прошлому году, мы можем отметить, что организованная преступность несет прямую ответственность за сто с чем-то убийств, совершенных за этот период, не считая того, что «мафиози» были косвенно замешаны еще в нескольких сотнях таковых, поскольку оплачивали проезд убийц в общественном транспорте и держали их пальто, пока те занимались своим грязным делом. Другие виды противоправной деятельности, которой занимаются члены «Коза ностра», включают в себя азартные игры, торговлю наркотиками, проституцию, грабежи на большой дороге, ростовщичество, а также предпринятый с аморальными целями вывоз живого сига в соседний штат. Щупальца этой растленной империи проникли даже в правительственные учреждения. Всего несколько месяцев назад двое «отцов мафии», которым федеральные власти уже предъявили обвинения, провели целую ночь в Белом доме, так что президенту пришлось спать на кушетке.

История Организованной Преступности В Соединенных Штатах

В 1921 году Фома («Мясник») Ковелло и Киро («Закройщик») Сантуччи предприняли попытку объединить разрозненные этнические группы преступного мира и тем самым добиться полного контроля над Чикаго. Их планы были расстроены, когда Альберт («Логический Позитивист») Корилло организовал покушение на «Малыша» Липского – Альберт запер несчастного в чулане и через соломинку высосал оттуда весь воздух. Брат Липского Менди (он же Менди Льюис, он же Менди Ларсен, он же Менди Онже) отомстил за убийство Липского, похитив брата Сантуччи Гаэтано (известного также под именами «Малютка Тони» и «раввин Генри Шарпстейн») и через несколько недель возвратив его семье в двадцати семи отдельных каменных урнах. Этот его поступок послужил поводом к началу кровавой бойни.

Доминик («Герпетолог») Миони застрелил перед баром в Чикаго «Счастливчика» Лоренцо (получившего свое прозвище после того, как бомба, взорвавшаяся в его шляпе, не причинила ему никакого вреда). В отместку Корилло со своими людьми выследил Миони в Ньюарке и изготовил из его головы духовой инструмент. В то же самое время банда Витали, возглавляемая Джузеппе Витали (подлинное имя – Квинси Бедекер), предприняла решительные действия, имевшие целью отобрать весь бутлегерский бизнес в Гарлеме у «Ирландца» Ларри Дойля – рэкетира, отличавшегося такой подозрительностью, что он не позволял никому из нью-йоркцев заходить ему за спину и потому передвигался по улицам, совершая пируэты и временами вращаясь на месте. Дойля убили после того, как строительная компания «Сквиланте» решила построить свой новый офис прямо на его на переносице. Вслед за этим командование принял на себя «лейтенант» Дойля, «Маленький Пети» (он же «Большой Пети») Росс. Не желая быть поглощенным Витали, он заманил его в пустой гараж неподалеку от центра города, под тем предлогом, что в этом гараже якобы будет устроен

костюмированный бал. Когда ничего не подозревавший Витали, нарядившись гигантской мышью, вошел в гараж, его изрешетили из крупнокалиберного пулемета. Люди Витали, из верности своему погибшему боссу, тут же переметнулись к Россу. Точно так же поступила и невеста Витали, Беа Моретти, танцовщица и звезда нашумевшего бродвейского мюзикла «Читайте каддиш»^[4], которая в конце концов вышла за Росса замуж, хотя впоследствии и затеяла с ним бракоразводный процесс, на том основании, что он намазал ее какой-то вонючей мазью.

Опасаясь вмешательства федеральных властей, Винсент Колумбаро, Король тостов с маслом, призвал враждующие стороны заключить мирное соглашение. (Колумбаро столь плотно контролировал движение намасленных тостов через границы штата Нью-Джерси, что одного его слова было довольно, чтобы оставить без завтрака две трети населения Америки.) Представители преступного мира собрались в городке Перт-Амбой на обед, на котором Колумбаро объявил им, что междоусобную войну надлежит прекратить и что отныне им всем придется носить приличные костюмы и не вилять бедрами при ходьбе. Письма, которые до той поры содержали вместо подписи изображение черной руки, следует, объяснил он, впредь завершать словами «С наилучшими пожеланиями», а всю территорию Соединенных Штатов придется поделить поровну, причем штат Нью-Джерси должен отойти матери Колумбаро. Вот так и появилась на свет «мафия», или «Коста ностра» (в дословном переводе – «моя» или «наша зубная паста»). Два дня спустя Колумбаро, намереваясь помыться, погрузился в горячую ванну, и в течение последующих сорока шести лет никто о нем больше не слышал.

Структура Мафии

Структура «Коза ностры» мало чем отличается от структуры любого правительства или крупной корпорации – или гангстерской шайки, что в принципе одно и то же. Во главе ее стоит «Сапо di tutti capi», или «Босс всех боссов». Все совещания происходят у него на дому, причем он несет полную ответственность за обеспечение всех присутствующих мясным ассорти и кубиками льда для напитков. Если чего-то не хватает, виновного убивают на месте. (К слову сказать, смерть – это одно из худших наказаний для любого члена «Коза ностры», так что многие из них предпочитают ей простую уплату штрафа.) Боссу боссов подчинены так называемые «лейтенанты», каждый из которых с помощью членов своей «семьи» управляет одним из районов города. Мафиозные семьи состоят вовсе не из жены и детей, которые вечно просят в цирк или на пикник. На самом деле такая «семья» состоит из довольно серьезных мужчин, главная радость которых состоит в исследовании вопроса о том, как долго тот или иной человек способен продержаться на дне Ист-ривер, прежде чем начнет пускать пузыри.

Посвящение в члены мафии представляет собой довольно сложную церемонию. Новичку завязывают глаза и вводят его в темную комнату. Ему набивают карманы ломтиками дыни, после чего он должен немного попрыгать на одной ноге, издавая крики: «Волыню! Волыню!» Затем каждый член совета, их еще называют «commissione», оттягивает его верхнюю губу и отпускает, прислушиваясь к производимому ею щелчку, – некоторые проделывают это дважды. Потом ему сыплют на голову овсяную крупу. Если посвящаемый протестует, его дисквалифицируют. Если же он говорит: «Господи, как я люблю, когда на голове моей всходят овсы», его тут же принимают в братство, подтверждая это поцелуем в щеку и рукопожатием. С этой минуты ему запрещается употреблять в пищу индийские приправы, развлекать друзей, изображая снесшую яичко курицу, а также убивать кого бы то ни было по имени Вито.

Выводы

Организованная преступность – это болезнь нашей нации. Многие молодые американцы соблазняются преступной карьерой, якобы обещающей легкую жизнь, хотя в действительности большинству преступников приходится проводить на работе долгие часы, причем зачастую в помещениях без кондиционеров. Распознавать преступников каждому из нас приходится самостоятельно. Как правило, они носят крупные запонки и невозмутимо продолжают жевать, когда на голову человека, сидящего рядом с ними в ресторане, падает наковальня. Наилучшие способы борьбы с организованной преступностью таковы:

1. Сказать преступникам, что вас нет дома.

2. Вызвать полицию, если в вашей прихожей скопится слишком много поющих хором работников Сицилийской прачечной.

3. Прослушивать телефонные разговоры.

Последний способ для огульного применения не годится, однако его эффективность подтверждается расшифровкой записанного ФБР разговора двух боссов нью-йоркской мафии:

Энтони. Алло? Рико? Р и к о. Алло? Энтони. Рико? Рико. Алло.

Энтони. Рико? Р и к о. Я тебя не слышу. Энтони. Это ты, Рико? Я тебя не слышу. Рико. Что?

Энтони. Ты меня слышишь? Рико. Алло? Энтони. Рико? Рико. Что-то со связью.

Энтони. Ты меня слышишь? Рико. Алло? Энтони. Рико? Рико. Алло?

Энтони. Оператор, у нас что-то со связью. Оператор. Повесьте трубку, сэр, и наберите номер еще раз. Рико. Алло?

Эта запись позволила вынести приговор Энтони («Рыбе») Ротунно и Рико Панцини, которые в настоящее время отбывают пятнадцатилетний срок в тюрьме «Синг-Синг» за незаконное владение районом Бенсонхерст в Нью-Йорке.

Мемуары Шмида

Неиссякаемый, судя по всему, поток литературы, посвященной Третьему рейху, вскоре пополнится мемуарами Фридриха Шмида. Шмид, самый известный из парикмахеров Германии военной поры, обслуживал Гитлера и множество иных официальных лиц из правительственных и армейских кругов. Как было отмечено в ходе Нюрнбергского процесса, Шмид не только всегда оказывался в нужное время на нужном месте, но и обладал, судя по всему, «фотографической памятью», которая сделала его человеком, способным детально описать тайное тайных нацистской Германии. Ниже приводятся краткие извлечения из его воспоминаний.

Весной 1940 года у дверей моей парикмахерской на Кёнигштрассе, 127, остановился большой «мерседес» и в парикмахерскую вошел Гитлер. «Чуть-чуть подровнять, – сказал он, – только не снимайте лишнего сверху». Я объяснил, что ему придется немного подождать, потому что Риббентроп занял очередь первым. Гитлер сказал, что очень торопится, и попросил Риббентропа уступить ему очередь, но Риббентроп ответил, что, если он пойдет на уступки, Министерство иностранных дел Британии перестанет воспринимать его всерьез. В конце концов Гитлер позвонил по телефону и после нескольких сказанных им коротких фраз Риббентропа перевели в Африканский корпус, а Гитлер постригся вне очереди. Такого рода соперничество никогда не ослабевало в нацистских кругах. Как-то раз полиция, науськанная Герингом, под надуманным предлогом задержала на улице Хейдриха, и в результате Геринг смог занять кресло у окна. Геринг вообще был человеком распушенным, он часто требовал, чтобы ему разрешили во время стрижки сидеть на коне-качалке. Высшее нацистское командование относилось к этому факту с возмущением, но против Геринга оно было бессильно. Однажды сам Гесс попытался воспротивиться Герингу, сказав:

– Сегодня, герр фельдмаршал, сидеть на деревянном коне буду я.

– Не выйдет. Я заранее забронировал его, – рявкнул Геринг.

– А у меня приказ фюрера. В нем сказано, что я могу стричься, сидя на деревянном

коне, – и Гесс вынул из кармана соответствующее письменное распоряжение Гитлера.

Геринг был вне себя от злости. Он никогда не простил этого Гессу и часто клялся, что рано или поздно доведет Гесса до того, что жена будет стричь его на дому, да еще и под горшок. Гитлер, услышав об этом, очень смеялся, но Геринг не шутил и, безусловно, добился бы своего, если бы министр вооружений не отверг его проект реквизиции ножниц для прореживания волос.

Меня часто спрашивают, ощущал ли я, выполняя мою работу, моральную сопричастность тому, что творили нацисты. Как я уже говорил на Нюрнбергском процессе, я не знал, что Гитлер был нацистом. Я-то всегда считал его простым служащим телефонной компании. Когда я в конце концов осознал, какое это чудовище, предпринимать что-либо было поздно, поскольку я уже внес первый взнос за купленную в рассрочку мебель. Впрочем, однажды, уже в самом конце войны, мне пришла в голову мысль немного ослабить салфетку, которой я повязывал шею Гитлера, чтобы несколько волосков упали ему за воротник, однако в последнюю минуту у меня сдали нервы.

Как-то раз, уже на Берхтесгаден, Гитлер спросил меня: «Как по-вашему, пойдут мне бакенбарды?» Услышав этот вопрос, Шпеер рассмеялся, чем сильно обидел Гитлера. «Я более чем серьезен, герр Шпеер, – сказал он. – По-моему, бакенбарды мне будут к лицу». Геринг, этот подобоострастный шут, немедля вмешался в их разговор, сказав: «Фюрер в бакенбардах – какая великолепная мысль!» Однако Шпеер с ним не согласился. В сущности говоря, Шпеер был единственным человеком, которому хватало честности и прямоты для того, чтобы указывать фюреру на необходимость подстричься. «Слишком безвкусно, – сказал он в тот раз. – На мой взгляд, бакенбарды скорее подошли бы Черчиллю». Гитлер пришел в ярость. Собирается ли Черчилль отрастить бакенбарды, пожелал узнать он, и если собирается, то сколько и когда? Немедленно вызвали Гимmlера, который, как все считали, отвечает за разведку. Геринг, раздраженный позицией Шпеера, прошептал ему на ухо: «Чего ты волну-то гонишь, а? Хочет бакенбарды, ну и пусть их получит». Однако Шпеер, как правило беспредельно тактичный, назвал Геринга лицемером и «куском соевого сыра в германском мундире». Геринг поклялся, что так ему этого не оставит, и впоследствии поговаривали, будто он приказал охранникам из СС изрезать простыни Шпеера в мелкую лапшу.

Тут появился сходящий с ума от тревоги Гимmlер. Когда его вызвали по телефону на Берхтесгаден, он как раз брал урок чечетки. Гимmlер опасался, что его станут расспрашивать насчет неизвестно куда подевавшейся партии в несколько тысяч остроконечных партийных шляп, обещанных Роммелю на период зимней кампании. (Гимmlера, по причине его слабого зрения, редко приглашали обедать на Берхтесгаден, поскольку фюрер выходил из себя, видя, как Гимmlер подносит вилку с куском еды к самым глазам, а после тычет ею себе в щеку.) Гимmlер сразу понял, что дела обстоят скверно, поскольку Гитлер назвал его «недомерком» – прозвище, к которому фюрер прибегал лишь в минуты крайнего раздражения. Безо всякого предупреждения Гитлер набросился на него с криком: «Собирается ли Черчилль отрастить бакенбарды?»

Гимmlер побагровел.

«Я жду ответа!»

Гимmlер промямлил, что будто бы такие разговоры ходили, но все это еще неофициально. Что касается размера и числа бакенбард, пояснил он, то их будет, скорее всего, две, средней протяженности, но говорить об этом с полной уверенностью никто не хочет, пока не обретет таковой. Гитлер визжал и лупил кулаком по столу. (Это был триумф Геринга над Шпеером.) Развернув на столе карту, Гитлер показал нам, как он намерен организовать блокаду, которая оставит Англию без горячих салфеток. Перекрыв Дарданеллы, Дениц сможет воспрепятствовать доставке салфеток на английское побережье, а оттуда – на встревоженно ожидающие их лица британцев. Остался однако нерешенным главный вопрос: сможет ли Гитлер опередить Черчилля по части отращивания бакенбард? Гимmlер твердил, что Черчилль начал первым и что догнать его, скорее всего, не удастся. Геринг, этот бессмысленный оптимист, сказал,

что фюрер, возможно, успеет вырастить бакенбарды прежде, чем Черчилль, в особенности если мы сможем бросить на выполнение этой задачи все силы немецкой нации. Фон Рундштедт, выступая на совещании Генерального штаба, заявил, что попытка отрастить бакенбарды на двух фронтах одновременно была бы ошибочной, и порекомендовал сосредоточить все наши усилия на одной щеке. Однако Гитлер твердил, что способен справиться с двумя щеками сразу. Роммель согласился с фон Рундштедтом. «Они никогда не получатся ровными, *mein Führer*, – сказал он. – Особенно если вы будете их подгонять». Гитлер разгневался и ответил, что это касается только его самого и его парикмахера. Шпеер пообещал к наступлению осени утроить валовое производство крема для бритья, и Гитлер, услышав об этом, впал в восторженное состояние. Затем, зимой 1942 года, русские перешли в контрнаступление, вследствие чего бакенбарды у Гитлера расти перестали. Он впал в депрессию, опасаясь, что Черчилль вскоре приобретет роскошную внешность, между тем как он, Гитлер, так и останется «заурядным», но тут поступило сообщение о том, что Черчилль отказался от идеи отрастить бакенбарды, сочтя ее осуществление слишком дорогостоящим. Таким образом, жизнь в который раз подтвердила правоту фюрера.

После вторжения союзников волосы Гитлера начали сохнуть и иссекаться. Отчасти причиной этого стало успешное продвижение союзников, а отчасти – рекомендация Геббельса мыть голову каждый день. Когда генерал Гудериан прослышал об этом, он немедленно возвратился с русского фронта в Германию, дабы сказать Гитлеру, что пользоваться шампунем следует не более трех раз в неделю. Такова была процедура, к которой Генеральный штаб с неизменным успехом прибегал в последних двух войнах. Но Гитлер в очередной раз не послушал своих генералов и продолжал мыть голову ежедневно. Борманн помогал ему ополаскиваться и, казалось, всегда был рядом, имея наготове расческу. В конечном итоге Гитлер впал в такую зависимость от Борманна, что всякий раз перед тем, как поглядеться в зеркало, просил Борманна заглянуть в него первым. По мере того как войска союзников продвигались к востоку, прическа Гитлера приходила во все больший упадок. Временами он, с пересохшими, непричесанными волосами, несколько часов кряду бился в гневном припадке, объясняя окружающим, как красиво он пострижется, как чисто, может быть, даже до блеска, побреется, когда Германия победит в войне. Ныне я понимаю, что он никогда по-настоящему не верил в это.

Однажды Гесс украл у Гитлера флакон «Виталиса» и удрал самолетом в Англию. Прослышав об этом, высшее германское командование пришло в неистовство. Командование понимало, что Гесс намеревается сдать этот лосьон для волос союзникам в обмен на предоставление ему амнистии. Особенно прогневался, услышав об этом, Гитлер, потому что он как раз вылез из-под душа и собирался привести свои волосы в порядок. (Позже, во время Нюрнбергского процесса, Гесс откровенно рассказал о своем плане, пояснив, что хотел помочь Черчиллю отрастить шевелюру, гарантировав тем самым победу союзников. Он уже успел нагнуть голову Черчилля над раковиной умывальника, но тут его арестовали.)

В конце 1944 года Геринг отрастил усы, и это стало причиной слухов, что он будто бы скоро заменит Гитлера. Гитлер вышел из себя и обвинил Геринга в нелояльности. «Усы у вождей Рейха могут быть только одни, и это должны быть мои усы!» – восклицал он. Геринг сказал в свою защиту, что если число усов удвоится, то это внушит немецкому народу удвоенную надежду на победу в войне, которая складывается пока не лучшим образом, однако Гитлер с ним не согласился. Затем, в январе 1945 года, возник заговор генералов, намеревавшихся сбрить у спящего Гитлера усы и провозгласить Деница новым вождем нации. Заговор этот провалился вследствие того, что фон Штауффенберг, обманутый царившей в спальне Гитлера темнотой, сбрил вместо усов брови фюрера. В стране было введено чрезвычайное положение, а вскоре после этого в моей парикмахерской появился Геббельс. «Было совершено покушение на усы фюрера, однако оно завершилось провалом», – весь дрожа, произнес он. Геббельс распорядился

организовать мое выступление по радио с обращением к народу Германии, которое я зачитал, почти не заглядывая в подготовленный текст. «Фюрер невредим, – сказал я народу. – Усы по-прежнему при нем. Повторяю. Фюрер сохранил свои усы. Заговор, направленный на то, чтобы их сбрить, провалился».

Уже в самом конце войны меня вызвали в бункер Гитлера. Армии союзников приближались к Берлину, и Гитлер чувствовал, что если русские придут первыми, ему придется обриться наголо, если же первыми окажутся американцы, то достаточно будет просто слегка подровнять волосы. Вокруг все нервничали и переругивались. В самый разгар общей ссоры Борманн вдруг захотел побриться, и я пообещал выкроить для него местечко в моем графике. Фюрер все больше мрачнел, замыкался в себе. По временам он заговаривал о том, чтобы устроить себе пробор от уха до уха, или о том, что, ускорив создание электрической бритвы, он сможет переломить ход войны в пользу Германии. «Мы будем тратить на бритье не больше нескольких секунд, не так ли, Шмид?» – бормотал он. Упомянул он и о других безумных планах, а однажды заявил, что подумывает когда-нибудь не просто постричься, но сделать красивую прическу. Со всегдашним его стремлением к монументальности, Гитлер клялся, что рано или поздно соорудит на своей голове такой «помпадур», от которого «содрогнется мир, и для укладки которого потребуются почетный караул». На прощание мы обменялись рукопожатиями и я в последний раз подровнял ему волосы. Фюрер дал мне пфенниг на чай. «С радостью дал бы больше, – сказал он, – но после того, как союзники завладели Европой, я несколько стеснен в средствах».

Моя Философия

Поводом к созданию моей собственной философской системы явилось следующее событие: жена, зазвав меня на кухню попробовать впервые приготовленное ею суфле, случайно уронила чайную ложку последнего мне на ногу, переломав несколько мелких костей стопы. Пришлось собрать консилиум, доктора изучили рентгеновские снимки и велели мне пролежать месяц в постели. В процессе выздоровления я обратился к трудам самых заумных мыслителей Западного мира – стопку их книг я давно держал наготове как раз для такого случая. Презрев хронологический порядок, я начал с Кьеркегора и Сартра, а затем переключился на Спинозу, Юма, Кафку и Камю. Поначалу я опасался, что чтение окажется скучным, но нет, напротив, меня зачаровала бойкость, с которой эти великие умы расправляются с проблемами морали, искусства, этики, жизни и смерти. Помню мою реакцию на типичное по своей прозрачности замечание Кьеркегора: «Отношение, которое соотносит себя со своей собственной сущностью (то есть с собой), должно либо образовываться собою самим, либо образовываться другим отношением». Эта концепция едва не довела меня до слез. Господи, подумал я, какой же он умный! (Сам-то я из тех людей, которые с великим скрипом сооружают от силы два осмысленных предложения на тему «Что я видел в зоопарке».) Правда, я ничего в приведенном замечании не понял, ну да ладно, лишь бы Кьеркегору было хорошо. Внезапно обретя уверенность, что я просто создан для занятий метафизикой, я взялся за перо и принялся набрасывать первые из моих собственных рассуждений. Работа шла ходко, и всего за два вечера – с перерывами на сон и на попытки загнать два стальных шарика в глаза жестяного медведя – я завершил философский труд, который, надеюсь, будет обнародован только после моей смерти или в 3000 году (в зависимости от того, что наступит раньше) и который, как я смиренно ожидаю, заслужит мне почетное место в ряду авторитетнейших в истории человечества мыслителей. Ниже приводится несколько примеров того, что образует интеллектуальное сокровище, которое я оставляю последующим поколениям – или уборщице, если она появится первой.

1. Критика Чистого Ужаса

Первый вопрос, которым нам следует задаться, приступая к формулированию любой философской системы, таков: что мы, собственно, знаем? То есть в каком именно нашем знании мы уверены или уверены, что мы знаем, что знали нечто, если оно вообще является познаваемым. Или, может быть, мы просто забыли то, что знали, и теперь стесняемся в этом признаться? Декарт намекнул на эту проблему, когда написал: «Мой разум никогда не знал моего тела, хотя с ногами моими у него сложились довольно теплые отношения». Кстати, под «познаваемым» я не подразумеваю ни того, что может быть познано посредством чувственной перцепции, ни того, что может быть усвоено разумом, но по преимуществу то, о чем можно сказать, что оно Должно Быть Познанным, или обладать Знаемостью, или Познаемостью, или на худой конец то, о чем можно поболтать с друзьями.

В самом деле, «знаем» ли мы Вселенную? Бог ты мой, да нам далеко не всегда удается выбраться даже из Китайского квартала. Суть, однако же, в следующем: существует ли что-либо вне данной точки пространства? И зачем? И чего оно так шумит? И наконец, невозможно сомневаться в том, что одной из характеристик «реальности» является отсутствие сущности. Это не означает, что сущности в ней нет совсем, просто сейчас она отсутствует. (Реальность, о которой я здесь говорю, это та же самая, которую описывал Гоббс, только моя немного поменьше.) Вследствие этого смысл картезианского изречения «Я мыслю, следовательно, существую» может быть гораздо яснее передан словами: «Глянь-ка, а вот и Эдна со своим саксофоном!» Но в таком случае, чтобы познать субстанцию или идею, мы должны в ней усомниться и таким образом, подвергая ее сомнению, воспринять качества, которыми она обладает в конечном своем состоянии, каковое и есть подлинная «вещь в себе» или «вещь из себя», или еще что-нибудь, или просто пустое место. Уяснив это, мы можем на время оставить гносеологию в покое.

II. Эсхатологическая Диалектика Как Средство Избавления От Опоясывающего Лиша

Можно утверждать, что Вселенная состоит из некоей субстанции, которую мы назовем «атомами» или еще «монадами». Демокрит называл ее атомами. Лейбниц – монадами. По счастью, эти двое никогда не встречались, иначе они затеяли бы на редкость скучную дискуссию. Эти частицы были приведены в движение некоей причиной, или основополагающим принципом, а может быть, на них просто что-то упало. Главное, теперь тут ничего уже сделать нельзя, разве что попробовать съесть побольше сырой рыбы. Все это, разумеется, не объясняет бессмертия души. И ничего не говорит нам о загробном существовании или о том, почему моему дяде Сендеру все время казалось, будто его преследуют албанцы. Причинно-следственное отношение между первоначальным принципом (т. е. Богом или же сильным ветром) и любой телеологической концепцией бытия (Бытие) является, согласно Паскалю, «столь смехотворным, что это даже не смешно (Смешно)». Шопенгауэр называл его «волей», однако лечащий врач Шопенгауэра утверждал, что речь может идти всего-навсего о сенной лихорадке. Она отравила последние годы Шопенгауэра, он очень из-за этого злился, хотя причина тут была скорее в его все усиливающихся подозрениях насчет того, что он никакой не Моцарт.

III. Космос По Пять Долларов В День

Что же, в таком случае, представляет собой «красота»? Слияние гармонии с точностью или слияние гармонии с чем-то иным, что лишь созвучно слову «точность»? Возможно, гармонию следовало бы сливать с «сочностью», а все наши неприятности проистекают как раз из того, что мы этого не делаем? Истина, разумеется, и есть красота, – или «необходимость». То есть все, что хорошо или обладает качеством

«хорошести», в конечном итоге приводит нас к истине. А если какая-то вещь туда не приводит, то можете смело биться об заклад, что вещь эта лишена красоты, пусть даже она по-прежнему не пропускает воду. Мне все-таки кажется, что я был прав изначально и все следует сливать с сочностью. Ну да ладно.

Две Притчи

Человек приближается ко дворцу. Единственный вход в него охраняют свирепые гунны, которые пропускают только тех, кого зовут Юлий. Человек пытается подкупить стражу, предлагая годовой запас куриных окорочков. Стражники не отвергают этого предложения, но и не принимают его, а просто берут человека за нос и начинают его выкручивать, и выкручивают до тех пор, пока нос не приобретает сходство с шурупом. Тогда человек заявляет, что ему совершенно необходимо попасть во дворец, потому что он принес императору свежую смену белья. Поскольку стража все-таки его не пускает, человек начинает отплясывать чарльстон. Танец стражникам нравится, но вскоре они снова мрачнют, вспомнив о том, как федеральное правительство обошлось с индейцами племени навахо. Человек, запыхавшись, падает наземь. Он умирает, так и не повидав императора да еще и не заплатив компании «Стейнвэй» шестьдесят долларов за пианино, которое он в прошлом августе взял напрокат.

* * *

Мне вручают депешу, которую я должен доставить генералу. Я скачу и скачу на коне, но расстояние до штаб-квартиры генерала как будто все увеличивается и увеличивается. В конце концов на меня набрасывается гигантская черная пантера и начинает пожирать мой мозг и сердце. В результате все мои планы на вечер идут прахом. Сколько я ни стараюсь, мне не удастся настичь генерала, хоть я и вижу, как он в одних трусах бежит вдали, шепча в сторону противника слова «мускатный орех».

Афоризмы

Человек не может объективно переживать собственную смерть и при этом продолжать насвистывать.

* * *

Вселенная есть просто идея, мелькнувшая в разуме Бога, – весьма неприятная мысль, особенно если вы только что внесли первый взнос за дом, купленный в рассрочку.

* * *

Вечное Ничто – штука неплохая, нужно только успеть одеться соответственно.

* * *

Если бы только Дионис был жив! Интересно, где бы он теперь обедал?

* * *

Бога нет. А в выходные даже водопроводчика не доищешься!

Весенний Бюллетень

Число попадающих в мой почтовый ящик информационных листков и рекламных проспектов, присылаемых разного рода колледжами и курсами для взрослых, навело меня на мысль, что я, видимо, попал в особый список рассылки, содержащий имена всех тех, кто по разного рода причинам не завершил образования. Не то чтобы я жаловался. В предлагаемых этими колледжами расширенных курсах присутствует нечто, неизменно пробуждающее во мне живой интерес и захватывающее так, как это до сей поры удалось лишь каталогу гонконгских приспособлений для желающих увлекательно провести медовый месяц, доставленному мне вследствие какого-то недоразумения. Всякий раз, читая очередной перечень этих курсов, я начинаю строить планы насчет того, чтобы немедленно бросить все и вернуться к учебе. (Из колледжа меня выгнали много лет назад – я стал жертвой так и не доказанных обвинений, смахивающих на те, которые предъявлялись «Желтому мальчишке» Вайлю^[5].) Тем не менее я и по сей день остаюсь недоучившимся, нерасширенным совершеннолетним, обзаведшимся привычкой время от времени пролистывать в воображении красиво отпечатанный бюллетень, более-менее похожий на все остальные.

ЛЕТНИЕ КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Экономическая Теория

Систематическое применение и критическая оценка основных аналитических концепций экономической теории. Особое внимание уделяется деньгам и вопросу о том, что в них хорошего. В первом семестре изучаются производственные функции фиксированных коэффициентов, кривые затрат и предложения, а также характеристики их невыпуклости; второй семестр охватывает такие темы, как расходование средств, умение получать сдачу и способы поддержания бумажника в опрятном виде. Анализируется Федеральная резервная система, особо успевающих студентов обучают методу заполнения бланка для внесения депозита. Среди других изучаемых тем: инфляция и депрессия – что надевать в случае каждой из них. Ссуды, проценты, как и где лучше всего укрываться от уплаты по долговым обязательствам.

История Европейской Цивилизации

С тех пор как в мужском туалете кафе «Сиддон» в Ист-Резерфорде, штат Нью-Джерси, были обнаружены останки ископаемого эогиппуса, многие ученые заподозрили, что когда-то Европа и Америка соединялись перешейком, который впоследствии либо ушел под воду, либо превратился в Ист-Резерфорд, штат Нью-Джерси, либо же имело место и то, и другое. Все это проливает новый свет на процесс формирования европейской цивилизации и позволяет историкам строить гипотезы о том, почему она возникла в географической зоне, гораздо больше подходящей для нынешней Азии. В курсе рассматривается также вопрос о причинах, по которым Возрождение решили провести именно в Италии.

Введение В Психологию

Теория человеческого поведения. Почему некоторых людей называют «милыми», в то

время как другим очень хочется дать по морде?

Действительно ли существует непроходимая пропасть между духом и телом, и если это так, то чем лучше обладать? (Студентам, которых особенно интересуют эти аспекты психологии, рекомендуется пройти один из следующих курсов зимнего семестра: «Введение во враждебность», «Промежуточная враждебность», «Развитая ненависть», «Теоретические основы омерзения».) Особое внимание уделяется изучению сознательного как противоположности бессознательного, дается также много полезных советов насчет того, как остаться сознательным.

Психопатология

Курс нацелен на глубокое понимание навязчивых идей и фобий, включая боязнь внезапной поимки с последующим удушением крабовым мясом, нежелание возвращать подачу при игре в волейбол и неспособность произнести в присутствии женщины слова «байковое одеяло». Анализируется также неодолимая потребность в обществе бородатых мужчин.

Философия

Читаются все авторы от Платона до Камю с особым упором на следующие темы:

Этика: Категорический императив и шесть способов заставить его работать на вас.

Эстетика: Является ли искусство зеркалом жизни или чего?

Метафизика: Что происходит с душой после смерти? Как она там вообще?

Гносеология: Познаваемо ли знание? Если нет, откуда мы это знаем?

Абсурд: Почему жизнь зачастую представляется бессмысленной, и в особенности людям, носящим кашемировые пальто? Единичность и множественность изучаются в их отношении к инакости. (Студенты, освоившие единичность, поощряются на предмет перехода к парности.)

Философия ХХІХ-В

Знакомство с Богом. Встречи с Творцом Вселенной в ходе чтения неформальных лекций и практических занятий.

Новейшая Математика

Стандартная математика была недавно признана устаревшей – толчком к этому послужило открытие того, что мы в течение многих лет писали цифру пять задом наперед. Это открытие привело к переоценке счета как метода последовательного продвижения от единицы до десяти. Студенты осваивают передовые концепции Булевой алгебры и под угрозой телесных наказаний научаются решать считавшиеся прежде неразрешимыми уравнения.

Фундаментальная Астрономия

Подробное изучение Вселенной, а также способов ухода за ней и поддержания ее в чистоте и порядке. Поскольку Солнце, которое состоит из газа, может взорваться в любую минуту, развалив всю нашу планетарную систему, студенты получают рекомендации относительно того, что может в подобном случае предпринять рядовой гражданин. Помимо этого студентов учат находить на небе различные созвездия, такие

как Большая Медведица, Cygnus – он же Лебедь, Sagittarius – он же Стрелец, а также дюжину звезд, образующих Lumides – он же Торговец Поддержанным Платьем.

Современная Биология

Как функционирует тело и где его обычно можно найти. Производится анализ крови, студенты узнают, почему кровь – это лучшее, что может струиться по их жилам. Студенты препарируют лягушку, сравнивая ее пищеварительный тракт с собственным, и при этом выясняют, почему она такая вкусная, если, конечно, ее не готовить с карри.

Скоростное Чтение

Этот курс позволяет каждый день понемногу увеличивать скорость чтения; к концу семестра студент приобретает умение прочитывать «Братьев Карамазовых» всего за пятнадцать минут. Метод состоит в пролистывании страниц с исключением из поля зрения всех слов, кроме местоимений. Под конец исключаются и местоимения. Мало-помалу студенты, с одобрения преподавателя, один за другим впадают в спячку. Препарируется лягушка. Наступает весна. Люди женятся и умирают. Пинкертон все еще не вернулся.

Музыковедение III

Блок-флейта. Студенты обучаются наигрывать на этой продольной флейте «Янки-Дудль», после чего быстро переходят к «Бранденбургским концертам». Затем все потихоньку возвращаются к «Янки-Дудль».

Понимание Музыки

Для того чтобы правильно «услышать» великий музыкальный шедевр, человеку необходимо: 1) знать место рождения композитора и 2) уметь отличить рондо от скерцо, подтвердив это умение соответствующими поступками. Очень важным является также ваше личное отношение к прослушиваемому произведению. Например, ухмыляться в процессе прослушивания не рекомендуется, если, конечно, композитор не ожидал от вас именно этой реакции, как, например, в случае «Тиля Уленшпигеля», граничащего с музыкальным анекдотом (лучшие хохмы отданы тромбону). Необходимо также обладать натренированным ухом, поскольку этот орган в наибольшей мере склонен к заблуждениям и при неправильной установке стереодинамиков начинает считать себя носом. Другие изучаемые темы: «Четырехтактная пауза и возможности ее использования для достижения политических целей»; «Григорианское пение – кто из монахов отбивает ритм?».

Искусство Драматургии

В основе всякой драмы лежит конфликт. Немаловажным является также развитие характеров. Ну и то, что они там все время говорят. Студенты узнают, что длинные скучные речи не дают нужного эффекта, в то время как короткие, с шутками и прибаутками, проходят на ура. Исследуется упрощенная психология театральной аудитории: почему пьеса о симпатичном

старикашке по фамилии Грампс зачастую не так увлекает зрителя, как попытка заставить впереди сидящего обернуться, сверля его затылок неотрывным взглядом?

Рассматриваются также не лишённые интереса аспекты истории театрального искусства. Например, до изобретения курсива указания драматурга нередко принимались за часть диалога, и великие актеры часто ловили себя на том, что они произносят: «Джон встает, идет налево». Это, естественно, приводило к путанице, а порой и к уничижительным отзывам критики. Данный феномен анализируется в деталях, студентов обучают методам, позволяющим избегать ошибок подобного рода. Обучающимся необходимо иметь при себе книгу А. Ф. Шульца «Шекспир: был ли он четырьмя женщинами сразу?»

Введение В Общение С Трудными Подростками

Этот курс предназначен для социальных работников, стремящихся поработать «в полевых условиях». Рассматриваются следующие темы: как преобразовать уличную банду в баскетбольную команду и наоборот; спортивная площадка как средство предотвращения подростковой преступности и способы привлечения потенциальных убийц в бассейны для воднолыжников; дискриминация; распавшиеся семьи; как поступать, когда тебя лупят велосипедной цепью.

Йейтс И Гигиена, Сравнительное Исследование

Поэзия Уильяма Батлера Йейтса анализируется в свете правильного ухода за коренными зубами. (Набор ограничен!)

Хасидские Притчи

С Руководством По Их Толкованию, Составленным Выдающимся Талмудистом

Некий человек приехал в Хелм, желая задать вопрос рабби Бен Кадишу, святейшему среди раввинов IX века и, возможно, величайшему нуджу^[6] средневековья.

– Рабби, – спросил этот человек, – где я могу обрести покой?

Великий хасид оглядел его со всех сторон и сказал:

– Обернись-ка и посмотри, что у тебя за спиной.

Человек обернулся, а рабби Бен Каддиш как даст ему по затылку подсвечником.

– Ну что, довольно тебе покоя? – усмехнулся рабби, поправляя ермолку.

В этой притче задается глупый вопрос. Причем глуп не только вопрос, но и человек, приехавший в Хелм, чтобы его задать. И дело вовсе не в том, что он жил далеко от Хелма, жил-то он как раз близко, но чего ему, спрашивается, дома не сиделось? И зачем было тревожить рабби Бен Кадиша – или у рабби своих забот не хватало? Сказать по правде, рабби в это время по уши увяз в карточных долгах, да еще некая мадам Гехт судилась с ним насчет отцовства ее ребенка. Впрочем, суть притчи состоит в том, что человек этот не нашел себе лучшего занятия, чем разъезжать по стране и действовать людям на нервы. За это рабби и проломил ему голову, что, согласно Торе, является одним из наиболее тонких способов проявления заботы о ближнем. В другой версии этой притчи разгневанный рабби потом еще вспрыгнул на распростертое тело того человека и острым стилем начертил на его носу всю историю Руфи.

* * *

Рабби Радиц из Польши был длиннобородым раввином очень маленького роста, о нем

говорили, что присущее ему чувство юмора вдохновило немало еврейских погромов. Как-то один из учеников спросил его:

– К кому Бог относился лучше – к Моисею или к Аврааму?

– К Аврааму, – ответил цадик^[7].

– Но ведь Моисей привел израильтян в Землю Обетованную, – сказал ученик.

– Ладно, тогда к Моисею, – согласился цадик.

– Я понял, рабби. Это был дурацкий вопрос.

– И вопрос твой дурацкий, и сам ты дурак, и жена у тебя мескайт^[8], а не сойдешь с моей ноги, я тебя вообще отлучу.

Здесь рабби просят вынести ценностное суждение относительно Моисея и Авраама. Вопрос не простой, особенно для человека, ни разу в жизни не заглянувшего в Библию и лишь притворяющегося ее знатоком. И как прикажете истолковывать безнадежно относительный термин «лучше»? То, что «лучше» для рабби, вовсе не обязательно «лучше» для его ученика. К примеру, рабби любил спать на животе. Ученик тоже любил спать на животе – у рабби. Проблема самоочевидна. Следует также отметить, что наступить рабби на ногу (как сделал ученик в этой притче) – большой грех, сопоставимый, согласно Торе, с тем, который совершает человек, ласкающий мацу не для того, чтобы ее съесть, а совсем с другой целью.

* * *

Человек, которому никак не удавалось выдать замуж свою некрасивую дочь, навестил краковского рабби Шиммеля.

– Тяжесть на сердце моем, – сказал он священнику, – потому что Бог дал мне некрасивую дочь.

– Насколько некрасивую? – спросил провидец.

– Если положить ее на блюдо рядом с селедкой, ты не отличишь одну от другой.

Краковский провидец надолго задумался, а после спросил:

– А что за селедка?

Отец, которого вопрос мудреца застал врасплох, ненадолго задумался, а после ответил:

– Э-э... балтийская.

– Плохо дело, – сказал рабби. – Вот если бы атлантическая, были бы хоть какие-то шансы.

Эта притча показывает нам трагедию таких преходящих качеств, как красота. Могла ли та девушка действительно походить на селедку? Вполне возможное дело. Видели бы вы, какие мымры толкутся нынче по улицам, в особенности курортным! Но даже если она и впрямь похожа на селедку, разве не всякое творение прекрасно в глазах Божиих? Тоже может быть, и все-таки если девушка выглядит более уместной в винном соусе, нежели в вечернем платье, то дело плохо. Как ни странно, жена самого рабби Шиммеля походила, как говорят, на кальмара, но только с лица. К тому же это сходство искупалось присущей ей привычкой покашливать – хотя как такое возможно, я объяснить затрудняюсь.

* * *

Рабби Цви Хайм Изроэль, правоверный толкователь Торы, человек, поднявший искусство жалобного нытья до высот, неслыханных на Западе, по единодушному мнению своих соплеменников, составлявших одну шестнадцатую процента всего населения Европы, был мудрейшим ученым Возрождения. Как-то раз, когда он направлялся в синагогу по случаю еврейского праздника, посвященного дню, когда Бог взял назад все свои обещания, одна женщина остановила его и задала следующий вопрос:

– Рабби, почему нам не дозволяется есть свинину?

– Не дозволяется? – изумился святой человек. – Ну ничего себе!

Это одна из немногих в хасидской литературе притч, посвященных еврейскому закону. Рабби знает, что свинину есть нельзя, однако это его не волнует, потому что он любит свинину. И мало того, что он любит свинину, он еще с удовольствием красит

пасхальные яйца. Короче, он ни в грош не ставит традиционную веру, а о завете Господа с Авраамом отзывается как о «сплошной трепотне». И хотя до сих пор неясно, почему древнееврейский закон запрещает есть свинину, некоторые ученые считают, что Тора просто рекомендует не заказывать свинину в определенных ресторанах.

* * *

Рабби Бомель, ученый из Витебска, решил объявить голодовку в знак протеста против закона, запрещающего русским евреям носить штитлеты за пределами гетто. В течение шестнадцати недель святой человек лежал на жестком тюфяке, глядя в потолок и отказываясь принимать какую-либо пищу. Ученики уже опасались за жизнь рабби, но тут некая женщина подошла к его ложу и, наклонившись к ученому мужу, спросила: «Рабби, какого цвета были волосы у Эсфири?» Святой человек с трудом повернулся на бок и посмотрел на нее. «Нет, вы подумайте, нашла о чем спрашивать! – произнес он. – Да знаешь ли ты, как у меня голова трещит оттого, что я шестнадцать недель крошки во рту не держал?» Услышав это, ученики рабби отвели ту женщину в сукку^[9], где она стала есть как из рога изобилия и ела до тех пор, пока ей не принесли счет.

Здесь перед нами тонкая трактовка проблемы гордыни и тщеславия, сводящаяся, по-видимому, к тому, что поститься – большая ошибка. Особенно на пустой желудок. Человек не является кузнецом своего несчастья, на самом деле страдания его в руках Божиих, хотя чем уж они так пришлись Ему по душе, я сказать затрудняюсь. Некоторые ортодоксальные секты полагали, что страдания суть единственный путь к очищению; ученые описывают также культ так называемых ессеев, которые, выходя прогуляться, нарочно бились головами о стены. Согласно последним Книгам Моисеевым, Бог милосерден, однако следует признать, что на свете есть множество вещей и явлений, до которых у него просто не доходят руки.

* * *

Рабби Екель из Занска, обладавший лучшей в мире дикцией, пока некий идолопоклонник не спер его резонирующее белье, три ночи подряд видел сон о том, что если он поедет в Ворки, то найдет там великое сокровище. Попрощавшись с женой и детьми и пообещав вернуться через несколько дней, рабби отправился в путь. Два года спустя его нашли бродяжничающим по Уралу в обществе гималайского енота, к которому он явно проникся нежными чувствами. Иззябшего и изголодавшегося священника доставили домой, где родные сумели вернуть его к жизни с помощью горячего супа и вареной говядины с хреном. После чего ему дали поесть. Отобедав, рабби рассказал домашним свою историю. В трех днях пути от Занска его захватили дикие кочевники. Узнав, что он еврей, варвары заставили его перелицевать их охотничьи куртки и ушить брюки. И, словно этого унижения ему было мало, негодяи влили ему в уши сметану и запечатали воском. В конце концов рабби удалось бежать, но, направившись к ближайшему городу, он вместо того забрел на Урал, потому что стеснялся спрашивать у встречных дорогу.

Рассказав свою историю, рабби встал из-за стола и пошел в спальню, желая отоспаться, и вот прямо у него под подушкой лежало сокровище, которое он так искал. Охваченный благоговейным восторгом, рабби опустился на колени и возблагодарил Господа. Три дня спустя он уже снова бродяжничал по Уралу, на этот раз переодевшись мартовским зайцем.

Приведенный здесь шедевр образцово иллюстрирует всю нелепость мистицизма. Рабби видел один и тот же сон три ночи кряду. Если из десяти заповедей вычтешь пять Книг Моисеевых, получится пять. Вычтем отсюда братьев Иакова и Исава и получим три. Такого вот рода выкладки и довели рабби Ицхака Бен Леви, великого еврейского

мистика, до того, что он пятьдесят два дня подряд ставил в казино на двойку и выигрывал, и все равно кончил тем, что живет теперь на пособие по безработице.

Записки Обжоры

После Чтения В Самолете Достоевского И Свежего Номера Журнала «Диета»

Я жирный. Омерзительно жирный. Жирнее не придумаешь. Все мое тело – избыток жира. Жирные пальцы. Запястья. Даже глаза! (Можете представить себе жирные глаза?) Во мне сотни избыточных фунтов жира. Бока мои оплывают, как глазурь на мороженом. При виде меня никто не верит своим глазам: во разнесло! Что есть, то есть: я настоящий толстяк. Вы спросите, хорошо это или плохо – быть круглым, как шар? Не люблю шутки и всякие парадоксы, но вот что я вам скажу: жир как таковой выше буржуазной морали. Жир – это жир. Его самооценку, способность, скажем, нести зло или вызывать сочувствие – это все, конечно, смешно. Ерунда. В конце концов, что такое жир? Это накопления. Из чего они копятся? Из обычных клеток. Может ли клетка быть нравственной? Может ли она быть выше добра и зла? Кто ее знает – она такая маленькая.

Нет, друзья мои, не пытайтесь отличить правильный жир от неправильного. Многие смотрят на толстяка оценивающе и думают: вот у этого жир – что надо, а тот урод весь заплыл какой-то дрянью. Бросьте!

Вот вам пример – господин К. Господин К. был толст, как свинья, и без помощи лома не мог протиснуться в стандартный дверной проем. В обычной квартире К. сперва раздевался, намазывал себя маслом, а только потом пытался перейти из комнаты в комнату. Не скажу, что мне незнакомы оскорбления, которые К. наверняка терпел от встречавшихся ему компаний молодой шпаны. Как часто, наверное, осиними жалами вонзались в его барабанные перепонки крики «окорок!» и «урод пузатый!». Представляю, как ему было неприятно, когда сам губернатор в канун дня Святого Михаила повернулся к нему на глазах у всех высокопоставленных лиц и сказал: «А вот и наш горшочек с кашей!»

В один прекрасный день К. не выдержал и сел на диету. Да-да, сел на диету! Сперва исчезло сладкое. Затем мучное, спиртное, крахмал, соусы. Короче, он отказался от всего, что делает человека неспособным завязать шнурки на ботинках без помощи «Сантини Бразерс»^[10].

И вот шар стал сдуваться. Ноги и руки К. перестали напоминать булки. Из совершенно круглого, он стал обыкновенным. Можно даже сказать, привлекательным. Он даже производил впечатление счастливого человека! Я говорю «производил впечатление», потому что восемнадцать лет спустя, когда К. был на волосок от смерти и его тощее тело бил озноб, он прокричал: «Верните мне мой жир! Пожалуйста! Прижмите меня чем-нибудь тяжелым! Какой я осел! Расстаться со своим жиром. Черт меня дернул!» Полагаю, смысл истории ясен.

У читателя может возникнуть вопрос: если я и впрямь мистер Ходячее Сало, то почему не подался в цирк? Да потому, – признаюсь в этом без тени смущения, – что я не могу выйти из дома. А выйти я не могу, потому что мне не надеть брюки! Ни одна пара не налезает. Я живое воплощение всех копченых окороков со Второй Авеню; в каждой ноге – по двенадцать тысяч сэндвичей. И не самых тонких. Уверен: если бы мой жир умел говорить, он бы рассказал, что такое вечное одиночество – а заодно научил бы вас делать бумажные кораблики. Каждый фунт моего жира стремится быть услышанным, особенно подбородки с четвертого по двенадцатый. У меня удивительный жир. Он многое повидал. Мои икры самостоятельно прожили целую жизнь. Счастливым мой жир не назовешь, зато он настоящий.

Не искусственный. Что может быть хуже искусственного жира? (Не знаю, продается

ли он еще в магазинах).

А теперь послушайте, как я стал жирным. Ведь я не всегда был таким. Виновата церковь. Когда-то я был тощий. Тощий, как спичка. Такой тощий, что назвать меня толстым мог только слепой. Я был тощим до тех пор, пока однажды – кажется, это случилось в мой двадцатый день рождения – мы с моим дядей не зашли в один ресторанчик. Мы пили чай с печеньем, и дядя вдруг задал мне вопрос.

– Ты веришь в Бога? – спросил он. – Если да, то как ты думаешь, сколько он весит?

Произнеся это, он глубоко затянулся сигарой, приняв свое излюбленное выражение совершенной невозмутимости; но тут на него напал кашель, да такой яростный, что я испугался, что у него сейчас пойдет кровь.

– В Бога я не верю, – ответил я. – Если он есть, то объясни мне, дядя, откуда берется бедность и убожество? Почему одним не страшны тысячи смертельных напастей, а у других неделями не проходит мигрень? Почему мы ведем счет нашим дням, а не обозначаем их буквами, например? Ответь, дядя. Или тебя шокирует мой вопрос?

Я знал, что говоря это, ничем не рискую, потому что шокировать дядю было невозможно. Еще бы: однажды он стал свидетелем того, как мамашу его тренера по шахматам изнасиловали турки. Зрелище ему, в общем, не понравилось, потому что очень уж затянулось.

– Дорогой племянник, – сказал дядя, – Бог есть, чтобы ты ни говорил. Он везде. Да! Абсолютно везде.

– Так и везде, дядя? Откуда ты знаешь? Ведь ты даже точно не знаешь, существует ли он. Смотри, я дергаю тебя за бородавку, но возможно, тебе это только кажется. А вдруг и вся наша жизнь нам только кажется? И вообще, на Востоке есть секты, члены которых убеждены, что за пределами их разума нет *ничего* – кроме буфета на железнодорожном вокзале. Что если мы обречены одиноко и бесцельно скитаться в бездушном мире, без надежды на спасение, без будущего, и впереди у нас лишь страдания, смерть и пустота вечного небытия?

Похоже, мои слова произвели на дядю глубокое впечатление, потому что он ответил:

– И ты еще спрашиваешь, почему тебя не приглашают на вечеринки? Господи, да ты псих!

Еще он обвинил меня в нигилизме и добавил с типично стариковским двусмысленным выражением:

– Бог не всегда там, где его ищешь; поверь, дорогой племянник, Бог – везде. В этом печенье, например.

На этом он поднялся из-за стола, благословив меня и оставив чек, удивительно похожий на бирку, которые приклеивают к багажу в самолете.

Вернувшись домой, я задумался, что же означает это простое утверждение: «Бог везде. В этом печенье, например». Вскоре мне захотелось спать, я улегся в постель и задремал. И туг мне приснился сон, который навсегда перевернул всю мою жизнь. Мне снилось, что я прогуливаюсь где-то за городом и вдруг чувствую, что хочу есть. Можно сказать, чувство смертельного голода. На пути мне попадается ресторанчик. Я вхожу, заказываю сэндвич с горячим ростбифом и картошку. Официантка, похожая на мою квартирную хозяйку (чрезвычайно пресную особу, напоминающую сильно растрепанный лишайник), уговаривает меня взять куриный салат. Явно несвежий. Пока мы с ней препираемся, она превращается в распакованный набор столового серебра из двадцати четырех предметов. Я начинаю истерически смеяться, смех переходит в слезы, затем в острую ушную инфекцию. Тут помещение наполняется лучистым светом, и я вижу сверкающую фигуру всадника, который мчится ко мне на белом коне. Это мой ортопед. В раскаянии я падаю ниц.

Такой вот был сон. Проснулся я с ощущением полного благополучия и впервые взглянул на мир с оптимизмом. Все прояснилось. Все мое существо наполнилось эхом дядиных слов. Я отправился на кухню и начал есть. Я поглощал все, что попадалось под руку. Кексы, хлебцы, мюсли, мясо, фрукты. Шоколад, овощные консервы, вино, рыбу, сливки, макароны, колбасу, пирожные – стоимость съеденного подошла к

шестидесяти тысячам долларов. Если Бог везде, решил я, значит, Он в пище. Чем больше я съем, тем ближе я буду к Нему. Поддавшись дотоле неведомому мне религиозному порыву, я фанатично запикивал в себя все подряд. Шесть месяцев спустя я был уже праведником из праведников, с молитвой в сердце и с животом, выпирающим за государственную границу. Как-то утром, в один прекрасный вторник я обнаружил, что нога мои оказались в Витебске, и, насколько мне известно, до сих пор там и находятся. Я все ел и ел, расширялся и расширялся. Худеть, сужаться – величайшая глупость. Даже грех! Ведь, сбрасывая двадцать фунтов, дорогой читатель (полагаю, до моей комплекции вам далеко), мы, возможно, утрачиваем именно те клеточки жира, в которых заключены наш дух, доброта, любовь и честь, или, как в случае с одним моим знакомым налоговым инспектором, живот и бока просто обвисают.

Знаю, что вы сейчас скажете. Вы скажете, что это противоречит всему – да-да, всему – что я проповедовал вначале. Я вдруг приписал бездушной плоти смысл! Ну и что? Разве наша жизнь не состоит из противоречий? Философия толстяка может меняться точно так же, как сменяют друг друга времена года, как изменяется цвет волос, как меняется сама жизнь. Жизнь меняется. Жизнь – это жир, и смерть это жир. Понимаете? Жир – это всё! Пока вы не разжиреете, разумеется.

Помню, В 20-Х...

Первый раз в Чикаго я побывал в двадцатых – приехал посмотреть бокс. Со мной был Эрнест Хемингуэй, и мы остановились с ним у Джека Демпси. Как раз тогда Хемингуэй и написал те два рассказа про боксеров, которые дерутся ради денег. Мы с Гертрудой Стайн были единомышленны в том, что эти два рассказа – ничего, но над ними еще работать и работать. Я все подначивал Хемингуэя насчет его будущего романа, мы много хохотали, развлекались, а потом надели боксерские перчатки, и он сломал мне нос.

В ту зиму Алиса Токлас^[11], Пикассо и я снимали дачу на юге Франции. Я, помнится, сидел тогда над книгой, которой суждено было стать лучшим романом Америки, но так я сквозь нее и не продрался – уж больно там был мелкий шрифт.

По вечерам мы с Гертрудой Стайн гонялись по местным лавчонкам за антиквариатом, и, помню, как-то я спросил ее совета – не стать ли мне писателем. В ее типичной, так очаровавшей нас манере говорить загадками, она сказала: «Нет!» Я понял это как «да» и на следующий день отплыл в Италию. Италия очень напомнила мне Чикаго, особенно Венеция, потому что в обоих городах – каналы, а улицы забиты статуями и соборами величайших мастеров Возрождения.

В тот месяц мы отправились в мастерскую Пикассо в Арле, который тогда назывался то ли Руан, то ли Цюрих. Потом французы переименовали его – в 1589 году, при Людовике Вредном. (Этот Людовик – тот самый король-бастард шестнадцатого века, который гадостей наделал всем.) Пикассо тогда как раз начинал то, что потом получило известность как его «голубой период», но мы с Гертрудой Стайн позвали его пить кофе, и вышло, что он начал его на десять минут позже. Продолжался этот период четыре года, так что те десять минут, и правда, большой роли не сыграли.

Ростом Пикассо был невелик, и походка у него была презабавная: одну ногу он переносил и ставил впереди другой, пока не получится то, что он называл «шаг». Мы без конца смеялись его милым выраженьицам, но к концу тридцатых, когда фашизм набрал силу, смешного поубавилось. Мы с Гертрудой Стайн изучали новые работы Пикассо очень тщательно, и Гертруда Стайн была непреклонна в том, что «искусство, любое искусство – это способ что-нибудь выразить». Пикассо не соглашался и говорил: «Оставьте меня в покое. Я ем». Что касается меня, то я чувствовал, что прав Пикассо. Он в самом деле в это время ел.

Как непохожа была мастерская Пикассо на мастерскую Матисса! У Пикассо там был бедлам, а Матисс содержал все в образцовом порядке. (Это может показаться странным, но справедливо и обратное утверждение.) В тот сентябрь Матиссу заказали

написать фреску, но у него заболела жена, и фреска осталась ненаписанной. В результате стену заклеили обоями. Я так хорошо все помню, потому что это было как раз накануне той зимы, когда все мы жили на той дешевой квартирке в северной Швейцарии. Там еще то вдруг начинался дождь, то вдруг так же неожиданно переставал.

Хуан Грис, испанский кубист, упростил однажды Алису Токлас позировать ему для натюрморта и, с типичным для него абстрактным восприятием объекта, принялся разбивать ее лицо и тело на основные геометрические составляющие, пока не подросла полиция и его не уволокли. Родом Грис был из испанской глубинки, и Гертруда Стайн говаривала, что только настоящий испанец может держать себя как он – то есть говорить по-испански и изредка навещать в Испании семью. Это был замечательный человек.

Помню, однажды вечером мы сидели в веселом заведении на юге Франции, удобно положив ноги на стойку бара на севере Франции, и Гертруда Стайн вдруг сказала: «Что-то меня тошнит». Пикассо решил, что это очень забавно, а мы с Матиссом решили, что это намек и нам пора удирать в Африку. Семь недель спустя, в Кении, встречаем Хемингуэя. Бронзово-лицый и бородатый, он начинал тогда вырабатывать этот свой знаменитый стиль – про глаза и губы. Здесь, на неисследованном черном континенте, Хемингуэй тысячу раз бестрепетно встречал обветренные губы.

– Что подделываешь, Эрнест? – поинтересовался я. Он тут же пустился разглагольствовать про приключения и смерть, как это только он умеет, и когда я проснулся, он уже разбил палатку и уселся у огромного костра готовить на всех изысканные закуски. Я его все подначивал насчет его новой бороды, мы хохотали и посасывали коньяк, а потом надели боксерские перчатки и он сломал мне нос.

В том году я второй раз побывал в Париже: приехал повидаться с тонким, нервным европейским композитором с орлиным профилем и поразительно быстрыми глазами. Этот композитор стал потом Игорем Стравинским, а позднее его лучшим другом. Я остановился у Ман Рея, а Стинг Рей и Сальвадор Дали приходили иногда ко мне обедать. Дали решил устроить персональную выставку, и успех пришел колоссальный – как раз когда какая-то одинокая персона там все же появилась. Это была веселая, чудесная французская зима.

Помню, однажды вечером Скотт Фицджеральд с женой возвращались с новогодней вечеринки. Было это в апреле. Последние три месяца они кроме шампанского ничего в рот не брали, а за неделю до того, оба в вечерних костюмах, презрев опасность, своротили свой лимузин в океан со скалы в девяносто футов высотой. Что-то такое было в этих Фицджеральдах: для них существовали только истинные ценности. Удивительно скромные люди. Помню, как они были польщены, когда Грант Вуд предложил им позировать для его «Американской готики»^[12]. Зельда потом мне рассказывала, что, пока они позировали, Скотт то и дело ронял вилы.

В течение следующих нескольких лет мы со Скоттом все более сближались, и большинство наших друзей считает, что прототипом героя его последнего романа был я и что вся моя жизнь – слепок предыдущего его романа. В конце концов я и в самом деле, под влиянием этого выдуманного персонажа, слегка подтянулся.

Скотту ужасно не хватало самодисциплины, и – хоть мы и обожали Зельду – мы все сходились на том, что на его работу она повлияла отрицательно, снизив его продуктивность от одного романа в год до нескольких случайных рецептов рыбных блюд и сборника запятых.

Наконец, в 1929 году мы все поехали в Испанию, где Хемингуэй познакомил меня с Манолете. Манолете был чувствителен почти как женщина. Ходил он в обтягивающем трико тореадора, а случалось, и в велосипедных трусах. Манолете был великий, величайший артист. Если бы он не дрался с быками, с его изворотливостью он мог бы стать бухгалтером с мировым именем.

Мы прекрасно провели в Испании тот год. Мы путешествовали, писали. А Хемингуэй брал меня с собой на ловлю тунца. Я поймал четыре консервные банки, мы смеялись, и

Алиса Токлас спрашивала меня, уж не влюблен ли я в Гертруду Стайн – ведь я ей посвятил книгу стихов, хоть они и были Томаса Элиота. Я сказал, что да, я люблю ее, но толку с этого мало: она слишком умна для меня. Алиса Токлас согласилась, и тогда мы надели боксерские перчатки и Гертруда Стайн сломала мне нос.

Граф Дракула

Где-то в далекой Трансильвании ужасный граф Дракула, ожидая наступления ночи, лежит в гробу, на котором серебряными буквами начертано его имя. До захода солнца он скрывается в безопасности своей отделанной атласом опочивальни, поскольку солнечный свет означает для него верную гибель. Но как только темнеет, гнусный злодей, движимый неким инстинктом, выбирается из своего убежища и, обернувшись летучей мышью или волком, рыщет по округе, дабы напиться кровью своих жертв. Наконец, перед тем как его заклятый враг, солнце, своими лучами возвестит о начале нового дня, Дракула поспешает обратно в свой надежно скрытый от света гроб и там засыпает, а на завтра тот же цикл повторяется вновь.

Вот его веки начинают подрагивать; древний необъяснимый инстинкт подсказывает ему, что солнце уже почти село и скоро пора вставать. Нынче вечером, очнувшись от сна, Дракула ощущает особый голод; он лежит одетый в плащ с капюшоном на красной подкладке и, прежде чем открыть крышку гроба и выйти, ждет, когда сверхъестественное чувство поможет ему точно определить момент наступления темноты, размышляя тем временем, кого выбрать в качестве сегодняшней жертвы. И останавливает свой выбор на булочнике и его жене. Они такие упитанные, доступные и ничего не подозревающие. Мысль о легковверной супружеской паре, в чье доверие он недавно осторожнейшим образом втерся, возбуждает его аппетит до лихорадочной остроты, и ему едва удается сдержаться в эти последние секунды перед выходом на поиски добычи.

Вдруг он осознает, что солнце зашло. Исчадие ада, он стремительно восстает из гроба и, превратившись в летучую мышь, очертя голову устремляется к коттеджу безмятежных супругов.

– Ой, граф Дракула, какой приятный сюрприз, – приветствует его жена булочника, открывая двери. (Возле их дома монстр вновь принял человеческий облик – так под видом любезного господина он скрывает свои кровавые цели.)

– Что побудило вас прийти в столь ранний час? – спрашивает булочник.

– Ваше приглашение на обед, – отвечает граф. – Надеюсь, я не ошибся. Вы приглашали меня отобедать с вами именно сегодня, не так ли?

– Да, сегодня, но только в семь часов.

– Что вы хотите сказать? – удивляется Дракула, озадаченно оглядываясь кругом.

– Ничего страшного, можете посмотреть вместе с нами на солнечное затмение.

– Затмение?

– Ну да, сегодня полное затмение. – Что?

– Немножко темноты, начиная с полудня, до двух минут первого. Посмотрите в окно.

– О-о-о... у меня большие неприятности. – Да?

– Прошу прощения, но я...

– Что стряслось, граф Дракула?

– Я должен идти. Да-да. О, Боже... – Граф суматошно пытается нащупать дверную ручку.

– Идти? Да вы только что пришли.

– Да, но... кажется, мне нехорошо...

– Граф Дракула, да вы совсем бледный.

– Бледный? Мне нужен глоток свежего воздуха. Рад был с вами повидаться...

– Входите. Располагайтесь. Хотите чего-нибудь выпить?

– Выпить? Нет, мне надо бежать. Э-э, вы наступили на мой плащ.

– Верно. Успокойтесь. Немного вина?

– Вина? О, нет. Я давно не пью – печень, знаете ли, и все такое. И я действительно должен спешить. Только что вспомнил: я забыл погасить в замке свет – счета будут непомерными...

– Прошу вас, – говорит булочник, по-дружески твердо сжимая плечо графа. – Вы нас нисколько не беспокоите. Оставьте излишнюю вежливость. Подумаешь, пришли немного раньше времени.

– Поверьте, я бы с радостью остался, но у меня назначена встреча с румынскими аристократами на другом конце города, а я отвечаю за холодные закуски.

– Дела, дела, дела. Так вы, глядишь, добегааетесь до сердечного приступа.

– Да, пожалуй... А пока разрешите откланяться...

– На обед у нас будет куриный плов, – вступает в разговор жена булочника. – Надеюсь, вам понравится.

– Чудесно, чудесно, – улыбается граф, отталкивая ее на корзину с грязным бельем. Затем он по ошибке открывает дверь в чулан и заходит туда. – Господи, да где же этот треклятый выход?

– Ах, граф Дракула, – смеется жена булочника, – какой вы забавник.

– Я знал, что вы это оцените, – говорит Дракула, выжимая из себя смешок. – А теперь пропустите меня. – Наконец он находит входную дверь, но время тьмы уже истекло.

– Посмотри-ка, мамочка, – говорит булочник, – похоже, затмение уже кончилось. Снова выглядывает солнце.

– Так и есть, – замечает Дракула, захлопывая дверь. – Ладно, я останусь. Только поскорее задерните все шторы. Скорее! Давайте же!

– Какие такие шторы? – удивляется булочник.

– Как, у вас нет штор? – Граф оценивает ситуацию. – А хотя бы подвал есть в этой лачуге?

– Нет, – любезно отвечает жена. – Я без конца уговариваю Ярслова устроить подпол, но он меня не слушает. Такой вот он, Ярслов, мой муженек.

– Я задыхаюсь. Где здесь чулан?

– Вы только что оттуда, граф Дракула. Повеселили нас с мамочкой.

– Ах, граф, какой вы, право, шутник.

– Послушайте, я ненадолго закроюсь в чулане. Постучите мне в семь тридцать. – С этими словами граф скрывается в чулане и захлопывает за собой дверь.

– Хи-хи, какой он смешной, Ярслов.

– Эй, граф, выходите. Перестаньте дурить. Из чулана доносится приглушенный голос Дракулы:

– Не могу... Прошу вас, поверьте мне на слово. Позвольте, я посижу здесь какое-то время. Со мной все в порядке. Честное слово.

– Граф Дракула, хватит шутить. Мы и так умираем от смеха.

– Уверяю вас, мне очень нравится ваш чулан.

– Да, но...

– Понимаю, понимаю... Вам это кажется странным, однако я здесь прекрасно себя чувствую. Я как раз на днях говорил госпоже Хесс: в хорошем чулане я готов стоять часами. Приятная женщина, эта госпожа Хесс. Немного полновата, но очень, очень приятная... А вы тем временем можете заняться своими делами и позвать меня, когда зайдет солнце. О, Рамона, ла-та-та-ти-та-ти, Рамона...

В этот момент приходит мэр со своей женой Катей. Они проходили мимо и решили заглянуть к своим добрым друзьям, булочнику и его супруге.

– Здравствуйте, Ярслов. Надеюсь, мы с Катей вам не помешали?

– Нисколько, господин мэр. Выходите, граф Дракула! У нас гости!

– Граф у вас? – удивленно спрашивает мэр.

– Да, и вы ни за что не догадаетесь, где он сейчас, – говорит жена булочника.

– Его так редко можно увидеть в столь ранний час. По правде говоря, не помню, чтобы я когда-нибудь встречал его при свете дня.

– Тем не менее он здесь. Выходите, граф Дракула!

- Где же он? – спрашивает Катя, не зная, смеяться или нет.
 - Выходите сейчас же! Идите к нам! – Жена булочника начинает терять терпение.
 - Он в чулане, – сообщает булочник извиняющимся тоном.
 - Неужели? – удивляется мэр.
 - Пойдемте, – зовет графа булочник притворно добродушным голосом, стуча в дверь чулана. – Хорошего понемножку. У нас в гостях господин мэр.
 - А ну-ка выходите, Дракула, – кричит почтенный мэр. – Давайте выпьем.
 - Нет-нет, начинайте без меня. У меня здесь кое-какие дела.
 - Где? В чулане?
 - Да. И я не хочу, чтобы вы из-за меня меняли свои планы. Я прекрасно слышу все, что вы говорите. Я присоединюсь к вашей беседе, если у меня будет что добавить.
- Хозяева и гости обмениваются взглядами и пожимают плечами. Приносят вино и наполняют бокалы.
- Славное было сегодня затмение, – говорит мэр, отпивая вино из бокала.
 - Да, – соглашается булочник. – Нечто невероятное.
 - Да. Просто жуть, – доносится голос из чулана.
 - Что вы сказали, Дракула?
 - Ничего, ничего. Не обращайтесь внимания. Медленно тянется время, так что мэру уже невозможно терпеть, и он, рывком распахнув дверь в чулан, кричит:
 - Выходите, Дракула. Я всегда считал вас настоящим мужчиной. Кончайте валять дурака.
- Дневной свет устремляется внутрь, и на глазах четверых изумленных людей ужасный монстр с пронзительным воплем медленно истлевает, превращаясь в скелет, который затем рассыпается в прах. Склонившись над кучкой белого пепла в чулане, жена булочника восклицает:
- Вот тебе раз, выходит, сегодня обед отменяется?

Беседы С Гельмгольцем

Предлагаемые читателю записи разговоров с Гельмгольцем взяты из книги «Беседы с Гельмгольцем», которая вскоре выйдет в свет.

Доктору Гельмгольцу сейчас почти девяносто. Современник Фрейда, пионер психоанализа и основатель направления в психологии, которое носит его имя, он прославился прежде всего исследованиями человеческого поведения: сумел доказать, что смерть является не врожденным, а благоприобретенным свойством организма.

Доктор живет в загородном доме неподалеку от Лозанны (Швейцария) вместе со слугой по имени Хрольф и датским догом по кличке Хрольф. Почти все время ученый отдает работе над рукописями. Сейчас он пересматривает автобиографию, пытаясь включить в нее себя. Приведенные беседы Гельмгольц вел на протяжении нескольких месяцев со своим учеником и последователем Трепетом Хоффнунгом, которого профессор, преодолевая отвращение, вынужден терпеть – ведь тот приносит ему нугу. Разговоры касались различных тем – от психопатологии и религии до того, почему Гельмгольц никак не может получить кредитную карточку. Учитель, как его называет Хоффнунг, предстает перед нами сердечным, отзывчивым человеком, готовым отказаться от всего, чего достиг, лишь бы избавиться от сыпи.

1 апреля. Я пришел к Гельмгольцу ровно в десять утра, и горничная сообщила, что доктор в своем кабинете размышляет над каким-то вопросом. Из-за сильного волнения мне послышалось «над просом». Оказалось, я не ослышался: Учитель и в самом деле задумался над просом. Зажав в руках зерно, он рассыпал его по столу маленькими кучками. На мой вопрос о том, что он делает, Гельмгольц ответил: «Ах, если бы побольше людей задумывались над просом». Эти слова меня несколько удивили, однако я не стал ничего выяснять. Гельмгольц откинулся в кожаном кресле, и я попросил его рассказать о заре психоанализа.

– Когда мы с Фрейдом познакомились, я уже работал над своей теорией. Фрейд

как-то зашел в булочную, чтобы купить плюшки – по-немецки «шнекен», – однако никак не мог заставить себя произнести такое слово. Как вы, наверное, знаете, Фрейд был для этого слишком застенчив. «Дайте, пожалуйста, вон те маленькие булочки», – сказал он, указывая на прилавок. «Шнекен, герр профессор?» – спросил булочник. Фрейд мгновенно залился краской и выскочил на улицу, бормоча: «Нет, ничего... не беспокойтесь... я так». Для меня не составило большого труда купить булочки, и я преподнес их Фрейду в подарок. Мы стали близкими друзьями. С тех пор я замечаю, что некоторые люди стесняются произносить отдельные слова. А у вас есть такие слова?

И тут я вспомнил, как в одном ресторане не смог заказать «кальмидор» (так у них именовался помидор, фаршированный кальмаром). Гельмгольц назвал это слово на редкость идиотским и заявил, что выцарапал бы глаза тому, для кого оно звучит нормально.

Мы снова заговорили о Фрейде. Похоже, он занимал все мысли Гельмгольца, хотя они ненавидели друг друга с тех пор, как однажды повздорили из-за пучка петрушки.

– Я вспоминаю одну пациентку Фрейда – Эдну С. Истерический паралич носа. Друзья просили ее изобразить «зайчика», а она не могла и поэтому с трудом переносила их общество – они часто бывали жестоки. «Ну-ка, милочка, покажи, как ты делаешь зайчика». При этом шутники шевелили ноздрями и от души хохотали. Фрейд провел с ней несколько сеансов, но что-то не получилось: вместо психотерапевтического контакта с профессором у пациентки возникло влечение к высокой деревянной вешалке, стоявшей у него в кабинете. Фрейд был в панике: ведь в те времена к психоанализу еще относились скептически. А после того, как девушка внезапно отправилась в морское путешествие, прихватив вешалку с собой, Фрейд поклялся навсегда оставить психоанализ. И действительно, некоторое время он вполне серьезно готовил себя к карьере акробата, пока Ференци^[13] не убедил его в том, что он никогда не научится профессионально кувыраться.

Тут я увидел, что Гельмгольца одолевает дремота. Он сполз с кресла под стол и заснул. Я не стал злоупотреблять его добротой и на цыпочках вышел из кабинета.

5 апреля. Застал Учителя играющим на скрипке. (Он прекрасный скрипач-любитель, хотя не разбирает нот и способен извлекать лишь один-единственный тон.) Доктор снова принялся вспоминать пионеров психоанализа.

– Каждый из них заискивал перед Фрейдом. Рэнк ревновал его к Джоунзу, Джоунз – к Брилли, а Брилла так бесило присутствие Адлера^[14], что однажды он даже спрятал его шляпу. Как-то раз Фрейд нашел в кармане леденцы и угостил Юнга^[15]. Рэнк был просто вне себя. Он пожаловался мне, что Фрейд явно покровительствует Юнгу. Особенно когда делит конфеты. Я холодно промолчал – мне было мало дела до переживаний Рэнка, который отозвался о моей статье «Эйфория у улиток» как о «классическом примере монголоидной аргументации». Через много лет, во время путешествия по Альпам, Рэнк снова завел разговор о своей обиде. Я напомнил ему, как глупо он себя вел, и Рэнк признался, что находился тогда в состоянии глубокой депрессии, неожиданно открыв для себя, что его имя «Отто» читается одинаково в обе стороны.

Гельмгольц оставил меня обедать. Мы уселись за большой дубовый стол. По словам Учителя, это был подарок Греты Гарбо, однако актриса утверждала, что слыхом не слыхивала о столе, равно как и о самом Гельмгольце. Меню было обычным: крупная изюминка, большие куски сала и, лично для Гельмгольца, баночка семги. После десерта доктор стал показывать свою коллекцию лакированных бабочек, но вскоре загрузил, вспомнив, что им уже не суждено летать. Потом мы перешли в гостиную и закурили сигары. (Гельмгольц забыл разжечь свою, но затягивался тем не менее так глубоко, что она становилась все короче и короче.)

Учитель стал вспоминать самые известные случаи из своей практики.

– Вот, например, Иоахим Б. Больной, которому было уже за сорок, не мог входить в комнаты, где находилась скрипка. Хуже того, однажды он все-таки оказался в такой

комнате и не решался оттуда выйти, пока его не попросил об этом сам барон Ротшильд. Плюс ко всему Иоахим Б. заикался. Но не когда говорил. Только когда писал. Скажем, хотел он написать «но», а выходило «н-н-н-н-но». Над несчастным постоянно издевались, однажды бедняга даже попытался покончить с собой, завернувшись в большую траурную повязку. Я излечил его гипнозом. Больной возвратился к нормальной жизни, однако через несколько лет стал постоянно наткаться на лошадь, советовавшую ему заняться архитектурой.

Потом Гельмгольц вспомнил о знаменитом насильнике В., державшем в страхе весь Лондон.

– Крайне редкий случай перверсии. Навязчивые сексуальные фантазии. Больному казалось, что над ним издевается группа антропологов. Они якобы принуждали его ходить враскорячку, что, впрочем, доставляло В. острое сексуальное наслаждение. Пациент вспомнил, как, будучи еще совсем ребенком, он поразил экономку, женщину довольно свободных нравов, тем, что целовал салатный лист – тот представлялся ему сексуальным. В подростковом возрасте пациент покрыл лаком голову брата, за что был наказан отцом. Впрочем, отец – по профессии маляр – расстроился еще больше, узнав, что лак наложен в один слой.

Впервые В. набросился на женщину, когда ему было восемнадцать, и с тех пор на протяжении многих лет насиловал по полдюжины в неделю. Все, что я сумел, это вытеснить его агрессивные наклонности действиями, более приемлемыми для общества. Вместо того чтобы нападать на доверчивых женщин, больной теперь извлекал из кармана крупного палтуса и демонстрировал его дамам. По крайней мере, женщины были в безопасности, и хотя у некоторых это вызывало ужас, встречались и такие, которые считали, что данный эпизод весьма обогатил их духовно.

12 апреля. Сегодня Гельмгольц не вполне здоров. Накануне он заблудился на лугу и упал, поскользнувшись на груше. Однако прикованный к постели Учитель сразу сел и даже рассмеялся, когда я сказал, что у меня абсцесс.

Мы стали обсуждать теорию назло-психологии, которую доктор обосновал вскоре после кончины Фрейда. (По словам Эрнеста Джоунза, смерть последнего привела к окончательному разрыву между двумя знаменитыми психоаналитиками и впредь Гельмгольц с Фрейдом разговаривал довольно редко.)

В то время Гельмгольц разработал эксперимент со стаей мышей, которые по его сигналу сопровождали миссис Гельмгольц на улицу и оставляли ее на тротуаре. Доктор проделал немало подобных экспериментов с животными и остановился лишь после того, как собака, приученная выделять слюну по команде, отказалась пускать его в дом во время праздников. Кстати, Гельмгольцу до сих пор приписывают авторство классической статьи «Немотивированное хихиканье у канадских оленей».

– Да, я основал школу назло-психологии. И надо сказать, совершенно случайно. Однажды, когда мы с женой уютно устроились в постели, мне внезапно захотелось пить. Вставать было лень, и я попросил миссис Гельмгольц принести воды. Она ответила, что устала, поскольку весь день собирала каштаны. Мы заспорили, кому идти за водой. Наконец я сказал: «А мне и не хочется пить! Да-да, меньше всего на свете мне сейчас нужен стакан воды». Услышав это, жена так и подскочила. «Как! Ты не хочешь пить? Это плохо. Очень плохо». И, мгновенно спрыгнув с кровати, она принесла воды. Как-то в Берлине, на пикнике, который устроил Фрейд, я попытался обсудить с ним этот случай, но профессор был так увлечен игрой в чехарду с Юнгом, что не обратил на меня никакого внимания.

Прошло много лет, прежде чем я научился применять этот метод при лечении депрессий и смог избавить известного оперного певца Д. от мучительного предчувствия, что он окончит свои дни в бельевой корзине.

18 апреля. Пришел к Гельмгольцу и застал его за стрижкой розовых кустов. Доктор бурно восхищался красотой цветов, любимых им за то, что они «не просят постоянно в долг».

Речь зашла о современном психоанализе. Гельмгольцу он представляется мифом,

который живет лишь усилиями фирм, производящих медицинские кушетки.

– Не говорите мне о нынешних врачах! Надо же такие цены заламывать! Когда-то за пять марок вас лечил сам Фрейд. За десять он не только лечил, но и собственноручно гладил ваши брюки. А за пятнадцать позволял вам лечить его и вдобавок дарил любые два овоща на выбор. А теперь? Тридцать долларов в час! Пятьдесят долларов в час! Кайзер и тот брал лишь двенадцать с четвертью. И при этом сам ходил к пациентам. А продолжительность лечения? Два года! Пять лет! Да любой из нас, не сумев исцелить больного в шесть месяцев, пригласил бы его на концерт и предложил бы фруктовую вазу из красного дерева или набор стальных ножей для мяса. Вы сразу могли узнать пациентов, с которыми не справился Юнг, – они получали в качестве компенсации большие чучела гималайских енотов.

Мы шли по садовой дорожке, и Гельмгольц обратился к более общим проблемам. Я стал свидетелем глубочайших обобщений, часть из которых успел записать. Вот они:

О жизни: Если бы человек стал бессмертным, вы представляете себе, какие бы у него были счета за мясо?

О религии: В загробную жизнь я не верю, хотя и держу наготове смену нижнего белья.

О литературе: Вся литература – не больше чем примечание к «Фаусту». Впрочем, черт его знает, что это значит.

Да, Гельмгольц – воистину великий человек...

Босс

Я сидел у себя в офисе, вычищая всякую дрянь из дула своего «тридцать восьмого» и гадая, когда и откуда на меня свалится новое дело. Подвизаться в частных детективах – дельце в аккурат для меня, и хоть время от времени мне массируют десны автомобильным домкратом, сладкий запах зелененьких искупает даже эту неприятность. Не говоря уж о дамочках, составляющих одну из потребностей моего неприятельного организма, малость опережающую потребность в дыхании. Вот почему, когда дверь моего офиса отворилась и в нее размашистым шагом вошла длинноволосая блондинка, назвавшаяся Хэзер Баткисс и объявившая, что она зарабатывает на хлеб с маслом позируя художникам голышом и что ей нужна моя помощь, слюнные железы мои разом переключились на третью скорость. На ней была юбочка короче некуда, свитер в обтяжку, а фигуру ее образовывали параболы, способные обратить в гималайского лося самого затряханного сердечника.

– Чем могу быть полезен, бэби?

– Я хочу, чтобы ты откопал для меня одного субъекта.

– Он что, пропал? В полицию ты уже обращалась?

– Все немного сложнее, мистер Люповиц.

– Называй меня Кайзером, бэби. Ладно, кто этот прохвост?

– Бог.

– Бог?

– Вот именно, Бог. Творец, Первичный Принцип, Первопричина Сущего, Всеобъемлющий. Мне нужно, чтобы ты отыскал Его для меня.

Психи забредали в мой офис и раньше, но когда они сложены как эта малышка, к ним поневоле прислушиваешься.

– На что Он тебе сдался?

– Это мое дело, Кайзер. Твое – найти Его.

– Извини, бэби. Ты обратилась не по адресу.

– Почему?

– Потому что я не берусь за дело, если не знаю всех обстоятельств, – ответил я, вылезая из кресла.

– О'кей, о'кей, – сказала она и, прикусив губу, нижнюю, подтянула, расправляя шов, чулок. Шоу предназначалось для меня, но я в ту минуту не склонен был покупаться на

подобные фокусы.

- Давай покороче, бэби.
- Ладно, по правде сказать, я вовсе не натурщица.
- Нет?

– Нет. И зовут меня не Хэзер Баткисс. Я – Клэр Розенцвейг, учусь в Вассаре. Философский факультет. История западной мысли и все такое. Мне нужно написать к январю курсовую работу. Насчет религии Запада. Остальные наши ребята ухватились за спекулятивные темы. А я хочу знать. Профессор Гребанье говорит, что того из нас, кто откопает настоящий верняк, переведут на следующий курс автоматом. А мой папаша обещал мне «мерседес», если я получу «отлично».

Я вскрыл пачку «Лаки», потом пачку жвачки и сунул в рот и то и другое. То, что она рассказывала, понемногу пробуждало во мне интерес. Студенточка с закидонами. Высокий IQ плюс тело, с которым стоило познакомиться поближе.

- Как он выглядит, этот твой Бог?
- Я его ни разу не видела.
- Ладно, а откуда мне знать, что Он вообще существует?
- Как раз это тебе и следует выяснить.
- Милое дело. Примет Его ты не знаешь. И где Его искать – тоже.

– Нет. Что нет, то нет. Хотя я и подозреваю, что Он повсюду. В воздухе, в каждом цветке, в тебе и во мне – даже вот в этом стуле.

- Еще того хлеще.

Ага, стало быть, пантеистка. Я сделал мысленную заметку на этот счет и сказал, что берусь за ее дело – сто зеленых в день, плюс расходы, плюс обед в ресторане – с ней. Улыбнувшись, она сообщила, что ее это устраивает. Мы вместе спустились в лифте. Снаружи темнело. Может быть, Бог существует, а может, и нет, но где-то в этом городе определенно обретается несколько умников, которые постараются помешать мне выяснить это.

Первой моей ниточкой был рабби Ицхак Вайсман, здешний раввин, бывший у меня в долгу – я однажды выяснил, кто натер его шляпу свиным салом. После первых двух сказанных нами слов я понял – что-то тут не так, уж больно он испугался. Здорово испугался.

– Конечно, этот, сам знаешь кто, существует, но я не могу назвать тебе даже Его имени, потому что Он меня тут же и пришибет, хоть я никогда не понимал, почему некоторые так нервничают, когда произносят их имя.

- Ты Его когда-нибудь видел?

– Я? Ты шутишь? Спасибо и на том, что я дожил до возможности собственных внуков увидеть.

- Так откуда ты знаешь, что Он существует?

– Откуда я знаю? Хорошенькое дело. По-твоему, я смог бы купить себе вот такой костюм всего за четырнадцать долларов, если бы там, наверху, никого не было? На вот, пощупай сам – чистый габардин, какие тут могут быть сомнения?

- Больше ты мне ничего предложить не можешь?

– Почему не могу? Могу – Ветхий Завет тебя устроит? А рубленая печенка? И как, по-твоему, Моисей вывел израильтян из Египта? Улыбался до ушей и чечетку отбивал? Ты что думаешь, Красное море можно заставить расступиться с помощью какой-нибудь дешевки, купленной в универмаге? Для этого сила нужна.

- Так он из крутых, что ли?

- А то! Еще из каких крутых. И добрее от всех своих успехов Он так и не стал.

- Откуда ты про Него столько всего знаешь?

– Да оттуда, что мы – избранный народ. Представляешь, как Он заботится о Своих детях? Насчет этого я, кстати, тоже хотел бы с Ним как-нибудь перемолвиться.

- И много вы Ему платите за эту вашу избранность?

- Ой, не спрашивай.

Вот такие, значит, дела. Получается, евреи здорово повязаны с Богом. Обычный

рэкет: вы мне то да се, а я вам – защиту от неприятностей. Забочусь о вас, но, естественно, за приличные бабки. И судя по тому, как говорил со мной рабби Вайсман, брал Он с них немало. Я сел в такси и покатил на Десятую авеню, в бильярдную Дэнни. Заправлял там один скользкий тип, который мне никогда не нравился.

– Чикаго Фил здесь?

– А кто его спрашивает?

Я взял эту мразь за отвороты пиджака, прищемив заодно хороший кусок кожи.

– Тебе нужны подробности, придурок?

– Он в задней комнате, – сказал жалкий прыщ, мгновенно усвоив правила хорошего тона.

Чикаго Фил. Фальшивомонетчик, медвежатник, гопстопник и заядлый атеист.

– Этого парня никогда и на свете-то не было, Кайзер. Все это сплошное фуфло. Кто-то мухлюет, и мухлюет по-крупному. Никакого Босса нет. У них там целый синдикат. Международный. Хотя заправляют в нем все больше сицилийцы. Но чтобы кто-то лично его возглавлял, так этого нет. Разве что Папа.

– Значит, придется встретиться с Папой.

– Это можно устроить, – сказал он и подмигнул.

– Имя Клэр Розенцвейг тебе что-нибудь говорит?

– Нет.

– А Хэзер Баткисс?

– Постой-ка. Ну, точно. Пергидрольная цыпочка вот с такими буферами. Из Рэдклиффа.

– Из Рэдклиффа? Мне она назвала Вассар.

– Ну и наврала. Преподает в Рэдклиффе. Одно время путалась тут с каким-то философом.

– Пантеистом?

– Нет. Сколько я помню, с эмпириком. Поганый тип. Гегеля ни в грош ни ставил и диалектический метод тоже.

– А, из этих.

– Во-во. Лабал барабанщиком в джазовом трио. Потом запал на логический позитивизм. Ну, а когда тот не сработал, подался в прагматики. Последнее, что я о нем слышал, – он будто бы настриг где-то кучу капусты, чтобы прослушать в Колумбийском университете курс по Шопенгауэру. Здешние ребята не прочь отыскать его – или хотя бы наложить лапу на его учебники, чтобы их перепродать.

– Спасибо, Фил.

– Ты, Кайзер, поверь мне. Зря стараешься. Этого мистера просто нет – одна пустота. Если бы я хоть на секунду поверил в аутентичный смысл бытия, думаешь, я смог бы шустрить с фальшивыми чеками и вообще вставлять обществу так, как я ему вставляю. Вселенная чисто феноменологична. Ничего вечного нет. Все бессмысленно.

– А кто вчера победил в пятом заезде?

– Санта Бэби.

Я взял у О'Рурка стакан пива и попытался свести полученные мной сведения в общую картину, но никакого смысла в них так и не обнаружил. Сократ покончил с собой – так, во всяком случае, говорили. Христа просто прикончили. Ницше съехал с катушек. Если кто-то за всем этим и стоит – там, наверху, – он определенно не хочет, чтобы о нем кто-либо прознал. И зачем Клэр Розенцвейг наврала мне насчет Вассара? Неужели Декарт был прав?

И Вселенная действительно дуалистична? Или все-таки в яблочко попал Кант, постулировав существование Бога на основе нравственного принципа?

Вечером я обедал с Клэр. И через десять минут после того, как официант принес нам счет, мы уже оказались в постели, где я и получил полное представление о западной мысли. С такими гимнастическими способностям Клэр стоило бы поразмыслить об олимпийской карьере. Потом она лежала рядом со мной, разметав по подушке светлые волосы. Наши нагие тела еще оставались сплетенными. Я курил, глядя в потолок.

- Клэр, а что, если Кьеркегор был прав?
- О чем ты?
- Ведь по-настоящему ничего знать невозможно. Можно лишь верить.
- Это абсурдно.
- Не будь такой рационалисткой.
- Я не рационалистка, Кайзер. – Она тоже зажгла сигарету. – Я просто не хочу быть онтологичной. Только не сейчас. И не вынесу, если ты станешь онтологичным со мной.

Что-то ее мучило. Я потянулся к ней губами. И тут зазвонил телефон. Она взяла трубку.

– Тебя.

Голос в трубке принадлежал сержанту Риду из отдела убийств.

- Ты все еще ищешь Бога?
- Есть немного.
- Всесильное существо? Всеединого, Творца Вселенной? Первопричину всех вещей?
- Точно.
- Некто, отвечающий этому описанию, только что поступил в морг. Так что тебе лучше мотать туда по-быстрому.

Это был точно Он, и, судя по тому, как Он выглядел, над ним поработали профессионалы.

- Когда Его привезли, Он был уже мертв.
- Где Его нашли?
- На складе на Диланси-стрит.
- Улики?
- Это работа экзистенциалиста. Тут у нас никаких сомнений.
- Откуда ты знаешь?
- Все сделано тяп-ляп. Никакой системы. Чистый порыв.
- Преступление на почве страсти?
- В самую точку. И это означает, кстати, что главный подозреваемый у нас ты, Кайзер.

– Почему я?

– Всем в Управлении известно, как ты относишься к Ясперсу^[16].

– Это не делает меня убийцей.

– Убийцей – нет, подозреваемым – да. Выйдя на улицу, я набрал полные легкие воздухом и попытался прочистить мозги. Потом взял такси, поехал в Ньюарк и, не доехав одного квартала до итальянского ресторана Джордино, прошел остаток пути пешком. Его Святейшество сидел за столиком в глубине зала. Самый что ни на есть Папа, пробы негде ставить. С двумя молодчиками, которых я видел в полудюжине полицейских листовок.

– Присаживайся, – сказал он, поднимая глаза от пиццы. И протянул мне руку с перстнем. Я улыбнулся ему во все зубы, но перстня не поцеловал. Это его встревожило, уже хорошо. Очко в мою пользу.

– Пиццу будешь?

– Спасибо, Святейшество. Ты ешь, не обращай на меня внимания.

– Ничего не хочешь? Салату?

– Я недавно заправился.

– Дело твое, хотя майонез у них тут – пальчики оближешь. Не то что в Ватикане, там приличной жратвы днем с огнем не сыскать.

– Давай к делу, Понтиф. Я ищу Бога.

– Считай, что обратился по адресу.

– Выходит, Он существует?

Это показалось им забавным, все загоготали. Громила, сидевший рядом со мной, сказал:

– Видали умника? Бога ему подавай.

Я малость подвинул свой стул, устраиваясь поудобнее, и прищемил ему ногу.

– Виноват. – Но он все равно запыхтел от злости.

– Разумеется, существует, Люповиц, однако связаться с Ним можно только через меня. Ни с кем другим Он разговаривать не станет.

– И за что тебе такая честь, приятель?

– За то, что я весь в красном.

– Ты об этом костюмчике?

– А ты не хохми. Это дело нешуточное. Вот я встаю поутру, одеваюсь в красное, и все разом усекают, кто тут у нас главный. Вся штука в одежде. Потому что, как ни верти, а если бы я разгуливал в джинсах и спортивной куртке, никто бы меня за религиозную фигуру не держал.

– Значит, и тут обман. Никакого Бога нет.

– Понятия не имею. Да и какая мне разница? Деньги-то я все равно огребаю хорошие.

– И ты никогда не задумывался о том, что в один прекрасный день прачечная не успеет вернуть тебе твой красный прикид и ты обратишься в одного из нас?

– А я пользуюсь специальным однодневным обслуживанием. Приходится отстегивать пару лишних центов, но я так считаю – безопасность того стоит.

– Имя Клэр Розенцвейг тебе что-нибудь говорит?

– А как же. Факультет естественных наук Брин-морского колледжа.

– Естественных, говоришь? Спасибо. – За что?

– За ответ, Понтиф.

Я поймал такси и помчался к мосту Вашингтона, заскочив по дороге в офис и кое-что проверив на скорую руку. Подъезжая к квартире Клэр, я складывал вместе кусочки мозаики, и они в первый раз вставали у меня по местам. Клэр встретила меня в прозрачном пеньюаре, и вид у нее был определенно встревоженный.

– Бог мертв. Тут были копы. Искали тебя. Они считают, что это сделал экзистенциалист.

– Нет, бэби. Это сделала ты.

– Что? Не надо так шутить, Кайзер.

– Это твоя работа.

– О чем ты говоришь?

– О тебе, бэби. Не о Хэзер Баткисс, не о Клэр Розенцвейг – о докторе Эллен Шепард.

– Как ты узнал мое имя?

– Профессор физики Брин-морского колледжа. Самый молодой из всех, кто когда-либо возглавлял там кафедру. В середине зимы ты познакомилась на танцуйках с джазовым музыкантом, который по уши увяз в философии. Парень был женат, но тебя это не остановило. Пару ночей в койке, и ты решила, что это любовь. Однако любви у вас не получилось, потому что кое-кто встрял между вами. Бог. Видишь ли, лапушка, он верил или хотел верить в Бога, но тебе с твоими очаровательными научными мозгами требовалось точное знание.

– Нет, Кайзер, клянусь тебе, это не так.

– И ты сделала вид, будто изучаешь философию, потому что это позволяло тебе устранить кое-какие препятствия. От Сократа ты избавилась без особых хлопот, но ему на смену явился Декарт, так что тебе пришлось использовать Спинозу, чтобы пришить Декарта, а когда у тебя не заладилось с Кантом, ты устранила и Канта.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Лейбница ты превратила в котлету, но этого тебе было мало – ты понимала: если хоть один человек поверит Паскалю, тебе каюк, так что пришлось убрать и Паскаля, и тут ты совершила ошибку, потому что доверилась Мартину Буберу. Он оказался слабаком, бэби. Он верил в Бога, и поэтому тебе пришлось ликвидировать Бога собственными руками.

– Ты сошел с ума, Кайзер!

– Ничуть, бэби. Ты притворилась пантеисткой, потому что это давало тебе шанс подобраться к Нему поближе – если Он существует, как оно и было на самом деле. Вы с

Ним пошли на прием к Шелби, и когда Джейсона что-то отвлекло, ты Его замочила.

- Черт подери, кто такие Шелби и Джейсон?
- Какая разница? Все равно жизнь – сплошной абсурд.
- Кайзер, – сказала она, внезапно затрепетав, – ты ведь не выдашь меня?
- Выдам, бэби. Когда убивают Высшее Существо, кто-то должен за это ответить.
- Ах, Кайзер, мы могли бы уехать вместе. Только ты и я. Давай забудем о философии.

Осядем в каком-нибудь тихом месте и, может быть, займемся семантикой.

– Прости, лапушка, но это не пляшет. Лицо ее было уже мокрым от слез, когда она стянула с плеч бридочки пеньюара и я оказался лицом к лицу с нагой Венерой, все тело которой, казалось, твердило: возьми меня – я твоя. Венерой, чья правая рука ерошила мне волосы, между тем как левая взводила курок «сорок пятого», который она держала за моей спиной. Однако нажать на спусковой крючок ей не довелось, потому что я всадил в нее пулю из моего «тридцать восьмого», и она, уронив пистолет, уставилась на меня неверящим взглядом.

– Как ты мог, Кайзер?

Жизнь быстро покидала ее, но я все-таки успел сказать ей все, что хотел.

– Манифестация Вселенной, как сложной идеи в себе, противопоставляемой Бытию внутри или вовне истинного Бытия как такового, по существу своему является концептуальным ничто или Ничто в его отношении к любой отвлеченной форме существования, бытующей или бытовавшей в вечности, но не управляемой законами физикалистики, или движения, или идеями, трактующими о невещественности либо отсутствии объективного Бытия субъективного несходства.

Концепция, конечно, не из самых простых, но, думаю, Эллен усвоила ее, прежде чем испустила дух.

Из Записных Книжек

Ниже Приводятся Выдержки Из Неизвестного До Сих Пор Дневника Вуди Аллена, Который Будет Опубликовано После Смерти Автора Или После Его Ухода Из Жизни, В Зависимости От Того, Что Произойдет Раньше.

Пережить ночь становится все труднее. Вчера меня посетило нехорошее чувство, будто какие-то люди пытаются проникнуть в мою комнату и намылить мне голову. Только зачем? Ощущение, что я вижу непонятные тени, не покидало меня, а в три часа утра нижнее белье, которое я повесил на стул, превратилось в кайзера на роликовых коньках. Когда я наконец уснул, мне снова приснился этот кошмарный сон, в котором сурок посягает на мой выигрыш в лотерею. Полное отчаяние.

Сюжет для небольшого рассказа: человек просыпается одним прекрасным утром и узнает, что его попугай назначен министром сельского хозяйства. Снедаемый ревностью, он стреляется, но на свою беду использует для этого пистолет с выскакивающим флажком, на котором написано: «Пиф-паф!» Флажком ему вышибает глаз, и он смиренно доживает свои дни, впервые познав простые человеческие радости, вроде разведения цыплят и пневмоторекса.

Тема для рассуждения: почему человек убивает? Он убивает, чтобы есть. Но не только: часто он делает это, чтобы пить.

Жениться ли мне на В.? Нет, если она не назовет другие буквы своего имени. А как быть с ее карьерой? Можно ли требовать, чтобы такая красивая женщина перестала посещать ипподром? Непростое решение... Новая попытка самоубийства – на этот раз я намочил нос и сунул его в ламповый патрон. К несчастью, произошло короткое замыкание и меня попросту отшвырнуло от холодильника. Но навязчивые мысли о смерти не оставили меня. Я по-прежнему пытаюсь понять, если ли загробная жизнь, и если да, то удастся ли мне разменять в ней второй десяток?

Сегодня на похоронах я столкнулся со своим братом. Мы не виделись лет пятнадцать,

но он, как и раньше, вытащил из кармана футбольную камеру и принялся колотить меня ею по голове. Теперь, по прошествии стольких лет, я стал лучше его понимать. Как же я раньше не догадался, что «вонючим тараканом» он называет меня не столько от злости, сколько из сострадания. Будем говорить начистоту: брат всегда был гораздо ярче меня – остроумнее, способнее, культурнее. Почему он до сих пор работает в «Макдональдсе», остается для меня загадкой.

Сюжет для сатирической повести: бобры захватывают Карнеги Холл и ставят «Войцека»^[17]. (Сильная тема – многое будет зависеть от выбора художественных средств.)

Боже, почему меня не покидает чувство вины? Не оттого ли, что я всю жизнь ненавидел своего отца? А ведь все началось с того, что он припрятал мой кусок телятины к себе в бумажник. Если бы я его послушался, то всю жизнь занимался бы изготовлением шляп. «Шляпы, сынок, – это вещь», – любил повторять отец. Никогда не забуду, что он сказал, узнав, что я хочу стать писателем. «Из тебя такой же писатель, как из меня китайский император!» До сих пор не понимаю, что отец имел в виду. Как ему тяжело жилось! Когда в «Лицеуме» поставили мою первую пьесу «Прободение язвы», отец пришел на премьеру во фраке и противогазе.

«Какое же я ничтожество!» – подумалось мне сегодня, когда я наблюдал за огненно-красным закатом. (Вчера шел дождь, а мысли в голову лезли те же.) Меня охватила такая ненависть к самому себе, что я вновь попытался покончить с собой – на этот раз вдохнул полной грудью воздух, стоя рядом со страховым агентом.

Новелла: человек просыпается утром и обнаруживает, что превратился в собственные подтяжки. (Прочтение этой новеллы неоднозначно. Ее идея принадлежит Крюгеру, ученику Фрейда, который опытным путем показал, что и копченой грудинке свойственны сексуальные инстинкты.)

Эмили Дикинсон ошибается, утверждая, что надежда окрыляет. Судьбе было угодно окрылить моего племянника, и теперь я вынужден таскать его по психиатрам.

Я решил порвать с В. Она не понимает моих книг, – вчера вечером заявила, что моя «Критика метафизической реальности» напоминает ей «Аэропорт» Хейли. Мы повздорили, и она опять заговорила о детях. Я с трудом убедил ее, что они никогда не рождаются взрослыми.

Верю ли я в Бога? Верил до происшествия с моей мамой. Случайная фрикаделька нанесла ей удар по селезенке, от которого она несколько месяцев пролежала в коме и только пела «Гренаду» воображаемой селедке. Почему эта женщина так страдала в расцвете лет? Потому что в юности осмелилась бросить вызов общественной морали и, выходя замуж, надела на голову бумажный пакет? И как мне верить в Бога, если на прошлой неделе я угодил языком в каретку электрической пишущей машинки? Меня мучают сомнения. Что, если все на свете иллюзия и мы находимся в вакууме? Зачем тогда было покупать ковер за такие деньги? Ах, если бы Бог дал мне какой-нибудь знак! В виде солидного счета в швейцарском банке, например.

Пил кофе с Мельником. Он мечтает, чтобы всех правительственных чиновников переодели в куриц.

Сюжет для пьесы: прототип главного героя – мой отец, правда большой палец ноги у него не такой огромный, как в жизни. Его отправляют в Сорбонну учиться игре на гармонике. В конце он умирает, так и не осуществив свою мечту – оказаться по уши в мясном соусе. (Я придумал блестящий финал второго акта: два карлика обнаруживают в партии волейбольных мячей голову, свирепо озирающуюся по сторонам.)

Сегодня во время послеобеденной прогулки в голову опять лезли черные мысли. Почему я так часто думаю о смерти? Это может продолжаться часами. Мельник уверяет, что душа бессмертна, но если душа продолжает жить без тела, то как быть с моим новым костюмом – ведь он ей будет велик? Ну, да ладно...

Порывать с В. не пришлось: как удачно, что она сбежала в Финляндию с кривлякой из цирка. Что ни делается, все к лучшему, странно только, что у меня случился очередной приступ и из ушей потекла какая-то жидкость.

Вчера вечером я сжег все свои стихи и пьесы. По иронии судьбы, когда я сжигал свой шедевр «Порочный пингвин», загорелся кабинет, и теперь на меня подали в суд какие-то люди по имени Пинчанк и Шлоссер. Воистину Кьеркегор был прав.

Исследование Психических Феноменов

Потусторонний мир существует, в этом сомнений нет. Вопрос лишь в том, насколько далеко от центра города он расположен и как поздно открывается. Необъяснимые явления происходят постоянно. Один упорно видит призраков. Другой вдруг слышит голоса. Третий просыпается на лошади во время забега на Прикнессе^[18]. Кто из нас, сидя дома в одиночестве, не испытывал на своей шее прикосновения ледяной руки? (Я, слава Богу, не испытывал, но у других – было.) Что стоит за этими переживаниями? Или перед ними, если смотреть с другой стороны? Неужто одни и впрямь могут предсказывать будущее, а другие общаются с призраками? И кстати, можно ли после смерти принять душ? К счастью, ответы на все вопросы, связанные с этими психическими феноменами, в ближайшее время будут даны в книге «Фу-у», написанной известным парапсихологом и профессором эктоплазмы доктором Осгудом Медфордом Дюжином из Колумбийского университета. Доктор Дюжин представил превосходное собрание сверхъестественных явлений, которое включает в себя все возможные психические феномены – от передачи мыслей на расстояние до любопытного случая с человеком, который принимал ванну, а его брат на противоположной стороне земного шара внезапно стал чистым. Далее следуют наиболее интересные примеры из коллекции доктора Дюжина с его комментариями.

Явление Призрака

16 марта 1882 года мистер Дж. С. Даббс проснулся посреди ночи и увидел, что его брат Амос, который умер четырнадцать лет назад, сидит в изножье кровати и стряхивает с себя пылинки. Даббс спросил брата, что он тут делает, и Амос успокоил его, заверив, что он таки умер, а в город просто заглянул на уик-энд. Тогда Даббс спросил брата, на что похож «тот свет», и брат ответил, что с Кливлендом сходство не слишком большое. Но вообще-то он вернулся, дабы сообщить Даббсу, что надевать темно-синий костюм к носкам с узором из разноцветных ромбиков – это большая ошибка.

В этот момент вошла служанка Даббса и увидела, что хозяин беседует с «бесформенным облаком молочного тумана», которое, по ее словам, слегка напоминало Амоса Даббса, только выглядело немного лучше. Напоследок призрак попросил Даббса спеть вместе с ним арию из «Фауста», которую они и исполнили с великим пылом и усердием. На рассвете призрак удалился, пройдя сквозь стену, а Даббс, побежав следом, расквасил себе нос.

Здесь мы имеем классический случай потустороннего явления, и, если верить мистеру Даббсу, призрак приходил еще раз, поднял миссис Даббс из кресла и минут двадцать заставлял ее реять над столом, пока наконец не уронил в соус. Интересно отметить склонность призраков к озорству, которое, как полагает британский мистик А. Ф. Чайлд, вызвано комплексом неполноценности от осознания себя мертвыми. Явления призраков часто связаны с личностями, кончина которых была, так сказать, не совсем обычной. Амос Даббс, к примеру, умер при загадочных обстоятельствах, когда фермер случайно посадил его на грядку вместо репы.

Дух, Покидающий Тело

Мистер Альберт Сайке сообщает о следующем случае. «Как-то раз мы с друзьями

сидели, поедая печенье, и вдруг мой дух покинул мое тело и отправился звонить по телефону. По каким-то своим причинам он позвонил в Фиберглассовую компанию Московица. После этого дух вернулся в тело и тихо сидел минут двадцать, надеясь, что никто не предложит играть в шарады. Когда начался разговор о взаимных расчетах, дух вновь покинул мое тело и отправился блуждать по городу. Я глубоко убежден, что он посетил статую Свободы, а потом пошел на шоу в мюзик-холл „Радио-сити“. Далее он посетил ресторан Бенни и задолжал там шестьдесят восемь долларов. Затем мой дух все-таки решил вернуться обратно в тело, но не сумел поймать кэб. В конце концов он вышел на Пятую авеню и успел воссоединиться со мной как раз перед последними новостями. Я утверждаю, что он воссоединился со мной именно тогда, поскольку я ощутил внезапный озноб и услышал голос, который произнес: „Я вернулся. Передашь мне изюм?“

Впоследствии такое случалось со мной еще несколько раз. Однажды мой дух отправился на уик-энд в Майами, и там его арестовали при попытке выйти из универмага Мэйси, не заплатив за галстук. А в четвертый раз все произошло наоборот: тело вдруг покинуло мой дух, хотя все, что оно сделало, так это почистилось и вернулось обратно».

Дух, покидающий тело, стал вполне обыденным явлением к 1910 году, когда регулярно сообщалось о таких духах, тщетно блуждавших по Индии в поисках американского консульства. Это явление весьма схоже с транссубстанциализацией – процессом, посредством которого личность внезапно дематериализуется, а материализуется вновь где-нибудь в другом месте земного шара. Неплохой способ путешествовать, хотя багаж приходится ждать не менее получаса. Наиболее яркий случай транссубстанциализации произошел с сэром Артуром Нырни, который, однажды принимая ванну, исчез с отчетливым «бульк» и неожиданно возник в секции струнных Венского симфонического оркестра. После этого он двадцать семь лет сохранял за собой место первой скрипки, хотя умел играть только «Три слепые мышки», и однажды так же внезапно исчез во время исполнения симфонии Моцарта «Юпитер», чтобы обнаружиться в постели рядом с Уинстоном Черчиллем.

Вещий Сон

Мистер Фентон Аллентак описывает следующий случай вещего сна. «Я лег спать в полночь, и мне приснилось, что я играю в вист с тарелкой резаного лука. Внезапно сновидение перешло в иную стадию, и я увидел, что моего дедушку, который вальсирует посреди улицы с полностью одетым манекеном, сейчас переедет грузовик. Я хотел закричать, но, открыв рот, сумел издать только бой курантов, а грузовик сбил дедушку и уехал.

Проснувшись в холодном поту, я побежал в дом дедушки и спросил, не собирается ли он в ближайшее время вальсировать по улице с одетым манекеном. Разумеется, он ответил отрицательно, но признался, что подумывал прикинуться пастухом, дабы легче было выслеживать врагов. Успокоившись, я вернулся домой, но позже узнал, что старик поскользнулся на курином салате и выпал из здания компании «Крайслер».

Вещие сны нередко сбываются, и это нельзя считать простым совпадением событий. Увидит человек во сне смерть родственников – и они умирают. Впрочем, так везет не всем. Дж. Мартинесу из Кеннебанкпорта в штате Мэн приснилось, что он крупно выиграет на скачках в Ирландии. Проснувшись, он обнаружил, что его кровать уже плывет через океан.

Транс

Сэр Хью Свиггс, скептик, сообщает об интересном спиритическом сеансе.

«Мы собрались в доме известного медиума мадам Рейно, где нам велели сесть за

круглый стол и взяться за руки. Мистер Вилкс, не удержавшись, захихикал, и мадам Рейно треснула его по голове доской. Затем погасили свет, и мадам Рейно попыталась войти в контакт с мужем миссис Марпл, который умер в опере, когда у него загорелась борода. Далее следует дословная запись беседы.

Миссис Марпл. Что вы видите?

Медиум. Вижу голубоглазого мужчину в шляпе размером с карусель.

Миссис Марпл. Это мой муж!

Медиум. Его зовут... Роберт. Нет... Ричард...

Миссис Марпл. Куинси.

Медиум. Куинси! Да, точно.

Миссис Марпл. Что еще можете сказать?

Медиум. Вообще-то он лысый, но обычно прикрывает голову листьями, так что никто этого не замечает.

Миссис Марпл. Да! Верно!

Медиум. Он зачем-то таскает с собой какой-то предмет... свиное филе.

Миссис Марпл. Мой подарок к годовщине свадьбы. Можете заставить его говорить?

Медиум. Дух, дух. Говори.

Куинси. Клэр, это Куинси.

Миссис Марпл. О, Куинси! Куинси!

Куинси. Сколько времени надо жарить цыпленка, пока он будет готов?

Миссис Марпл. Его голос! Это он!

Медиум. Всем сосредоточиться.

Миссис Марпл. Куинси, с тобой там хорошо обращаются?

Куинси. Неплохо, хотя одежду из чистки приходится ждать четыре дня. Миссис Марпл. Куинси, ты по мне скучаешь? Куинси. А? О... Э-э... Конечно. Конечно, детка. Вообще-то мне пора... Медиум. Он исчезает. Растворяется...

Я пришел к выводу, что этот сеанс может пройти самую строгую проверку на достоверность, если не принимать во внимание фонограф, который нашли у мадам Рейно под платьем».

Нет сомнений, что некоторые события, зафиксированные во время подобных сеансов, действительно имели место. Как тут не вспомнить знаменитый эпизод в доме Сибил Серецки, когда ее золотая рыбка запела «Я чувствую ритм»^{19]} – любимую песню недавно погибшего племянника хозяйки! Однако контактировать с мертвыми необычайно сложно, поскольку большинство усопших отнюдь не расположены к беседам, а те, которые соглашаются поговорить, долго мямят и заикаются, прежде чем доберутся до сути дела. Автор лично наблюдал, как ожил спиритический столик, а доктор Джошуа Флигл из Гарварда провел сеанс, во время которого столик не только ожил, но также извинился, поднялся по лестнице и лег спать.

Ясновидение

Один из самых поразительных случаев ясновидения продемонстрировал выдающийся греческий психоделик Ахилл Лондос. Примерно в десять лет Лондос осознал, что обладает «необычной силой»; именно тогда путем умственной концентрации он, лежа в постели, заставил вставную челюсть своего отца выскочить изо рта. Мужа соседки, которого не могли найти целых три недели, Лондос посоветовал искать в теплице, где пропавший и обнаружился, захваченный врасплох за вязанием на спицах. Сосредоточив свою волю на лице обычного человека, Лондос мог заставить его корчить рожи, которых хватило бы на целую пленку фирмы «Кодак», хотя улыбнуться он, кажется, не сумел принудить никого.

В 1964 году Лондоса попросили помочь полиции изловить Дюссельдорфского душителя, злодея, который на груди каждой жертвы неизменно оставлял кусок обгоревшей аляски^[20]. Просто понюхав носовой платок негодяя, Лондос привел

полицию к Зигфриду Ленцу, разнорабочему колледжа для глухих тетерь, который признал себя душителем и попросил вернуть платок.

Лондос – всего лишь один из многих людей, обладавших подобной психической силой. С. Н. Джером, экстрасенс из Ньюпорта, штат Род-Айленд, утверждает, что сможет угадать любую карту, которую загадает белка.

Предсказания

И наконец мы подходим к Аристонидису, графу, жившему в XVII веке, чьи предсказания до сих пор ошеломляют и потрясают даже самых отъявленных скептиков. Вот несколько типичных примеров.

«Две нации вступят в войну, но только одна из них победит».

(Эксперты склонны считать, что это относится к русско-японской войне 1904 – 1905 гг. – предсказание невероятной силы, если учесть, что оно было сделано в 1540-м.)

«Человек из Стамбула запачкает шляпу, и вещь будет испорчена навсегда».

(В 1860 году Абу Хамид, солдат Оттоманской империи, отдал свою феску в чистку и получил ее обратно всю в пятнах.)

«Вижу великого человека, который однажды осчастливит человечество, придумав предмет одежды, который будут надевать поверх штанов, дабы прикрыть их во время приготовления пищи. Предмет сей называть станут „фартух“ или „фартук“.

(Аристонидис, разумеется, имел в виду передник.)

«Великий вождь возрастет во Франции. Он будет очень мал ростом и произведет большой переполох».

(Это может относиться либо к Наполеону, либо к Марселю Люмету, карлику XVIII века, который организовал заговор с целью натереть Вольтера бearнским соусом.)

«В Новом Свете будет место под названием Калифорния, а человек по имени Джозеф Коттен^[21] станет знаменит».

(Это в комментариях не нуждается.)

Несколько Сюжетов Балетных Миниатюр

Дмитрий

Балет открывается празднеством. Народ прогуливается и закусывает. Люди в ярких одеждах смеются и танцуют под аккомпанемент флейт и прочих деревянных духовых инструментов, тогда как тромбоны ведут свою мелодию в миноре в знак того, что скоро закуски кончатся и все умрут.

Вот бродит по парку прелестная девушка. Ее зовут Наташа, она печальна, потому что ее отца послали воевать в Хартум, а там и войны-то нет. А сопровождает ее Леонид, юный студент. Он слишком робок, чтобы заговорить с Наташей, однако каждую ночь приносит к ней на порог по пучку зелени. Наташа тронута дарами и мечтает познакомиться с человеком, который приносит их – главным образом, чтобы сказать, что терпеть не может петрушку, а предпочла бы сельдерей.

Молодые люди знакомятся, когда Леонид, при попытке сочинить любовную записку Наташе, падает с Чертова колеса. Она помогает ему подняться, и они танцуют па-де-де, после чего Леонид пытается очаровать ее, вращая глазами. Наконец приходится отправить его в медпункт. Придя в себя, он пространно извиняется и предлагает прогуляться к палатке № 5 – поглядеть представление кукольного театра. Это приглашение окончательно закрепляет уже сформировавшееся мнение Наташи, что она имеет дело с дебилом.

Однако насчет кукольного театра она не права. Представление довольно мило, к тому же в Наташу влюбляется огромная забавная кукла по имени Дмитрий. Наташа догадывается, что, хотя он и набит всего лишь опилками, у него есть душа, и когда он предлагает снять комнату в отеле, назвавшись супругами Доу, она в восторге. Они танцуют па-де-де, потея, как загнанные клячи. Наташа признается Дмитрию в любви и клянется, что они всегда будут неразлучны, пусть даже человеку, который дергает Дмитрия за веревочки, придется спать на раскладушке в передней.

Леонид, раздраженный тем, что Наташа предпочла ему куклу, стреляет в Дмитрия, но тот не умирает, а оказывается на крыше Торгового банка, надменно попивая виски из горлышка. Действие становится сумбурным, и потому, когда Наташа проламывает себе череп, наступает общее ликование.

Жертвоприношение

Мелодичная увертюра повествует о неразрывных узах, связывающих человека с землей, и о том, почему неизменно выходит так, что в конце концов он оказывается в нее зарытым. Занавес поднимается, – за ним огромный первобытный пустырь, какие еще остались кое-где в Нью-Джерси. Мужчины и женщины сидят отдельными группами, потом принимаются танцевать, но зачем – не понимают сами, и вскоре снова рассаживаются. Тут появляется молодой мужчина в расцвете сил и танцует гимн огню. Внезапно обнаруживается, что огонь охватил его самого, его тушат и удаляют. Сцена темнеет: Человек бросает вызов Природе – волнующее единоборство, во время которого Природу кусают за ляжку, и в результате следующие шесть месяцев температура выше нуля не поднимается.

Начинается Картина Вторая, а весна все не приходит и не приходит, хотя уже конец августа, и учреждениям пора переносить начало работы на час позже. Старейшины племени совещаются и решают умиловить Природу, принеся ей в жертву юную деву. Дева избрана. Три часа ей дается, чтобы добраться до окраины города, где, как ей указано, она должна найти заведение с настоящей жаровней. Когда она там наконец появляется, ее недоумению нет предела: почему не подают горячие сосиски?

Старейшины приказывают ей затанцевать себя до смерти. Она трогательно молит о пощаде, дескать, тем более что и танцовщица-то она так себе. Соплеменники настаивают, и под неотступную, безжалостную музыку она вращается, обезумев, причем центробежные силы достигают такой величины, что ее серебряные клипсы перелетают футбольное поле. Все ликуют, однако преждевременно: весна так и не приходит, зато двум старейшинам приходят судебные повестки по обвинению в подделке почтовых переводов.

Чары

Увертюру весело начинают медные духовые, однако внизу, на басах, барабан вздыхает, словно предупреждая нас: «Да не слушайте вы группу духовых! Они же ни черта не понимают!» Тут поднимается занавес, за ним – дворец принца Зигмунда, прекрасный и величественный, к тому же приносящий доход в виде арендной платы. У Принца день рождения, ему исполняется двадцать один год, но когда он открывает коробки с подарками, его охватывает уныние: в большинстве коробок – пижамы. По одному его старые друзья подлетают к нему с поздравлениями, и он либо жмет им руки, либо хлопает по заду, смотря по тому, как оказался к нему повернут, подлетев, его приятель. Со своим лучшим другом, Вольфшмидтом, Принц предается грусти: они клянутся, что если один из них облысеет, то парик станет носить другой. Вся труппа танцует приготовления к охоте, пока Зигмунд не говорит: «Какая еще вам охота?» Никто толком ничего не понимает, попойка зашла слишком далеко, и когда приносят счет, происходит замешательство.

Разочарованный жизнью, Зигмунд бредет, танцуя, к берегу озера, где в течение сорока минут любуется своим несравненным отражением в досаде на себя за то, что не захватил помазок и бритву. Внезапно он слышит хлопанье крыльев – это стая диких лебедей, застилая собой луну, пролетает над озером. Лебеди забирают вправо и возвращаются – прямо на Зигмунда. В ошеломлении Зигмунд замечает, что их предводитель – наполовину лебедь, наполовину женщина. К сожалению, линия раздела проходит вдоль.

Женщина-лебедь очаровывает Зигмунда, который изо всех сил пытается удержаться от шуточек насчет птицефермы. Следует па-де-де Зигмунда и Женщины-лебедь, которое кончается тем, что Зигмунд стряхивает ее с себя на пол. Иветта (Женщина-лебедь) рассказывает Зигмунду, что ее гнетут чары злого колдуна фон Эппса и что в таком виде она даже не может получить в банке ссуду. Своим технически невероятно сложным соло она объясняет (на языке танца), что единственный способ рассеять заклятие фон Эппса – это отправить влюбленного в нее юношу на курсы стенографисток. Зигмунду эта идея омерзительна, но он клянется пойти на все. Внезапно под видом тюка с грязным бельем появляется фон Эппс и колдовски увлекает за собой Иветту. Конец Первого Действия.

Действие Второе происходит неделю спустя. Принц готовится жениться на Жюстине, девушке, о которой он совершенно забыл. Его раздирают противоречивые чувства: он все еще любит Женщину-лебедь, но Жюстина тоже очень красива, к тому же у нее нет выраженных физических недостатков вроде клюва и перьев. Танец Жюстины исполнен соблазна. Вид Зигмунда говорит о том, что он никак не может решить для себя – то ли доводить до конца всю эту волынку с женитьбой, то ли отыскать Иветту и выяснять, не могут ли ей чем-нибудь помочь врачи.

Оглушительный удар тарелок: появляется фон Эппс, злой волшебник. Официально на свадьбу его никто не приглашал, но он обещает, что много не съест. В ярости Зигмунд вытаскивает меч и вонзает его фон Эппсу в сердце. В результате у собравшихся пропадает аппетит, и мать Зигмунда отдает повару распоряжение с горячим повременить.

с поздравлениями, и он либо жмет им руки, либо хлопает по заду, смотря по тому, как оказался к нему повернут, подлетев, его приятель. Со своим лучшим другом, Вольфшмидтом, Принц предается грусти: они клянутся, что если один из них облысеет, то парик станет носить другой. Вся труппа танцует приготовления к охоте, пока Зигмунд не говорит: «Какая еще вам охота?» Никто толком ничего не понимает, попойка зашла слишком далеко, и когда приносят счет, происходит замешательство.

Разочарованный жизнью, Зигмунд бредет, танцуя, к берегу озера, где в течение сорока минут любуется своим несравненным отражением в досаде на себя за то, что не захватил помазок и бритву. Внезапно он слышит хлопанье крыльев – это стая диких лебедей, застилая собой луну, пролетает над озером. Лебеди забирают вправо и возвращаются – прямо на Зигмунда. В ошеломлении Зигмунд замечает, что их предводитель – наполовину лебедь, наполовину женщина. К сожалению, линия раздела проходит вдоль.

Женщина-лебедь очаровывает Зигмунда, который изо всех сил пытается удержаться от шуточек насчет птицефермы. Следует па-де-де Зигмунда и Женщины-лебедь, которое кончается тем, что Зигмунд стряхивает ее с себя на пол. Иветта (Женщина-лебедь) рассказывает Зигмунду, что ее гнетут чары злого колдуна фон Эппса и что в таком виде она даже не может

получить в банке ссуду. Своим технически невероятно сложным соло она объясняет (на языке танца), что единственный способ рассеять заклятие фон Эппса – это отправить влюбленного в нее юношу на курсы стенографисток. Зигмунду эта идея омерзительна, но он клянется пойти на все. Внезапно под видом тюка с грязным бельем появляется фон Эппс и колдовски увлекает за собой Иветту. Конец Первого Действия.

Действие Второе происходит неделю спустя. Принц готовится жениться на Жюстине, девушке, о которой он совершенно забыл. Его раздирают противоречивые чувства: он

все еще любит Женщину-лебедь, но Жюстина тоже очень красива, к тому же у нее нет выраженных физических недостатков вроде клюва и перьев. Танец Жюстины исполнен соблазна. Вид Зигмунда говорит о том, что он никак не может решить для себя – то ли доводить до конца всю эту волюнку с женитьбой, то ли отыскать Иветту и выяснять, не могут ли ей чем-нибудь помочь врачи.

Оглушительный удар тарелок: появляется фон Эппс, злой волшебник. Официально на свадьбу его никто не приглашал, но он обещает, что много не съест. В ярости Зигмунд вытаскивает меч и вонзает его фон Эппсу в сердце. В результате у собравшихся пропадает аппетит, и мать Зигмунда отдает повару распоряжение с горячим повременить.

Вольфшмидт в это время, действуя от имени Зигмунда, находит пропавшую Иветту, что, по его словам, оказывается задачей совсем не сложной. Он объясняет так: «Ну вы сами сообразите: много ли болтается по Гамбургу наполовину женщин, наполовину лебедей?» Глухой к мольбам Жюстины, Зигмунд бросается за Иветтой. Жюстина бежит за ним следом, целует его, раздаётся минорный аккорд оркестра, и мы замечаем, что трико на Зигмунде надето на левую сторону. Иветта рыдает, объясняя, что единственный оставшийся для нее способ избавиться от чар – это Смерть. Следует один из самых трогательных и прекрасных пассажей во всем искусстве балета: Иветта с разгону бьется головой о кирпичную стену. Зигмунд наблюдает, как мертвый лебедь превращается в мертвую женщину; он начинает понимать, как прекрасна и горька бывает жизнь, особенно жизнь дичи. Убитый горем, он решает последовать за нею, и после изящного траурного танца заглатывает гриф от штанги.

Паразиты

Этот прославленный электронный балет, пожалуй, одна из самых драматических балетных постановок. Начинается он увертюрой из повседневных звуков – слышатся уличные шумы, тиканье часов, гном играет «Хоро Стаккато» на расческе, обернутой в папиросную бумагу. Занавес поднят. Сцена пуста. Несколько минут не происходит ничего. Наконец занавес падает. Антракт.

Действие Второе. В полной тишине танцуют несколько молодых людей, притворяясь насекомыми. Солист – муха комнатная обыкновенная, остальные напоминают различных представителей врагов садов и полей. Под диссонирующую музыку они плетут запутанную нить своего танца в поисках огромного бутерброда, который постепенно появляется на заднем плане. Они уже совсем было не прочь приступить к трапезе, но тут процессия женщин вносит огромную банку ДДТ. Самцы бросаются в паническое бегство, но их всех запирают в железные клетки, где и почитать-то нечего. Женщины оргиастически танцуют вокруг клеток, они готовятся к пожиранию самцов, нужен только соевый соус, который им что-то никак не найти. Все самки намерены приняться за обед, а одна юная девушка замечает одинокого покинутого самца с обвисшими усиками-антенками. Ее влечет к нему неудержимо, и пока они медленно танцуют под звуки французских рожков, он шепчет ей на ухо: «Не ешь меня!» Они любят друг друга и строят планы свадебного полета, но настроение самки внезапно меняется, и она пожирает самца, решив поселиться вдвоем с подружкой.

Олененок ^{22]}

Когда занавес подымается, мы слышим нестерпимо грустную мелодию и видим густой лес, залитый полуденным солнцем. Олененок танцует и неторопливо щиплет траву. Лениво прогуливается среди густой листвы. Через некоторое время начинает кашлять, падает и умирает.

Размышляя О Женщинах Ловберга

Пожалуй, ни одному писателю не удалось создать столь сильные и сложные женские образы, как великому скандинавскому драматургу Йоргену Ловбергу, известному своим современникам под именем Йорген Ловберг. Его отношения с противоположным полом были мучительны, но благодаря страданиям и горю, которые они принесли самому автору, Ловберг подарил миру таких непохожих и незабываемых героинь, как Дженни Ангстрем в пьесе «Всюду гуси» и фрекен Дроссель в «Маминых галошах». Ловберг (урожденный Lovberg, он в зрелые годы снял точки над «о» и разместил их на переносице) родился в Стокгольме в 1836 году. Первую пьесу он написал в четырнадцать лет. Она называлась «Муки смущения» и увидела свет рампы, когда автору было уже за шестьдесят. Критика встретила ту постановку разноречиво, однако смелость темы (любовь благовоспитанной девушки к головке швейцарского сыра) заставила

консервативную публику покраснеть. В творчестве Ловберга можно выделить три периода. Первым был создан цикл пьес о страхе, ужасе, отчаянье и одиночестве (комедии). Затем драматург обратился к острым общественным проблемам. Его драмы того периода сыграли немалую роль в переходе к более безопасным методам взвешивания кильки. И наконец, шесть великих трагедий, образующих последний цикл: они написаны незадолго до смерти. В 1902 году от творческого перенапряжения у Ловберга отвалился нос, и драматурга не стало.

Первой из великих ловберговских женщин пришла к зрителю Хедвиг Молдау – главная героиня пьесы «До гланд», в которой автор вынес насмешливый приговор великосветской графомании. Хедвиг известно, что Грегор Нор-стад использовал нестандартный строительный раствор, когда клал крышу курятника. Однажды ночью крыша обрушивается на Клавара Экдала. Хедвиг узнает, что несчастный одновременно ослеп и облысел, и её охватывают муки совести. Следует знаменитая финальная сцена.

Хедвиг. Значит... все-таки рухнула.

Доктор Рорлунд (*после большой паузы*). Да. Прямо на голову.

Хедвиг (*насмешливо*). Интересно, что его занесло в курятник?

Доктор. Любил кур. Нет-нет, не всех, не кур

вообще, уверяю вас. Некоторых. (*Многозначительно.*) Он умел ценить кур.

Х е д в и г. А Норстад? Что он делал, когда... это случилось?

Доктор. Натерся чесноком и спрятался в погребе.

Х е д в и г (*себе*). Я никогда не выйду замуж.

Доктор. Вы что-то сказали?

Хедвиг. Вам показалось. Идемте, доктор. Пора бы вам постирать рубашку. Пора бы всем постирать рубашки...

Образ Хедвиг многим обязан родной сестре Ловберга Хильде, властной и неврастеничной женщине. Она была замужем за вспыльчивым финским мореходом, который в конце концов загарпунил ее. Ловберг боготворил сестру и только благодаря ее влиянию избавился от привычки разговаривать со своей тростью.

Вторую в череде великих героинь Ловберг вывел в пьесе «Дикая шутка», могучей драме ревности и страсти. Мольтвик Дорф, укротитель анчоусов, узнает, что его брат Аовульф получил в наследство деликатную болезнь их отца. Дорф обращается в суд. Он утверждает, что болезнь по праву принадлежит ему, но судья Мандерс берет сторону Аовульфа. Нетта Хольмквист, хорошенькая и самоуверенная актриса, подбивает Дорфа пойти на шантаж: пускай он пригрозит Аовульфу, что сообщит властям, как тот в свое

консервативную публику покраснеть. В творчестве Ловберга можно выделить три периода. Первым был создан цикл пьес о страхе, ужасе, отчаянье и одиночестве (комедии). Затем драматург обратился к острым общественным проблемам. Его драмы того периода сыграли немалую роль в переходе к более безопасным методам взвешивания кильки. И наконец, шесть великих трагедий, образующих последний

цикл: они написаны незадолго до смерти. В 1902 году от творческого перенапряжения у Ловберга отвалился нос, и драматурга не стало.

Первой из великих ловберговских женщин пришла к зрителю Хедвиг Молдау – главная героиня пьесы «До гланд», в которой автор вынес насмешливый приговор великосветской графомании. Хедвиг известно, что Грегор Нор-стад использовал нестандартный строительный раствор, когда клал крышу курятника. Однажды ночью крыша обрушивается на Клавара Экдаля. Хедвиг узнает, что несчастный одновременно ослеп и облысел, и её охватывают муки совести. Следует знаменитая финальная сцена.

Хедвиг. Значит... все-таки рухнула.

Доктор Рорлунд (*после большой паузы*). Да. Прямо на голову.

Хедвиг (*насмешливо*). Интересно, что его занесло в курятник?

Доктор. Любил кур. Нет-нет, не всех, не кур

вообще, уверяю вас. Некоторых. (*Многозначительно.*) Он умел ценить кур.

Х е д в и г. А Норстад? Что он делал, когда... это случилось?

Доктор. Натерся чесноком и спрятался в погребе.

Х е д в и г (*себе*). Я никогда не выйду замуж.

Доктор. Вы что-то сказали?

Хедвиг. Вам показалось. Идемте, доктор. Пора бы вам постирать рубашку. Пора бы всем постирать рубашки...

Образ Хедвиг многим обязан родной сестре Ловберга Хильде, властной и неврастеничной женщине. Она была замужем за вспыльчивым финским мореходом, который в конце концов загарпунил ее. Ловберг боготворил сестру и только благодаря ее влиянию избавился от привычки разговаривать со своей тростью.

Вторую в череде великих героинь Ловберг вывел в пьесе «Дикая шутка», могучей драме ревности и страсти. Мольтвик Дорф, укротитель анчоусов, узнает, что его брат Аовульф получил в наследство деликатную болезнь их отца. Дорф обращается в суд. Он утверждает, что болезнь по праву принадлежит ему, но судья Мандерс берет сторону Аовульфа. Нетта Хольмквист, хорошенькая и самоуверенная актриса, подбивает Дорфа пойти на шантаж: пускай он пригрозит Аовульфу, что сообщит властям, как тот в свое

время подделал подпись одного пингвина на страховом свидетельстве. Следует четвертая сцена второго действия.

Дорф. Нетта, Нетта! Всё кончено. Я проиграл.

Нетта. Так может говорить только ничтожный слабак, который не способен найти в себе мужества...

Дорф. Мужества?

Нетта. Мужества сказать Парсону Сматерсу, что он никогда больше не сумеет ходить нормально и обречен прыгать до конца своих дней.

Дорф. Нетта! Нет. Я не могу.

Нетта. Еще бы! Конечно, не можешь. Зря я заговорила об этом.

Дорф. Парсон Сматерс доверяет Аовульфу. Было время, он делил с ним последнюю пластинку жвачки. Правда, меня тогда еще не было на свете. Ах, Нетта...

Нетта. Не хнычь. Банк не позволит Аовульфу перезаложить крендель. Тем более, он уже съел половину.

Дорф. Нетта, что ты предлагаешь?

Нетта. То, что любая жена сделала бы ради собственного мужа. Надо засолить Аофульва.

Дорф. Опустить в рассол собственного брата?

Нетта. А что тут такого? Чем ты ему обязан?

Дорф. Но это слишком жестоко. Послушай, Нетта... А что, если уступить ему нашу наследственную болезнь? В конце концов, можно найти компромисс. Скажем, он забирает болезнь, но оставляет мне симптомы?

Н е т т а. Компромисс? Не смей меня. Господи, как меня тошнит от твоего мещанства, Мольтвик. Если бы ты знал, как я устала от нашего брака. От твоих вечных

идей, твоих привычек, твоих разговоров. От этого плюмажа, который ты надеваешь к обеду.

Д о р ф. Остановись... Не трогай плюмажа.

Нетта (*презрительно*). Послушай, Мольтвик. Я хочу тебе кое-что рассказать. Об этом знаем только я и твоя мать. Ты гном, Мольтвик.

Дорф. ЧТО?

Нетта. Всё в этом доме построено в масштабе один к двадцати пяти. Твой настоящий рост – девяносто три сантиметра.

Дорф. Не смей. Не надо. Прекрати, мне плохо. Вот, вот, снова эти ужасные боли... Скажи, что ты пошутила, Нетта!

Н е т т а. Нет, Мольтвик.

Дорф. У меня дрожат коленки.

Нетта. Ничтожество.

Дорф. Нетта, Нетта, скорее открой окна!

Нетта. Нет. Сейчас я зашторю их.

Дорф. Свет! Умоляю... Дайте Мольтвику свет!

Для Ловберга Мольтвик стал символом прежней, гниющей и умирающей Европы. Напротив, в Нетте воплотилась жестокая, первобытная мощь истории, которой предстояло в ближайшие полвека совершенно переменить облик континента и найти свое наивысшее воплощение в песнях Мориса Шевалье. Отношения Нетты и Мольтвика как зеркало отразили брак самого Ловберга с актрисой Сири Брекман, служившей для драматурга неиссякаемым источником вдохновения все восемь часов их совместной жизни. Позже Ловберг был женат еще несколько раз, но уже только на манекенах из универмага.

Безусловно, самая совершенная из героинь Ловберга – фру Сенстед в «Спелых персиках», его последней реалистической драме. (После «Персиков» он экспериментировал с формой и написал пьесу, в которой всех персонажей звали Ловбергами. Увы, успеха она не имела. Драматургу оставалось жить еще три года, но после того сокрушительного провала он уже не выходил из своего плетеного бака для белья). «Спелые персики» по праву относят к величайшим шедеврам мастера, а заключительная сцена с миссис Сенстед и ее невесткой Бертой сегодня, пожалуй, современна как никогда.

Берта. Ну, скажи же, что тебе нравится, как мы обставились! Если бы ты знала, чего стоит устроить дом на зарплату чреовещателя...

Фру Сенстед. Что ж, всё вполне... удобно.

Б е р т а. Удобно? И всё?

Фру Сенстед. Кто придумал обтянуть голову лося алым атласом?

Берта. Твой сын, конечно. Генрик – прирожденный дизайнер.

Фру Сенстед (*внезапно*). Генрик – неисправимый болван!

Берта. Неправда!

Фру Сенстед. Ты знаешь, что до прошлой недели он понятия не имел, что такое снег?

Берта. Как вам не стыдно!

Фру Сенстед. Мой дорогой мальчик...Послушай, Берта. Ты ведь не знаешь, – Генрик сидел в тюрьме. Да-да. Его посадили за то, что неправильно говорил слово «дифтонг».

Берта. Я не верю вам.

Фру Сенстед. Увы, детка. И с ним в камере оказался один эскимос...

Берта. Замолчите! Я не хочу ничего об этом знать!

Фру Сенстед. А придется, моя кукушечка. Ведь, кажется, так Генрик зовет тебя?

Берта (*сквозь слезы*). Да, так. Он зовет меня его кукушечкой. А иногда его воробушком. А иногда бегемотиной.

Обе плачут навзрыд.

Фру Сенстед. Берта, милая Берта... Ушанка, которую он носит, – не его. Ему выдали ее на работе.

Берта. Мы должны помочь Генрику. Мы должны прямо сказать ему, что сколько бы

человек ни махал руками – он не взлетит.

Фру Сенстед (*неожиданно рассмеявшись*). Генрик всё знает. Я рассказала ему, как ты относишься к его супинаторам.

Берта. Вот как... Значит, ты обманула меня?

Фру Сенстед. Называй как хочешь. Генрик сейчас в Осло.

Берта. В Осло!

Фру Сенстед. Герань он забрал с собой.

Берта. Вот как. Вот...как... (*медленно уходит через застекленные двери в глубине сцены*).

Фру Сенстед. Вот так, моя кукушечка. Он все-таки вырвался из твоего цепкого клювика. Не пройдет и месяца, как наконец исполнится его заветная мечта: мой мальчик сожжет свои колючие варежки и разрубит все узлы на шнурках. А ты что же, надеялась заточить его тут навечно, Берта? Как бы не так! Генрик – вольный зверь, он не может жить в клетке! Как дикому хомяку, как всякой вши – ему нужна свобода! (*Выстрел за сценой. Фру Сенстед бросается в комнату Берты. Крик. Фру Сенстед возвращается; на ней нет лица, ее колотит дрожь.*) Насмерть. Счастливая. А я... я должна жить дальше. Вот уже наступает ночь. Как быстро она наступает! Как быстро! – а мне еще надо успеть перевесить традесканции.

Создавая образ фру Сенстед, Ловберг мстил матери, которая тоже была очень строгой женщиной. Начинала она воздушной акробаткой в бродячем цирке. Будущий отец драматурга, Нильс Ловберг, работал живым пушечным ядром. Молодые встретились в воздухе и поженились прежде, чем коснулись земли. Однако брак оказался несчастлив, и к тому времени, как Йоргену исполнилось шесть лет, родители уже ежедневно палили друг в друга из цирковых пистолетов. Такая обстановка не могла не подействовать на впечатлительного мальчика. Довольно скоро у него появились первые симптомы впоследствии знаменитых ловберговских «настроений» и «тревог». Например, до конца дней при виде цыпленка-табака он снимал шляпу и кланялся. В последние годы Ловберг признавался близким друзьям, что «Спелые персики» дались ему нелегко, и несколько раз ему казалось, что он слышит голос матери. Она спрашивала, как добраться с Манхэттена к статуе Свободы.

Блудница Из Читалки

Предчувствия для частного детектива – штука весьма бесполезная. Хотя бы вот и в этот раз: когда ко мне в контору вкатился этот расплывшийся колобок по имени Уорд Бэбкок, тут же вылив на меня весь ушат своих горестей, мне следовало бы повнимательнее отнестись к ледяной дрожи, которая так и пронизала мой позвоночник.

– Кайзер? – осведомился он. – Кайзер Люповиц?

– Что ж, в моей лицензии именно так и значится, – парировал я.

– Мне нужна ваша помощь. Меня шантажируют! Умоляю!

Он трясся, как солист рок-ансамбля. Я пододвинул ему через стол стакан и бутылку пшеничной, которую всегда держу под руками для надобностей не вполне медицинских.

– Ну-ка расслабься. Потом все объяснишь.

– Вы... вы не расскажете моей жене?

– Войди в мое положение, Уорд. Я не могу ничего обещать.

Он попытался разлить по стаканам, но звон при этом, должно быть, и на улицу доносился, а пошло в основном пролилось ему в башмаки.

– Я человек рабочий, – сказал он. – Слесарь-ремонтник. Делаю и починяю хлопушки и хрюкалки для подначек. Ну, вы знаете – маленькие такие штучки, – подает тебе кто-нибудь руку здороваться, а она как хрюкнет!

– Ну?

– Кстати, многие из начальства это любят. Особенно там, на Уолл-стрит.

– Ну-ну, ближе к делу!

– Так я же и говорю: по командировкам, значит, мотаюсь как проклятый. В общем, сами понимаете, что это значит. Иной раз таким себя одиноким чувствуешь! Да нет, не то, что вы думаете! Видите ли, Кайзер, в глубине души ведь я интеллигент. Конечно, всегда можно подцепить какую-нибудь фифу, но по-настоящему умные женщины – это ведь все же редкость.

– Ага... дальше!

– Да. В общем, сказали мне про одну молоденькую девчонку. Восемнадцать лет. Студентка из Яссара. За деньги она к тебе придет и будет говорить на любую тему – Пруст, Йейтс, антропология... Обмен мыслями. Поняли теперь, к чему клонится?

– Не вполне.

– Я ничего не говорю, жена у меня – чудо, не поймите превратно. Но не хочет она со мной говорить про Эзру Паунда. Или там про Элиота. А я этого не знал, когда на ней женился. Слушайте, Кайзер, мне нужна женщина, которая бы возбуждала меня интеллектуально. И я бы с радостью за это заплатил. Мне не нужна связь, я хочу мгновенной интеллектуальной отдачи, а потом пусть себе катится. Господи, Кайзер, я ведь совсем не считаю, что в браке мне не повезло!

– И давно уже это тянется?

– Да шесть месяцев. Как на меня накатит, я звоню Флосси. Она у них вроде бандерши. У нее диссертация по сравнительной лингвистике. И она мне посылает интеллигентную девицу, понятно?

Вот оно что. Один из тех, которых хлебом не корми, а подавай им умную бабу. Мне даже жалко стало парня. И ведь не он один, должно быть, в таком положении. Навалом, наверное, таких фраеров, изголодавшихся по интеллектуальному общению с противоположным полом. Последнюю рубаху с себя ради этого снимут.

– И вот теперь она грозитя рассказать жене, – сказал он.

– Кто грозитя?

– Да эта Флосси. Они установили жучок и записали на пленку, как я в номере мотеля обсуждаю Элиота и Сьюзан Зонтаг, и, надо признать, там в некоторых местах меня действительно заносит. Выкладывай им десять кусков, или они тут же донесут обо всем моей Карле. Кайзер, помогите мне! Карла умрет, если узнает, что умственно она меня не заводит.

Все те же знакомые ухватки гостиничных «зажигалок»! Надо сказать, из полиции до меня доходили уже кое-какие толки насчет сомнительных делишек группы женщин с образованием, но пока что-то там у ребят подзаклинило.

– Ну-ка, бери телефон, соединяй меня с Флосси.

– Зачем?

– Я берусь за твое дельце, Уорд. Но у меня такса – пятьдесят долларов в день, плюс расходы. Придется тебе перечинить изрядную кучу этих твоих хрюкалок.

– Ладно, на десять-то кусков вы все же меня не разденете! – сказал он, осклабясь, подвинул к себе телефон и набрал номер. Я принял от него трубку и подмигнул ему. Что ж, он мне начинает нравиться.

Спустя секунды три ответил голосочек нежный, как капроновый чулок, и я изложил свою просьбу.

– Насколько я понимаю, вы мне можете обеспечить час полноценной трепотни, – сказал я.

– Конечно, мой хороший. О чем будем разговаривать?

– Я бы хотел обсудить Мелвилла.

– «Моби Дик» или рассказы?

– А что за разница?

– Разница в цене, вот и все. За символизм доплата отдельно.

– Ну, и во сколько же это мне обойдется?

– Пятьдесят, может, сто за «Моби Дика». А хотите сравнительный анализ – Мелвилл и Готорн? За сотню могу устроить.

– Годится, – сказал я и продиктовал ей номер комнаты в отеле «Плаза».

– Хотите блондинку или брюнетку?

– Хочу сюрприз, – сказал я и повесил трубку.

Я побрился и, пока заправлялся черным кофе, заодно перелистнул соответствующий том энциклопедии. Не прошло и часа, как в дверь постучали. Я отворил. Передо мной стояла рыженькая малышка, как два больших шара ванильного мороженого упакованная в тугие слаксы.

– Привет, меня зовут Шерри.

Что ж, они действительно умеют действовать на воображение. Длинные прямые волосы, кожаная сумочка, в ушках серебряные колечки, никакой косметики.

– Поразительно, и как это тебя в гостиницу в таком виде пустили! – сказал я. – Швейцар обычно за версту интеллигенток чует.

– Успокоила его пятеркой.

– Начнем? – пригласил я, указывая на кушетку.

Она закурила и приступила к делу.

– Что ж, можно начать с того, что «Билли Бад» – мелвилловское оправдание отношения божественного к существу, нэ-се-па?

– Похоже, правда не в мильтонианском смысле.

Я блефовал. Мне было интересно, способна ли она на это клюнуть.

– Нет-нет! В «Потерянном рае» как раз недостает этой субструктуры пессимизма.

Клюнула!

– Да. Да. Господи, как вы правы! – мурлыкал я.

– По-моему, Мелвилл нам заново открыл невинность как добродетель. Добродетель в наивном, но все же усложненном понимании, вы не согласны?

Я предоставил ей высказываться дальше. Ей было едва ли девятнадцать, но она успела уже и усвоить и закрепить все эти псевдоинтеллектуальные ужимки. Стрекоча, она многословно сыпала познаниями, но все это совершенно механически. Только это я подначу ее копнуть поглубже – она мне тут же обманый финт: «Да, Кайзер, ах, как это глубоко! Подумать только! Платоническое осмысление христианства! И как это мне в голову не приходило!»

Около часа мы так проболтали, а потом она мне сказала, что ей пора. Она встала, я выложил сотенную.

– Спасибо, мой хороший.

– Там, где я это раздобыл, деньжата водятся и покруче!

– Ты это к чему? Я поймал ее на любопытстве. Она снова села.

– А что, если б мне вздумалось устроить... ну, вроде как посиделки? – сказал я.

– Как это – посиделки?

– Ну, скажем, две девушки объяснили бы мне Ноэма Хомски^[23].

– Ммм... так!..

– Ну, нет так нет. Забудем, ладно?

– Тут тебе надо действовать через Флосси, – сказала она. – Но учти: это влетит в копеечку!

Пришло время затянуть гайки. Ткнув ей в нос значок частного детектива, я сообщил, что взял ее на понт.

– Я легавый, малышка, а обсуждение Мел-вилла за деньги карается по статье 802. Получишь срок.

– Ах, скотина!

– Потише, бэби, не пришлось бы все повторить в полиции. Там тебя за такие слова, пожалуй, не похвалят.

Она ударилась в слезы. «Кайзер, отпустите меня! Ну, пожалуйста! – хныкала она. – Мне деньги нужны дотянуть до диплома! Меня сняли со стипендии! Второй раз уже. О, Господи!»

Тут она выложила все до точки. Музыка и языки в детстве. Потом молодежные лагеря

социалистов, демонстрации и плакаты. Те дамочки, которые шпалерами стоят у служебного выхода из театра, – это все она, и те, что карандашиком карябают на полях какой-нибудь из книг о Канте: «Поразительно! Гениально!» – это тоже она. Но где-то она оступилась. Где-то сделала неверный шаг и поскользнулась.

– Мне позарез понадобились деньги. А одна подружка сказала, что у нее есть знакомый женатик, у которого супруга не очень-то волокет. А он балдеет от Блейка. А она не рубит в этом, хоть тресни. Я говорю – ладно, за хорошие бабки почему не поговорить с ним о Блейке? Сначала-то я нервничала! Несла ахинею! Но оказалось, ему – до лампочки. И тут та подружка сказала, что он не один такой. Ой, бывало уже, меня ловили! Однажды застучали, когда я в машине читала вслух какие-то стихи из антологии, а в другой раз остановили и обыскали в парке Тэнглвуд. В третий раз мне от них не отделаться!

– Тогда веди меня к Флосси. Она закусила губку и говорит:

– Книжный магазин Хантер-колледжа – ширма!

– Вот как?

– Вроде как те игорные притоны, которые спрятаны позади маникюрных кабинетов. Да вы сами увидите.

Я тут же звякнул в управление и навел справки. Потом я отпустил ее.

– Ладно, – говорю, – малышка. Считай, что сошла с крючка. Но из города не уезжай покуда.

Ее личико благодарно приблизилось к моей синеватой роже.

– Хочешь достану тебе фотографию Дуайта Макдональда, где он читает? – прошептала она.

– Ладно, как-нибудь в другой раз.

Когда я вошел в книжный магазин Хантер-колледжа, навстречу мне поднялся продавец, молодой человек с пытливыми глазами.

– Чем могу быть полезен? – осведомился он.

– Я ищу редкое издание «Рекламы самого себя»^[24]. Знаю, что автор отпечатал несколько тысяч экземпляров с золотым обрезом – для друзей.

– Я наведу справки, – сказал парень. – У нас прямая связь с домом Мейлера.

Взглядом я осадил его. – Я от Шерри, – сказал я.

– Ну, тогда пошли, – нимало не удивился парень.

Он нажал кнопку, стена книг отъехала в сторону, и, словно агнец, я очутился посреди суматошного дворца наслаждений, который зовется «У Флосси».

Пунцовые тисненные обои вкупе с обстановкой в викторианском стиле создавали атмосферу. Бледные, стриженные без затей нервные девы в очках, оправленных металлом, лениво развалясь, сидели и лежали на диванах с соблазнительно приоткрытыми томками классики издательства «Пингвин» в руках. Блондинка с улыбкой от уха до уха подмигнула мне, дернула подбородком в сторону комнаты на втором этаже и сказала:

– Мужчина, как насчет Уоллеса Стивенса, а?

Тут предлагались, однако, не только чисто интеллектуальные удовольствия; эмоции тоже были в ходу. Как выяснилось, за полета можно было «вступить в отношения, не доходящие до интимных». За сотню девица одалживает тебе свои пластинки Бартока, идет с тобой обедать, затем позволяет присутствовать при истерическом припадке. За полтора ты слушаешь стереоприемник с близняшками. За три сотни идет большой набор: в Музее современного искусства тебя как бы невзначай подклеивает тощая брюнетка еврейской национальности, дает читать свою дипломную работу, впутывает тебя в визгливую свару в ресторане из-за фрейдовской трактовки природы женщины, а потом симулирует самоубийство (способ – по выбору заказчика). В общем, – предел мечтаний, –

на любителя, конечно. А почему нет? Все же великий город – Нью-Йорк!

– Ну, как пейзажик? – раздался голос у меня за спиной. Я обернулся и обнаружил себя глаз в глаз с револьвером 38-го калибра. Вообще-то я на слабый желудок не

жалуюсь, но тут и у меня внутри что-то дрогнуло. Так и есть: это Флосси. Голос я узнал сразу, однако Флосси оказалась мужчиной. Лицо его было скрыто маской.

– Вы не поверите, – сказал он, – но у меня нет даже диплома колледжа. Меня вытурили за плохие отметки.

– Из-за этого вы и ходите в маске?

– Когда-то я мечтал прибраться к рукам «Нью-Йоркское книжное обозрение», у меня даже план был разработан детальный, но для этого, хоть тресни, надо было сойти за Лайонела Триллинга^[25]. На операцию я поехал в Мексику. Там в Хуаресе есть такой врач – за деньги он кому угодно придаст сходство с Триллингом. Но что-то у него не вышло. Лицом я получился вылитый Оден, а голосом – Мэри Маккарти^[26]. Тогда-то я и начал работать по ту сторону закона.

Быстро, прежде чем его палец успел привести в движение спусковой крючок, я начал действовать. Рванувшись вперед, я локтем саданул ему в зубы и, пока он падал, выхватил у него револьвер. «Флосси» рухнул как тонна кирпичей. Когда подоспела полиция, он все еще стонал.

– Чистая работа, Кайзер, – сказал сержант Холмс. – Когда закончим с этим парнем мы, с ним хотят побеседовать ребята из ФБР. Что-то там какие-то аферы с дантовским «Адом», изданным с комментариями. Ну, взяли его, ребята!

В тот же вечер, немного попозже, я заглянул к одной своей старой знакомой, Глории. Она блондинка. Диплом защитила с отличием. Вся разница в том, что она-то факультет физкультуры закончила. Мне было хорошо!

Ранние Эссе

Ниже Приводятся Некоторые Из Ранних Эссе Вуди Аллена. Поздних Эссе Вы Не Найдете, Поскольку Автор Себя Исчерпал. Возможно, С Годами Аллен Станет Лучше Понимать Жизнь И Опишет Ее, После Чего Удалится В Свою Спальню И Больше Ее Не Покинет. Подобно Размышлениям Бэкона, Высказывания Аллена Кратки И Полны Житейской Мудрости, В Чем Можно Убедиться, Хотя Ограниченный Объем Не Позволил Включить В Подборку Главное Сочинение Автора: «Об Освященной Стороне Вещей».

О Наблюдении За Деревьями В Летнюю Порую

Среди всех чудес природы, возможно, самое удивительное – это деревья в летнюю пору (если только рядом не появился лось и, шлепая губами, не начал напевать «Ты свела меня с ума»). У деревьев зеленая густая листва (в противном случае с ними что-то не так). Взгляните, как их ветви тянутся, с позволения сказать, к небу. «Я маленькая ветка, но тоже хочу получать социальное пособие». А какое многообразие! Что это – ель или тополь? Или гигантское красное дерево? Боюсь, это горделивый вяз, и вы снова сели в лужу. Разумеется, вы бы в момент узнали любое дерево, если бы превратились в пернатого дятла, но тогда – плохо дело – вы бы не смогли завести свою машину.

Почему деревья гораздо привлекательнее журчащего ручья? И вообще, всего того, что журчит? Потому что их великолепие есть безмолвное свидетельство интеллекта, которого еще не знала земля, и уж тем более нынешняя президентская администрация. Как сказал поэт: «Создание дерева под силу только Богу». Еще бы: поди приделай к нему кору.

Один дровосек собрался срубить дерево, но заметил, что на нем вырезано сердце и два имени внутри. Он отложил свой топор и взялся за пилу. Не помню, в чем смысл истории, но через полгода дровосеку в качестве наказания велели научить карлика римским цифрам.

О Молодости И Старости

Не старость является самым верным признаком зрелости, а умение не растеряться, проснувшись на оживленной улице в центре города в одних трусах. Преклонные годы ничем не уступают юным, если вам не нужно платить за квартиру. Следует хорошенько запомнить, что каждый возраст имеет свои преимущества и только покойник не в состоянии нащупать выключатель. Между прочим, страх смерти связан прежде всего с тем, что за нею может не оказаться загробной жизни, – это должно особенно удручать тех, кто всю жизнь регулярно брился. Вместе с тем правы и те, кто опасается, что загробная жизнь все-таки существует, – ведь решительно никому не известно, стоит ли откладывать на нее деньги. Сама же смерть дается нам необычайно легко – легче, чем все остальное: достаточно только лечь на диван и закрыть глаза.

Подведем итог: так ли страшен возраст? Совсем нет, если вы чистили зубы два раза в день! И почему только нет силы, сдерживающей натиск лет? Как нет хорошего отеля в пригороде Индианаполиса. Ну да ладно...

В общем, лучше всего вести себя соответственно возрасту. Если вам шестнадцать и меньше, постарайтесь не лысеть. С другой

стороны, если вам за восемьдесят, то самое время плестись по улицам, шаркая, прижимая к себе бумажный пакет и бормоча: «Кайзер из меня все жилы вытянет». Помните: все относительно – по крайней мере, так должно быть. Если же нет, придется начинать путь сначала.

О Бережливости

Идя по жизни, следует постоянно откладывать на черный день и сдерживать себя, если вдруг захотелось персикового сока или безумно дорогую шляпу. Деньги – это еще не все, и все же лучше быть богатым, чем здоровым. Представьте себе, что вы входите в мясную лавку и начинаете расписывать свое здоровье: «Посмотрите, какой у меня загар, а еще я никогда не простужаюсь!» Не ждите, что мясник тут же примется рубить вам мясо (если, конечно, он не круглый идиот!). Быть богатым все-таки лучше, чем бедным, – хотя бы если исходить из чисто утилитарных соображений. Хотя, конечно, счастье не купишь. Взять, к примеру, стрекозу и муравья. Стрекоза развлекалась все лето, а муравей вкалывал как проклятый. Наступила зима, стрекоза осталась ни с чем, а муравей стал жаловаться на боли за грудиной. Да, насекомым не позавидуешь. И не думайте, что мышам живется

лучше. Одним словом, знать бы, где упасть... но только не в хорошем костюме.

Следует хорошенько запомнить одно: потратить два доллара всегда легче, чем сэкономить один. И упаси вас Бог довериться маклеру с французской фамилией – разоритесь как пить дать.

О Любви

Что лучше – любить или быть любимым? Ни то, ни другое, если холестерин у вас больше шестисот. Под любовью я разумею, естественно, романтическую любовь – любовь между мужчиной и женщиной, а не между матерью и ребенком, мальчиком и собакой или двумя метрдотелями.

Самое поразительное, что, когда ты влюблен, тебя тянет петь. Ни в коем случае нельзя допускать также, чтобы разгоряченный самец речитативом декламировал любовные песни. Любить и восхищаться – вещи совершенно разные, ибо восхищаться можно на расстоянии, а любить – только находясь с предметом любви в одной комнате, а еще лучше – в одном платяном шкафу.

Хороший любовник должен быть сильным и вместе с тем нежным. Насколько сильным? Скажем, надо уметь поднимать фунтов пятьдесят. Следует также помнить, что для того, кто любит, нет ничего прекраснее объекта любви, —

и пусть посторонние говорят, что она неотличима от мускусной крысы. Красоту каждый воспринимает по-своему. И если у вас плохое зрение, обратитесь к ближайшему соседу, пусть скажет, какая девушка симпатичнее. (Характерно, что самые симпатичные оказываются и самыми большими занудами, вот почему некоторые считают, что Бога нет.)

«Счастье любви длится лишь миг, — пел трубадур, — мука любви длится вечно». Из этой песни мог бы получиться хит, если бы она не пелась на мотив «Янки Дудль Денди»^[27].

О Прогулке По Лесу И Собираии Фиалок

Ни то, ни другое занятие удовольствия вам не доставит, так что займитесь чем-нибудь еще. Навестите заболевшего товарища, а если это невозможно, пойдите в театр или сядьте в теплую ванну с интересной книжкой. Всяко лучше, чем блуждать по роще и с дурацкой улыбкой собирать в корзинку цветы. Охота вам прыгать за ними туда-сюда? И потом, что вы будете делать с этими фиалками? «Поставлю в вазу», — скажете вы. Ну и глупо. Ведь сейчас можно заказать цветы на дом. Пусть разносчик сам бегаёт по лесу — ему за это платят. Если в это время случится гроза или нападёт пчелиный рой, то пусть на гору Синай возносится он, а не вы.

Кстати, не думайте, что я равнодушен к природе, я пришел к выводу, что в пенорезиновом городе больше сорока восьми часов не продержаться. Но это уже другая история.

Ирландский Гений

Издательство «Викинг и сыновья» недавно анонсировало сборник «Избранные стихотворения и поэмы Шона О'Шона». Шон О'Шон — великий ирландский поэт, который, по мнению наиболее авторитетных специалистов, может по праву считаться самым трудночитаемым, а стало быть, и самым талантливым поэтом своего времени. Изобилующая ассоциациями и аллюзиями сугубо личного характера, поэзия Шона О'Шона нуждается в тщательном комментировании и знании интимнейших подробностей личной жизни поэта (до неприличия скудной, если верить биографам), в противном случае читатель окажется не в состоянии постичь ее глубочайший смысл.

Приводим одно из стихотворений этой прекрасной книги.

За Ихором

Так поплывем же. Поплывем,
И пусть нос Фогарти ведет в Александрию;
Тем временем два брата Бимиш,
Хихикая, несутся к башне,
Любуясь деснами своими.
Подумать только, сколько лет прошло с тех пор,
Как Агамемнон дал совет троянцам:
«Ворота вы не отпирайте, на кой черт
Вам сдался деревянный конь таких размеров».
Какая связь? А связь такая, что
Шонесси с предсмертным хрипом
Отвел соленый огурец и рюмку,
Которую любовно
Сиделка поднесла перед бульоном.
Отважный Биксби, несмотря

На сходство с дятлом,
 Упрямо рылся в том белье нечистом,
 Что от Сократа через много лет
 Дошло до нас.
 Великий Парнелл знал ответ,
 Но кто же его спросит!
 Пожалуй, только старый Лаффертти,
 Чьи шутки грязные нас научили
 Прибежище в уроках карате
 Отыскивать.
 Воистину Гомер был слеп,
 И это объясняет в какой-то мере,
 Из-за чего он женщин избегал.
 Но Энгус и друиды подтвердят,
 Что человек во все века стремился
 Изменить удел свой жалкий.
 И Блейк мечтал об этом, и
 О'Хиггинс, который ухитрился
 Свой собственный костюм украсть из шкафа.
 Цивилизация устроена нелепо —
 Кругами ходит по своим следам;
 История, как пик О'Лири,
 Нас манит к небесам, ввергая
 В пучину смерти.
 Утешимся же, братья:
 Дух наших матерей витает в небесах
 И к нам взывает.

Построчный Комментарий

Так поплывем же... — О'Шон любил плавать, хотя никогда в жизни не видел моря. Еще мальчишкой он мечтал стать моряком, но потом, узнав про акул, одумался. Его старший брат Джеймс, однако, служил во флоте Ее Величества, но был с позором уволен за продажу морской капусты старшему боцману.

нос Фогарти, — Несомненно, речь идет о Джордже Фогарти, который в свое время уговорил О'Шона стать поэтом, заверив, что на вечеринки его будут приглашать в любом случае. Фогарти выпускал журнал, в котором сотрудничали начинающие поэты, и хотя на этот журнал подписалась только мать Фогарти, его значение трудно переоценить как для ирландской, так и для мировой поэзии.

Типичный рыжеволосый ирландец и весельчак, Фогарти считал, что для приятного времяпрепровождения достаточно улечься в общественном парке и прикинуться пинцетом. В результате с ним случился нервный припадок и его арестовали за то, что он в Страстную пятницу сжевал пару подштанников.

Нос Фогарти был предметом постоянных насмешек, потому что невооруженным глазом его невозможно было рассмотреть. Как-то на поминках Джима Келли Фогарти сказал О'Шону: «Все отдам за нормальный шнобель, иначе я за себя не отвечаю. Нет никаких сил терпеть!» Фогарти был, между прочим, знаком с Бернардом Шоу, и тот разрешил ему дернуть себя за бороду при условии, что Фогарти впредь избавит его от своего общества.

Александрия. — Ближний Восток фигурирует во многих произведениях О'Шона, начиная со стихотворения «В Вифлееме на керогазе», где в остросатирических тонах изображается быт одной ближневосточной гостиницы: повествование ведется от лица египетской мумии.

два брата Бимиш — два полоумка, которые пытались попасть из Белфаста в Глазго, посылая друг друга по почте. Лайам Бимиш

учился вместе с О'Шоном в одном иезуитском колледже, но его с позором выгнали за желание держать нос по ветру. Более замкнутый Квинси Бимиш до сорока одного года ходил с абажуром на голове. Братья Бимиш имели обыкновение являться к О'Шону и съедать его ужин, оставляя поэта голодным. О'Шон тем не менее вспоминал о них с нежностью и в своем лучшем сонете «Моя-любовь, как вол, сильна» вывел братьев в образе двуспального кресла-кровати.

башня. — После того как О'Шон покинул родительский кров, он одно время жил в башне на юге Дублина. Башня была не самой высокой: около шести футов, то есть на два сантиметра короче, чем сам О'Шон. Вместе с ним в башне жил Гарри О'Коннелл, молодой человек с выдающимися литературными задатками; его пьесу в стихах «Мускусный бык» принято было играть под общим наркозом. О'Коннелл оказал существенное влияние на формирование О'Шона-поэта, уговорив его заменить истасканную рифму «кровь – любовь» на новаторскую: «любовь – кровь».

любуюсь деснами своими. — У братьев Бимиш были незаурядные десны. Лайам Бимиш ежедневно в течение шестнадцати лет вынимал вставную челюсть и деснами с хрустом разгрызал арахис, пока ему не сказали, что такой профессии не существует.

Агамемнон. — О'Шон был помешан на Троянской войне. Он не понимал, как можно было принять деревянного коня от противника. Тем более что из брюха коня раздавался громкий смех. Очевидно, этот эпизод произвел на поэта очень сильное впечатление, потому что всю оставшуюся жизнь он самым тщательным образом осматривал подарки, которые преподносили ему его близкие и друзья; как-то на день рождения ему подарили туфли, и О'Шон тут же полез в них с фонариком, то и дело выкрикивая: «Есть здесь кто-нибудь? Эй! Отзовитесь!»

Шонесси — Майкл Шонесси, писатель и мистик; оккультист, который уверял О'Шона, что тем, кто собирает макулатуру, обеспечена загробная жизнь. Шонесси верил также, что луна способна управлять душевными порывами и что если пойти в парикмахерскую во время лунного затмения, то преждевременной импотенции не избежать. О'Шон был очень привязан к Шонесси и всю жизнь прилежно занимался оккультизмом, однако осуществить свою давнюю мечту – проникнуть в помещение через замочную скважину – ему так и не удалось.

Образ луны занимает важное место в поздней поэзии О'Шона: поэт признался как-то Джеймсу Джойсу, что больше всего

на свете он любит при свете луны запустить руку по локоть в свежее испеченный кремовый торт.

Ссылка на то, что Шонесси отказался от выпивки, относится, видимо, к тому времени, когда друзья вместе обедали в Иннесфри и Шонесси плюнул горохом из трубочки в толстую даму, которая не согласилась с его трактовкой бальзамирования трупов.

Биксби — полное имя: Имон Биксби, политический деятель, пылкий фанатик, который утверждал, что только чревоустройство способно установить мир на земле. Биксби был последователем Сократа, хотя и расходился со своим кумиром в определении философской категории добра. «Добро», по Биксби, достижимо лишь при условии, что все люди будут весить одинаково.

Великий Парнелл знал ответ... — Ответ, который имеет в виду О'Шон, – «олово», вопрос же – «Что экспортирует Боливия?» Понятно, что никто Парнеллу этого вопроса не задавал, хотя однажды его попросили назвать самое крупное пушное четвероногое наших дней, и когда Парнелл ответил «цыпленок», его подвергли резкой критике.

Лафферти – ортопед, лечивший Джона Миллингтона Синга. У Лафферти, личности во всех отношениях незаурядной, был бурный

роман с Молли Блум, которую он бросил лишь тогда, когда сообразил, что она – литературный персонаж. Лафферти прослыл большим шутником за то, что однажды обвалял пятки Синга в сухарях и поджарил их на сливочном маргарине. С тех пор Синг ходил подпрыгивая, и молодые драматурги, дабы перенять у него эту походку –

свидетельство незаурядного драматургического видения, – повально увлеклись карате (отсюда: «...чьи шутки грязные нас научили прибежище в уроках карате отыскивать»).

Гомер был слеп ... – О'Шон имеет в виду Т. С. Элиота, современного Гомера, которого он считал поэтом весьма среднего дарования, но человеком большой души. Впервые О'Шон встретился с Элиотом в Лондоне на репетиции «Убийства в соборе» (в первоначальном варианте – «Ножки ценой в миллион»). О'Шон уговорил Элиота сбрить баки и отказаться от безумного плана отправиться инкогнито в Испанию и стать танцором. Поэты сочинили литературный манифест «Новой Поэзии», обязуясь впредь уделять меньше внимания такой поэтической теме, как разведение кроликов.

Энгус и друиды. —Кельтская мифология нашла свое отражение в поистине многогранном творчестве О'Шона; его стихотворение, которое начинается словами: «Клот на барэ, на барэ, на барэ...», рассказывает о том, как

древнеирландские боги совместными усилиями превратили двух влюбленных в Британскую энциклопедию.

изменить удел свой жалкий —Возможно, относится к мечте О'Шона «изменить людей», которых он в целом считал бесчеловечными, особенно жокеев. О'Шон был убежденным пессимистом и полагал, что человечество не ждет ничего хорошего, пока оно не согласится снизить температуру тела, ибо 36, 6 – температура слишком высокая.

Блейк . – О'Шон был мистиком; он, как и Блейк, верил в потусторонние силы. О'Шон убедился в их существовании после того, как его брата Бена ударило молнией в тот самый момент, когда он высунул язык, чтобы заклеить конверт. Молнии не удалось убить Бена, но бедняга семнадцать лет прожил с высунутым языком, чем лишний раз доказал, как справедлива судьба.

О'Хиггинс . – Патрик О'Хиггинс познакомил О'Шона с Полли Флаэрти, которая вышла за него замуж после десяти лет тайных встреч, во время которых влюбленные только и делали, что тяжело дышали друг на друга. Полли была слишком ограниченным существом, чтобы представить себе истинные масштабы дарования мужа: она уверяла подруг, что если О'Шона и будут помнить, то лишь за восторженные вопли, которые он неизменно издавал, прежде чем съесть яблоко.

пик О'Лири. – О'Шон сделал предложение Полли на вершине горы О'Лири как раз перед тем, как его избранница свалилась в пропасть. О'Шон навещал невесту в больнице и завоевал ее сердце одой «О разложении всякой плоти».

...дух наших матерей... и к нам взывает. – Будучи при смерти, мать О'Шона Бриджет слезно умоляла сына бросить писать стихи и стать коммивояжером по продаже пылесосов. О'Шон не смог ей этого обещать и всю жизнь страдал от чувства вины, хотя на международной поэтической конференции в Женеве сумел таки всучить У. Х. Одну и Уоллесу Стивенсу по пылесосу.

Мифические Животные В Мировой Литературе

Несколько Примеров Из Моего Четырехтомного Собрания Наиболее Удивительных Созданий Мировой Литературы, Которое Будет Опубликовано Издательством «Неликвидер И Сыновья» На Доходы От Забастовки Норвежских Пастухов

Черноголовый Пострел (*)^[28]

Черноголовый пострел – небольшая птица, обладающая даром речи. Обращается к себе в третьем лице, скажем: «Ну чем он не пострел?» В персидской мифологии появление черноголового пострела утром на подоконнике означает, что близкий родственник скоро разбогатеет или же переломает себе ноги, наткнувшись на помойное ведро.

По преданию, Заратустре вместо обещанных серых шкурок подарили на день рождения черноголового пострела.

В вавилонской мифологии также встречается черноголовый пострел, однако здесь он выглядит более язвительным и желчным. «Какая чушь, право!» – то и дело замечает вавилонский пострел.

Некоторым читателям, возможно, знакома малоизвестная опера Гольштейна «Taffelspitz»^[29], где немая девушка влюбляется в черноголового пострела, целует его, и они, взявшись за руки, носятся по сцене, пока не падает занавес.

Летающий Сциник(*)

Летающий сциник – небольшая ящерица с четырьмя глазами; из них двести – для дали и еще двести – для чтения. Старая легенда гласит: если человек встретится взглядом с летающим сциником, у него на следующий же день отберут водительские права.

Значение словосочетания «рыть могилу сцинику» неизвестно даже самим сциникам, у которых не принято хоронить родных и близких.

В скандинавской мифологии Локи пытается отыскать кладбище сциников, но встречает на своем пути рейнских русалок, которые награждают его трихинозом.

* * *

Как-то раз император Хо Син созерцал во сне дворец, который был больше его собственного, но плата за аренду была вполовину меньше.

Поднявшись на крыльцо и войдя в здание, Хо Син неожиданно обнаружил, что тело его вновь стало молодым, в то время как голова застряла где-то между шестьюдесятью пятью и семьюдесятью годами. Открыв дверь, он увидел за ней другую, ведущую к следующей, и через некоторое время понял, что прошел сто дверей и вышел на задний двор.

Хо Син уже готов был впасть в отчаяние, но тут ему на плечо сел соловей, завел прекраснейшую в мире песню, а закончив, долбанул императора в нос.

Умиротворенный Хо Син глянул в зеркало, но вместо своего отражения увидел там человека по имени Мендель Голдблат, водопроводчика из компании Вассермана, который заявил, что император присвоил его пальто.

Вот так Хо Син раскрыл великую тайну жизни, гласившую «Никогда не пой йодлем»^[30].

Проснувшись в холодном поту, император так и не смог понять, сон ему снился или он до сих пор пребывает в сне, который снится его вольноотпущеннику.

Сирен

Сирен – морское чудище с телом краба и головой дипломированного бухгалтера.

Согласно легенде, сирен обладает чарующим голосом, который сводит с ума моряков, особенно когда он распевает песни Кола Портера. Убить сирена – дурная примета; в поэме сэра Герберта Фигга рассказывается, как моряк подстрелил одного из них, и корабль тут же попал в жесточайший шторм, так что команде пришлось схватить капитана и бросить за борт его вставную челюсть, чтобы остаться на плаву.

Клыкодав(*)

Клыкодав – мифический зверь с головой льва и телом льва, но другого. Клыкодав

может проспать тысячу лет кряду, а затем проснуться, объятый пламенем, особенно если он заснул с сигаретой в зубах.

Считается, что Одиссей пробудил клыкодава от шестисотлетнего сна, но тот явно встал с левой ноги и принялся упрашивать Одиссея дать ему вздремнуть еще хотя бы пару сотен лет.

Появление клыкодава – плохой знак: он предвещает землетрясение либо приглашение на день рождения.

* * *

Один индийский мудрец поспорил с чародеем, что тот не сумеет его одурачить, после чего чародей стукнул мудреца по голове и обратил его в голубя. Голубь вылетел в окно и полетел на Мадагаскар, толкая перед собой багаж.

Наблюдавшая за этим жена мудреца поинтересовалась, может ли чародей превращать мусор в золото, и попросила в случае положительного ответа превратить ее брата в три доллара наличными, чтобы день не пропал даром.

Чародей ответил, что научиться подобному трюку можно, лишь объездив все четыре стороны света, но в одной из них надо побывать в мертвый сезон, а в три другие билеты следует заказывать заранее.

Женщина секунду подумала и решила совершить паломничество в Мекку, позабыв при этом выключить плиту. Через семнадцать лет она вернулась и, поболтав с далай-ламой, тут же разбогатела.

(Вышеизложенное является пересказом одного из индуистских мифов, объясняющих, откуда у нас пшеница. – Автор.)

Зеброкрыс

Огромная белая мышь, у которой на животе выведены слова: «Разве мне грустно?»

Зеброкрыс отличается от других грызунов одной уникальной особенностью: ее можно подобрать и играть на ней, как на аккордеоне. В этом с ней немного сходна лунетта – крохотная белка, умеющая свистеть и лично знакомая с мэром Детройта.

* * *

Астрономы толкуют о населенной планете под названием Квельм, которая находится так далеко от Земли, что человек, путешествующий со скоростью света, потратит шесть миллионов лет на поездку, хотя жители Квельма планируют в ближайшее время пустить экспресс, который сократит время полета до двух часов.

Средняя температура на Квельме составляет тринадцать градусов ниже нуля, и потому купаться там запрещено, а курорты либо закрыты, либо предлагают гостям развлекаться самостоятельно.

Вследствие удаленности от центра Солнечной системы силы тяжести на Квельме нет вообще, и большие застолья приходится тщательно планировать.

Вдобавок ко всем этим неудобствам на Квельме нет кислорода, который, как нам известно, является основой жизни, и те создания, которые там все-таки живут, зарабатывают на жизнь не иначе как вкалывая на двух работах одновременно.

Однако легенда гласит, что миллиарды лет назад среда обитания была куда более благоприятной – или, по крайней мере, не хуже, чем в Питтсбурге, – и там даже жили люди. Эти люди – во всем походившие на нас, только вместо носа у них был здоровенный кочан латука – все поголовно были философами. Они целиком полагались на логику и четко знали, что существованию жизни должны быть причины, а потому упорно искали темноволосого татуированного человека в бушлате морского флота.

Человек этот так и не материализовался, и жители Квельма, бросив философию, занялись торговлей по почте, но тарифы резко возросли, и все население погибло.

Если Бы Импрессионисты Были Дантистами

Фантазия, Исследующая Эволюцию Характера

Дорогой Тео!

Неужели жизнь никогда не обернется ко мне своей лучшей стороной? Я в полном отчаянии! Голова моя разрывается! Мадам Сол Швиммер возбуждает против меня судебный иск за то, что я сделал ей зубной протез так, как чувствовал, а не так, чтобы он подходил к ее ротовой полости. Да, это верно! Не могу же я работать как заурядный ремесленник. Я вижу так: ее мост должен быть неровным, со своевольно вставленными зубами, напоминающими языки пламени! Она огорчается, что сделанная мною челюсть не помещается у нее во рту! Ах, какое негодование вызывает во мне этот тупой буржуазный взгляд на вещи! Просто убить ее хочется! Я пытался поставить удерживающую пластину, но она выпирает, как звезда из люстры. И все-таки я считаю свою работу прекрасной. Она, видите ли, жевать не может! Да какое мне дело до того, может она жевать или нет! Тео, силы

мои на исходе! Мне не хватает на аренду помещения для кабинета и пришлось просить Сезанна войти со мной в долю, хотя он ужасно старый и дряхлый и не способен удержать инструменты в руках, так что надо их подвязывать, но руки у него так и ходят ходуном, и когда ему удастся попасть инструментом пациенту в рот, он вышибает больше зубов, чем вылечивает. Что мне делать?

Винсент

Дорогой Тео!

На этой неделе мне удалось сделать весьма, на мой взгляд, удачные рентгеновские снимки. А Дега увидел их и разнес на все корки. Сказал, что композиция ни к черту не годится. Все кариозные полости оказались в нижнем левом углу. Я пытался объяснить, что именно так выглядит в реальности рот мадам Слоткин, но он даже не захотел меня выслушать! Сказал, что терпеть не может оправы, а красное дерево само по себе тяжеловесно. После его ухода я порвал снимки на мелкие кусочки! Но и это меня не успокоило, и я принялся пломбировать канал у мадам Вильмы Зардис, но, почувствовав тяжесть на сердце, бросил на полдороге. Меня как ударило: пломбирование зубного канала – совсем не то, что мне теперь нужно! Кровь бросилась мне в лицо, голова закружилась. Я выбежал на улицу – мне требовался глоток свежего воздуха! С затуманенной головой много дней бродил я без всякой цели, пока не очнулся на морском берегу. Придя в себя, я вернулся в кабинет. Моя пациентка все еще сидела в кресле с открытым ртом. Я завершил работу, но не смог поставить под ней свою подпись.

Винсент

Дорогой Тео!

Я опять стеснен в средствах. Знаю, я для тебя обуза, но к кому еще мне обратиться? Нужны деньги на материалы. Сейчас я работаю только с зубной нитью, импровизирую напропалую и получаю потрясающие результаты. Боже! Мне не на что купить даже новокаин. Сегодня надо было рвать зуб и пришлось усыплять пациента, читая ему Драйзера. Помогите.

Винсент

Дорогой Тео!

Мы договорились арендовать помещение на паях с Гогеном. Он прекрасный дантист, специализирующийся на зубных протезах, и, кажется, хорошо ко мне относится. Он высоко оценил мою работу над зубами мистера Джея Грингласса. Помнишь, я запломбировал ему семь нижних зубов, а потом взял и все удалил. Грингласс воспринял

это очень враждебно, и меня вызвали в суд. Речь шла о наследовании удаленных зубов, и по совету моего адвоката я настаивал на наследовании зубов целиком, но мне присудили только пломбы. Потом кто-то увидел одну из них у меня на полу, и теперь ее хотят поместить на выставке! Уже зашла речь о ретроспективе!

Винсент

Дорогой Тео!

Я, видимо, совершил роковую ошибку, связавшись с Гогеном. Он человек крайне неуравновешенный. Он ужасно много пьет. Когда я его упрекнул, он сорвал со стены мой докторский диплом. Однажды в мирную минуту я уговорил его поработать на свежем воздухе, в лугах, среди зелени, под золотыми лучами солнца. Он надевал коронки мадемуазель Анджеле Тоннато, а я ставил временную пломбу мсье Луи Кауфману. Как хорошо было нам обоим творить на пленэре! Эти ряды ослепительно белых зубов, сверкающих на солнце! Внезапный порыв ветра сорвал парик с головы Кауфмана и унес в кусты. Он кинулся за ним и опрокинул наземь рабочий столик Гогена. Гоген напустился на меня и хотел ударить, но вместо этого сбил с ног Кауфмана, который упал задом на включенный бор. Кауфман подскочил и быстрее ветра промчался мимо меня, увлекая за собой мадмуазель Тоннато. Дело кончилось тем, что страховая компания «Рифкин, Рифкин, Рифкин и Мельтцер» наложила арест на мой банковский счет. Вышли сколько можешь.

Винсент

Дорогой Тео!

Тулуз-Лотрек – несчастнейший из смертных. Более, чем кто-либо еще, он мечтает стать великим дантистом и обладает подлинным талантом, но из-за малого роста не может дотянуться до ртов своих пациентов, а встать на табурет ему не позволяет гордость. Он вслепую ощупывает их лица, пытаюсь обнаружить зубы, и вчера поставил коронки на подбородок мадам Фительсон. Кстати, старина Моне работает теперь только с очень крупными ртами, а Сера, человек угрюмый и немногословный, без всяких объяснений объявил о том, что будет лечить не больше одного зуба за визит, и так до тех пор, пока не обновит всю полость. В этом чувствуется основательность архитектора, но должен ли так поступать дантист?

Винсент

Дорогой Тео!

Я влюблен. На прошлой неделе ко мне на профосмотр пришла Клер Мемлинг. (Я послал ей открытку, извещая, что со времени ее последнего посещения прошло полгода, хотя на самом деле прошло всего четыре дня.) Тео, она сводит меня с ума! Я просто сгораю от желания! Ее прикус! Никогда не видел такого прикуса! Ее челюсти безупречно соответствуют одна другой. Не то что у мадам Иткин, у которой нижняя челюсть выдается на целый дюйм – сущая волчица! Нет! У Клер зубы прямые и ровные.

Не зубы, а дар Божий! Правда, она не абсолютное совершенство. Но недостатков в ней ровно столько, сколько нужно, чтобы подчеркнуть ее прелесть. Например, у нее есть щербинка между нижним девятым и одиннадцатым. Десятый она потеряла в отрочестве. Вдруг ни с того ни с сего возникло дупло. Зуб без труда удалили (точнее, он сам вывалился, когда она с кем-то заболталась), а искусственный не поставили. «Разве можно заменить нижний десятый! – сказала она мне. – Это был не зуб, это была судьба». С годами разговоры об утраченном зубе утихли, и, насколько я понимаю, теперь я единственный, с кем она может доверительно побеседовать на эту тему. Ах, Тео, я люблю ее. Глядя сегодня ей в рот, я чувствовал себя робким студентом, роняющим тампоны и зеркала. Потом я обнял ее, показывая, как нужно правильно чистить зубы. До этого моя милая дурочка неподвижно фиксировала щетку во рту и мотала головой из стороны в сторону. В следующий четверг я дам ей подышать веселящим газом и сделаю предложение.

Винсент

Дорогой Тео!

У нас с Гогеном опять произошла стычка, и он отбыл на Таити! Он удалял зуб, и в

этот момент я его побеспокоил. Он уперся коленом в грудь Ната Фельдмана, ухватив щипцами его верхний правый моляр. Вполне обычное дело, но тут я как раз имел несчастье войти, чтобы спросить, не попадалась ли ему на глаза моя фетровая шляпа. Щипцы соскользнули, Фельдман воспользовался случаем, сполз с кресла и выскочил из кабинета. Гоген впал в яростное иступление! Он прижал мою голову к рентгеновскому аппарату и держал целых десять минут, так что потом я несколько часов не мог одновременно моргнуть обоими глазами. Теперь я одинок.

Винсент

Дорогой Тео!

– Все потеряно! Сегодня я решил сделать предложение Клер и оттого сильно волновался. Она прелестно выглядела в своем платье из органди, в шляпе с перьями и с обнаженными деснами. Когда она сидела в кресле с дренажной трубкой во рту, сердце у меня готово было выскочить из груди. Я попытался создать романтическую атмосферу. Притушил свет и заговорил на легкие, приятные темы. Мы оба были под газом. Дождавшись подходящего момента, я посмотрел ей прямо в глаза и сказал: «Полощите!» И она... рассмеялась мне в лицо! Да, Тео! Она смеялась надо мной, а потом со злостью сказала: «Неужели вы думаете, что я стану полоскать рот ради такого, как вы? Даже в шутку не буду я этого делать!» – «Ах, – сказал я, – вы не поняли...» – «Нет, я слишком хорошо все поняла! И знайте, что никогда не буду я полоскать рот ни в чьем присутствии, кроме дипломированного ортодонта! Как вам только в голову взбрело! Прочь!» И с этими словами она в рыданьях выбежала из кабинета. Тео! Я хочу умереть! Я смотрю на свое отражение в зеркале, и мне хочется расквасить эту физиономию! Расквасить! Надеюсь, ты здоров.

Винсент

Дорогой Тео!

Да, это правда. Ухо в витрине лавки братьев Флейшман – мое. Наверное, я совершил глупость, но мне очень хотелось сделать подарок Клер в день рождения, а все магазины были закрыты по случаю воскресенья. Вот так. Подчас мне кажется, что надо было послушать отца и стать художником. Конечно, эта профессия не столь увлекательна, как лечение зубов, но она, по крайней мере, гарантирует размеренный образ жизни.

Винсент

Каддиш О Недостойном Вайнштейне

Вайнштейн лежал под покрывалом, в глубоком оцепенении уставясь глазами в потолок. За окнами ветер гнал по тротуару мягкие волны сырого воздуха. Шум машин таял в тумане, и в довершение ко всему тлела кровать. Посмотрите на меня, думал Вайнштейн. Пятьдесят лет. Полвека. На следующий год будет 51. Потом 52. Эдак размышляя, он довел возраст до 55. Как мал оставшийся мне срок, думал он, как много надо свершить. Вот, к примеру, давняя мечта научиться водить машину. Эдельман, приятель, с которым они, бывало, мальчишками играли во дворе, выучился этому еще студентом в Сорбонне. Он замечательно управлялся с машиной и самостоятельно объехал множество мест. А Вайнштейн несколько раз пытался порулить отцовским «чеви», но так и не сдвинулся с тротуара.

А какие надежды подавал он ребенком! Вундеркинд, да и только. Например, когда какие-то вандалы, ворвавшись в библиотеку, перевели на французский язык поэмы Т. С. Элиота, Вайнштейн в свои 12 лет взял и перевел их обратно на английский. Мало того, что его IQ и так изолировал его от общества, он еще терпел несправедливые преследования за веру, и более всего от собственных родителей. Вот же, сами правоверные евреи, а не могли смириться с тем, что их сын еврей. «Как так случилось?» – в изумлении вопрошал отец. «А ведь семитская у меня внешность», – каждое утро думал Вайнштейн, глядя на себя в зеркало во время бритья. А его таки несколько раз принимали за Роберта Рэдфорда^[31], правда, каждый раз оказывалось,

что это были слепцы. А вот еще один школьный приятель, Фейнгласс. Профсоюзная крыса, пробрался в ряды рабочих, чтобы шпионить. Потом обратился в марксизм. Стал коммунистическим агитатором. Разочаровавшись в партийном движении, отправился в Голливуд, озвучивает знаменитую мультипликационную мышь. Ирония судьбы.

Вайнштейн тоже поиграл в коммуниста. Чтобы произвести впечатление на одну продавщицу из универмага «Рутджерс», он отправился в Москву и вступил в Красную Армию. А когда пригласил ее на второе свидание, оказалось, его подружку уже подцепил кто-то другой. Вдобавок звание сержанта русской пехоты помешало ему получить сертификат о лояльности, дававший право на бесплатную закуску в дополнение к обеду в столовке на Лонгчэмпс. Оно же спровоцировало его на организацию забастовки белых мышей против условий труда в опытной лаборатории. Строго говоря, его привлекала не столько политика, сколько поэзия марксистской теории. Он верил в коллективизацию и победу масс, овладевших одой «К половой тряпке». А лозунг об «отмирании государства» вошел в его плоть и кровь после того, как в универмаге «Сакс» на Пятой авеню у его родного дяди отвалился нос. Размышляя об истинном смысле социальной революции, Вайнштейн пришел к непреложному выводу, что ее не пойдешь совершать, поев мексиканской еды.

Другой дядя Вайнштейна, Мейер, пострадал во время Великой депрессии. Он держал все свое состояние под матрацем, а когда произошла буря на фондовой бирже, правительство, как известно, перетряхнуло все матрацы, и Мейер в одну ночь стал нищим. Ему оставалось только выпрыгнуть из окна, но поскольку у него не хватило духу пойти до конца, он просидел на подоконнике своего многоквартирного дома с 1930-го по 1937 год.

«Ох уж эта молодежь с ее травкой и сексом, – говаривал дядя Мейер. – Знают ли они, что такое семь лет сидеть на подоконнике? Вот там видишь, что такое жизнь. Конечно, люди смотрятся как муравьи. Но представь себе, каждый год моя Тесси – мир ее праху – устраивала пасхальный седер^[32] прямо на карнизе. И вся семья собиралась вместе. Ой, племянник! Что будет с миром, когда у них есть бомба, которая может убить больше народу, чем взгляд на дочку Макса Рифкина?»

Все так называемые друзья Вайнштейна прошли слушания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Блотника привела туда за руку собственная мама. Шарп-штейн пришел сам, признался, что финансировал Гражданскую войну в России, и добавил, что подарил лично Сталину столовый сервиз. Он наотрез отказался назвать имена товарищей, с которыми встречался на митингах единомышленников, но обязался – если таково будет требование Комиссии – сообщить рост каждого из них. Это сохранило ему возможность каждое воскресенье покупать пиво в Филадельфии.

Вайнштейн кончил бриться и встал под душ. Он намыливался, и вода шлепала его по толстой спине. Он думал: вот я в некоей точке пространства и времени принимаю душ. Я, Айзек Вайнштейн. Одно из созданий Божьих. Вылезая из ванны, он поскользнулся на обмылке и упал, ударившись о вешалку для полотенец. Ах, какая неудачная неделя! Как раз накануне он побывал в парикмахерской и еще не оправился от волнений, связанных с этим событием. Парикмахер сразу решительно взялся за дело, и вскоре Вайнштейн понял, что он зашел слишком далеко.

– Назад, – закричал он, – назад!

– Как это – назад, – возразил парикмахер. – Волосы же обратно не вставишь.

– Ну, тогда отдай их мне, Доминик, я возьму их с собой.

– Раз они лежат на полу моего заведения, они моя собственность, мистер Вайнштейн, – ответил парикмахер.

– Плевать! Отдай мои волосы!

Вайнштейн рвал и метал, но все было бесполезно. Расстроенный, он вышел на улицу. Гоим, думал он. Так или иначе, а достанут они тебя.

Кончив туалет, Вайнштейн вышел из отеля и двинулся по Восьмой авеню. На углу двое мужчин обрабатывали пожилую даму, выклянчивая пожертвования. Господи,

подумал Вайнштейн, было время, когда с этой работой справлялись в одиночку. Что за город. Кругом хаос. Прав был старик Кант: только разум вносит порядок в бытие. Он также подсказывает, сколько следует дать чаевых. Как все-таки хорошо быть человеком разумным! Вот бы все в Нью-Джерси были такими. ...

Он шел к Харриет поговорить насчет алиментов. Он по-прежнему любил Харриет, несмотря на то что, пока они состояли в браке, она наставляла ему рога со всеми абонентами телефонной сети Манхэттена на букву Р. Он простил ее. Но что, скажите, он должен был подумать, когда Харриет вместе с его лучшим другом сняла домик в штате Мэн и, не сказав ему ни слова, исчезла на целых три года? Будто ему интересно, что там у них было. Его, Вайнштейна, сексуальные отношения с женой закончились давным-давно. Один раз он переспал с ней, когда они познакомились, второй – в первую ночь медового месяца и еще один, чтобы проверить, все ли у него в порядке с позвоночником после вывиха диска. «До чего же с тобой паршиво, – жаловался он бывало. – Уж такая ты стыдливая да целомудренная. Приходится сублимироваться, воображая, что сажаю дерево в Израиле. Ты напоминаешь мне мою мать». (Молли Вайнштейн, мир праху ее, которая глаз с него не спускала и готовила лучшую в Чикаго фаршированную рыбу, пока не открылось, что она добавляла в нее гашиш.)

Для любовных утех Вайнштейну нужна была совсем другая женщина. Вроде Лу-Энн, большой в этом деле искусницы. Беда только, что она не могла сосчитать до двадцати, вернее могла, но ей приходилось очень для этого напрягаться и обязательно снимать туфли. Однажды он попробовал всучить ей книжку по экзистенциализму, и она разжевала ее и проглотила. Вообще с сексом у Вайнштейна всегда были трудности. Прежде всего из-за роста. Его рост в носках был 5 футов 4 дюйма (правда, однажды, когда он надел чьи-то чужие носки, ему удалось намерять 5 футов и целых 6 дюймов). Доктор Каррлик, его психоаналитик, утверждал, что бежать впереди идущего поезда хотя и опаснее мысленного самоуничтожения, но в конечном итоге и то и другое одинаково дурно влияет на состояние брюшной складки. Каррлик был его третьим психоаналитиком. Первый был юнгианец, который склонял его к спиритизму. А еще раньше он посещал одну группу, и когда там пришла его очередь рассказывать о своих проблемах, он почувствовал сильное головокружение и смог только перечислить названия планет. Но его проблемой были женщины, и он это знал. Он оказывался бессильным с женщинами, закончившими колледж с оценками выше средней. Зато чувствовал себя орлом с выпускницами курсов машинописи; правда, если они печатали со скоростью больше шестидесяти слов в минуту, он тоже терялся.

Вайнштейн позвонил в дверь Харриет, и она неожиданно выросла перед ним на пороге. «Так нос задрала, что жирафа впору раскрашивать – без лестницы», – привычно подумал Вайнштейн. Это была их домашняя шутка, смысл которой оставался для обоих неясным.

– Привет, Ханна, – сказал он.

– Ох, Айк, – ответила она. – Какой же ты самонадеянный.

Она была права. С его стороны было бестактным начинать с этого. Он ненавидел себя за невоспитанность.

– Как дети, Ханна?

– У меня никогда не было никаких детей, Айк.

– Значит, мне не напрасно казалось, что четыреста долларов в неделю на содержание детей – это многовато.

Она прикусила губу. Он прикусил свою. Потом прикусил ее.

– Ханна, – сказал он, – я... Я разорен. Бизнес с куриными яйцами лопнул.

– По тебе сразу видать. А может, попросишь в долг у своей шиксы? ^{33]}

– Все у тебя шиксы.

– Может быть, кончим на этом? – Она задыхалась от ненависти. Вайнштейну захотелось ее поцеловать, а если не ее, то все равно кого.

– Харриет, в чем мы ошиблись?

– Мы никогда не смотрели в лицо реальности.

– Не по моей вине. Ты говорила, надо ложиться головой на север.

– Реальность – это и есть север, Айк.

– Нет, Ханна. Пустые мечты – вот что такое север. Реальность – это запад. Ложные упования – восток, а на юге, я думаю, Луизиана.

Нет, она все еще не утратила власть над ним. Он потянулся к ней, но она увернулась, и его руки ткнулись в сметану.

– Поэтому ты и спала со своим аналитиком? – выпалил он.

Лицо его покраснело от гнева. Он чуть было не упал в обморок, но не мог вспомнить, как следует падать, чтобы не расшибиться.

– Это входило в курс лечения, – холодно отпарировала она. – Согласно Фрейду, секс – ключ к бессознательному.

– Фрейд говорил, что сны – ключ к бессознательному.

– Секс, сны... Ты что, дурака сюда пришел валять?

– До свидания, Харриет.

Говорить с ней бесполезно. Rien a dire, rien a faire^[34]. Вайнштейн вышел и направился в сторону Юнион-сквер. И вдруг горькие слезы омыли его лицо. Будто прорвало шлюзы. Горячие, соленые слезы, столько лет сдерживаемые, теперь лились потоком – то изливалась наружу его боль. И хлынули они из ушей. Посмотрите только, думал он, даже плакать по-людски не получается. Он обтер уши бумажной салфеткой и повернул домой.

Золотые Времена

Мемуары Из Первых Рук

Мы начинаем публиковать выдержки из мемуаров Фло Гиннес, которые сейчас готовятся к изданию. Дылда Фло, как называли ее друзья (впрочем, враги называли ее так же), безусловно, выделяется среди прочих владельцев баров и салонов, незаконно торговавших спиртным во время Сухого закона; в этих записях она предстает женщиной, пылко влюбленной в жизнь, а также разочарованной артисткой, которой пришлось отказаться от своих честолюбивых планов и стать скрипачкой – когда она поняла, что под этим подразумевается. Сейчас Дылда Фло впервые говорит от первого лица.

«Сначала я танцевала в Чикаго у Малыша Неда в клубе „Сокровище“. Нед был проницательным и предприимчивым бизнесменом, который все свои деньги сделал с помощью того, что сейчас называют воровством. Разумеется, в наше время это означало совсем другое.

Да, Нед был человеком огромного обаяния, нынче таких не встретишь. Если вы с ним не соглашались, он мог переломать вам ноги – это все знали. Он так и делал, мальчишки. Сколько ног он ломал! В среднем пятнадцать-шестнадцать за неделю. Но со мной он был очень мил – видимо потому, что я всегда прямо говорила ему в лицо то, что я о нем думаю. «Нед, – сказала я ему как-то после обеда, – ты брехливый ворюга с моралью блудливого кота». Он только рассмеялся, но вечером я увидела, как он ищет в словаре значение слова «брехливый». В общем, танцевала я в Чикаго у Малыша Неда в клубе «Сокровище». Я была его лучшей исполнительницей – танцовщицей-актрисой. Другие девочки просто дрыгали ножками, а я в танце рассказывала историю. Например, про Венеру, рожденную из морской пены, – только на Бродвее и на 42-й улице, и она у меня шаталась по ночным клубам и плясала до рассвета, пока ее не хватил удар и не отнялась левая сторона лица. Печальное было зрелище, ребятки. Но я имела успех.

Однажды Малыш Нед вызвал меня к себе в кабинет и сказал: «Фло». (Он всегда называл меня Фло, если только не был страшно зол. Тогда он называл меня Альберт Шнейдерман – до сих пор не знаю почему. Воистину неисповедимы пути сердечные.) «Фло – сказал Нед, – выходи за меня замуж». Ну, тогда меня можно было перышком

нокаутировать. Я расплакалась, как дитя. «Это серьезно, Фло, – сказал Нед. – Я очень люблю тебя. Мне трудно об этом говорить, но я хочу, чтобы ты стала матерью моих детей. А если откажешься, я тебе ноги перелломаю». Ровно через два дня мы с Недом связали себя узами брака. А на третий день Нед нечаянно сплюнул вишневую косточку на шляпу Аль Капоне и после пулеметной очереди умер.

Я, разумеется, сразу разбогатела. Первым делом я купила папе с мамой ферму, о которой они мечтали всю жизнь. Они, правда, утверждали, что никогда не думали о ферме, а хотели машину и меха, но я решила это проверить. Сельская жизнь им тоже понравилась, хотя в начале сороковых отца ударило молнией и следующие шесть лет на вопрос, как его зовут, он отвечал «Подгузник». А я через три месяца разорилась. Неудачная инвестиция. По совету друзей я вложила деньги в китобойный промысел города Цинциннати.

И я стала танцевать у Большого Эда Колесо, который гнал самогон такой крепости, что его можно было пить только в противогазе. Эд платил мне три сотни в неделю за десять выступлений – по тем временам это были немалые деньги. С чаевыми я получала больше президента Гувера. А ведь он выступал по двенадцать раз в неделю. Я выходила в девять и в одиннадцать, а Гувер – в десять и в два. Гувер

был хорошим президентом, но всегда что-то мычал в уборной. Меня это приводило в бешенство. А затем как-то раз мое выступление увидел владелец клуба «Вершина» и предложил мне пять сотен в неделю. Я сразу пошла прямо к Эду. «Эд, Билл Хэллоран из „Вершины“ предложил мне пять сотен в неделю». «Фло, – ответил Эд, – если ты сумеешь выколлотить из него пять сотен в неделю, я отойду в сторону». Мы пожали друг другу руки, и я побежала к Биллу Хэллорану с хорошей новостью, но несколько друзей Большого Эда успели раньше меня, и к моему приходу физическое состояние Билла резко изменилось – от него остался только пронзительный голос, доносившийся из коробки из-под сигар. Билл сказал, что решил бросить шоу-бизнес, уехать из Чикаго и обосноваться где-нибудь поближе к экватору. Так что я танцевала у Большого Эда Колесо, пока организация Аль Капоне не выкупила его дело. Я сказала «выкупила», ребята, но на самом деле Большой Аль предложил Большому Эду приличную сумму, а Эд отказался. Позже в тот же день, когда Эд ужинал в ресторане «Жаркое и отбивные», у него вдруг лопнула голова. Никто так и не узнал почему.

На сэкономленные деньги я купила бар «Три двойки»^[35], и он сразу же стал самым популярным заведением в городе. Там бывали все: Бэйб Рут, Джек Демпси, Джолсон^[36], Командор. Командор приходил каждый вечер. Бог ты мой, ну и пила эта лошадь! Бэйб Рут, помню, втюрился в хористочку по имени Келли Суэйн. Он настолько от нее шалел, что напрочь забывал о бейсболе и дважды обмазался маслом, вообразив себя знаменитым пловцом. «Фло, – говорил он мне, – я без ума от этой рыженькой. Но она ненавидит спорт. Я соврал, что посещаю лекции Витгенштейна, но, по-моему, она что-то заподозрила». – «Значит, ты без нее жить не можешь, Бэйб?» – спросила я. «Не могу, Фло. И это мешает сосредоточиться. Вчера я отбил четырежды и дважды сел на базу, но ведь сейчас январь, а в январе игр нет. Все это было в номере отеля. Ты можешь мне помочь?» Я обещала поговорить с Келли и на следующий день заглянула в «Золотую скотобойню», где она танцевала. «Келли, – сказала я, – наш бамбино втрескался в тебя по уши. Он знает, что ты девочка культурная, и если придешь на свидание, он бросит бейсбол и уйдет в труппу Марты Грэхэм»^[37]. Келли посмотрела мне прямо в глаза. «Скажи этому недомерку, – ответила она, – что я выбралась сюда аж с водопада Чиппева вовсе не для того, чтобы завести шашни с ожиревшим правым крайним. У меня грандиозные планы». Через два года она вышла за лорда Осгуда Веллингтона Татла и стала леди Татл. Ее муж бросил дипломатическое поприще ради места стоппера в команде «Тигров». Скачущий Джо Татл. Сейчас работает учетчиком на уборке бобов во время первого урожая.

Мошенничество? Мальчики, я присутствовала при том, как Ник Грек получил свое прозвище. Был в те времена мелкий шулер по имени Джейк Грек. «Фло, – сказал Ник, подозвав меня, – я хочу быть греком». – «Извини, Ник, но ты не Грек, – ответила я. – И

по законам жуликов штата Нью-Йорк это запрещено». – «Знаю, Фло, – сказал Ник, – но родители всегда хотели, чтобы меня называли Греком. Сможешь за ужином свести меня с Джейком?» – «Само собой, – говорю я, – но если он узнает, зачем ты его зовешь, то не придет». – «Постарайся, Фло, – сказал Ник. – Для меня это очень много значит».

Ну, встретились они в гриль-баре ресторана Монти, куда женщинам доступа не было, а меня пускали только потому, что Монти был моим старым другом и видел во мне не женщину или мужчину, а, как он сам выражался, «бесформенный сгусток протоплазмы». Мы заказали фирменное блюдо – ребрышки, которые Монти умел готовить так, что они по виду и по вкусу напоминали человеческие пальцы. Наконец Ник сказал: «Джейк, я хочу, чтобы меня звали Грек». Джейк побледнел. «Слушай, Ник, – ответил он, – если ты за этим меня позвал...» Да, ребята, это был кошмар. Оба уже приняли боевую стойку.

– Вот что мы сделаем, – говорит Ник. – Сыграем. Старшая карта покажет, кого называть Греком.

– А если я выиграю? – спрашивает Джейк. – Меня ведь и так зовут Грек.

– Если выиграешь, Джейк, можешь взять телефонную книгу и выбрать себе любое имя. Плюс мои поздравления.

– Кроме шуток?

– Фло свидетель.

В зале повисло ощутимое напряжение. Принесли колоду карт, и началась игра. Нику выпала дама, и у Джейка затряслись руки. Но затем Джейк вытащил туза. Все закричали, зааплодировали, а Джейк взял телефонную книгу и выбрал себе имя Гровер Лембек. Все были счастливы, и с этого дня женщинам разрешили бывать в ресторане Монти при условии, что они умеют читать иероглифы.

Помню, как-то раз в «Уинтер-гарден» устраивали грандиозное музыкальное ревю «Звездно-полосатый сброд». В ведущие прочили Джолсона, но он отказался, потому что его хотели заставить петь «Кашу для двоих»^{38]}, а он терпеть не мог эту песню. Там была такая строка: «Любовь – это всё, а кобыле – овес». Короче, в результате ее спел молодой и никому не известный Феликс Бромптон, которого позже арестовали в номере отеля с газетной вырезкой размером в один дюйм, изображавшей Хелен Морган. Это попало во все газеты. Ну вот, как раз вечером заваливается ко мне в «Три двойки» Джолсон с Эдди Кантором.

– Фло, – говорит Джолсон, – я слышал, что Джордж Рафт^[39] на прошлой неделе бил здесь чечетку.

– Джордж здесь никогда не был, – отвечаю я.

– Если ему можно тут плясать, – говорит Джолсон, – то я хочу тут петь.

– Ол, – говорю я, – не было здесь Джорджа.

– А ему кто-нибудь аккомпанировал на фортепиано?

– Ол, – говорю я, – если ты возьмешь хоть одну ноту, я тебя лично вышвырну.

И тут старина Джолли становится на одно колено и заводит «Ту-ту, милашка». Пока он пел, я продала заведение, и когда он закончил, там уже была китайская прачечная Уинг Хо. Джолсон мне этого так никогда и не простил, поскольку выходя споткнулся о тюк с грязным бельем.

Страничка Кугельмаса

Кугельмас, преподаватель классической словесности из Нью-Йоркского Сити-колледжа, был несчастлив уже во втором браке. Дафна просто чудовище, к тому же еще два сына-недоумка от Фло, первой жены, и он по уши в алиментах.

– Ну, кто мог подумать, что так обернется! – жаловался однажды Кугельмас своему психоаналитику. – Ведь я на нее надеялся! Кто знал! Едва Дафна перестала за собой следить, как тут же превратилась в дирижабль! Да плюс у нее были кое-какие деньжата, что приличному человеку само по себе, конечно, не повод для женитьбы, но

и не повредит же – при моей-то деловой сметке. Я понятно изъясняюсь?

Кугельмас был лыс и по-медвежьи мохнат, но в нем трепетала душа.

– Должен же я когда-нибудь встретить свою женщину! – не унимался он. – Я хочу любить и быть любимым. Может, по мне этого и не скажешь, но без любви я не могу. Хочу

ухаживать, хочу быть нежным. Годы берут свое, и, пока не поздно, я хочу ласкать свою избранницу не где-нибудь, а в Венеции, хочу острить, посиживая в «Двадцать одном», хочу за бокалом красного вина, при свечах ловить застенчивые взгляды. Вы меня понимаете?

Доктор Мандель поерзал в кресле, потом сказал:

– Адюльтер вам ничего не даст! Отрываетесь от реальности. Ваши комплексы гнездятся куда глубже.

– Кроме всего прочего, эта связь должна быть абсолютно тайной, – твердил свое Кугельмас. – Второй развод я просто не потяну. Дафна из меня все кишки выпустит.

– Мистер Кугельмас...

– И это должно быть вне стен Сити-колледжа, ведь Дафна сама там работает. Не то чтобы там так уж было на кого глаз положить, но студенточки такие попадаются!..

– Господин Кугельмас!

– Да послушайте! Вчера мне приснился сон, будто иду это я через луг, в руке корзина – как бы для пикника, – а на корзине надпись: «Решения». И вдруг вижу – в корзинке дыра.

– Господин Кугельмас, сейчас для вас самое худшее – это пытаться что-то предпринять. Вам следует просто выплеснуть здесь свои проблемы, и мы их вместе проанализируем. Достаточно давно уже вы у меня лечитесь, чтобы знать, что мгновенных исцелений не бывает. Я все-таки врач, не волшебник.

– Ну так мне, значит, нужен волшебник, – сказал Кугельмас, вставая с кушетки. На том он и прекратил курс психоанализа.

Пару недель спустя, вечером, когда Кугельмас и Дафна, как два старых шкафа, угрюмо громоздились в своей квартире, зазвонил телефон.

– Я подойду, – сказал Кугельмас. – Алло.

– Кугельмас? – проговорил незнакомый голос. – Здравьете, это говорит Перски.

– Кто?

– Перски. Или, если угодно, Великий

Перски.

– Простите?

– До меня дошло, будто вы по всему городу ищите волшебника, который внес бы в вашу жизнь немножко экзотики. Так или нет?

– Т-ш-ш, – прошипел Кугельмас. – Не вешайте трубку. Вы откуда звоните, Перски?

На следующий день, едва свечерело, Кугельмас преодолел три лестничных пролета блочной развалюхи в бруклинском микрорайоне Бушвик. Не без труда сориентировавшись на темной площадке, Кугельмас отыскал нужную дверь и надавил кнопку звонка. А в голове звучало: «Пожалеешь! Пожалеешь!»

Пару секунд спустя ему открыл низенький, тщедушный человечек с восковым лицом.

– Это вы знаменитый Перски?

– Великий Перски. Хотите чаю?

– Нет, хочу романтики. Музыка хочу. Любви и красоты.

– А чаю – нет? Это неожиданность. Ну ладно, садитесь.

Перски удалился в глубину комнаты, и Кугельмас услышал звуки отодвигаемых ящиков и мебели. Перски появился вновь, толкая перед собой какой-то здоровенный предмет, снабженный скрипучими колесиками от роликовых коньков. Сверху его прикрывал старый шелковый платок. Перски снял покрывало и сдул пыль с крышки. Предмет оказался довольно дешевого вида огромным китайским ларцом, плохо отлакированным.

– Перски, – выпалил Кугельмас, – сколько зарядите?

– Поглядите сперва, – сказал Перски. – Это же прелесть. Я его подготовил к конгрессу ордена Пифийских рыцарей. В прошлом году. Но что-то народ не собрался. Полезайте в контейнер.

– Вот еще! Чтобы вы туда всякими шпагами тыкали?

– Вы где-нибудь видите шпаги?

Кугельмас недовольно поморщился и, пыхтя, полез в сундук. В глаза ему бросилась пара отвратительных поддельных бриллиантов, наклеенных на шершавую фанеру прямо у него перед носом.

– Ну, если это шутки! – проворчал он.

– Ха, шуточки! Короче, если я к вам в контейнер подложу какой-нибудь роман, закрою крышку и постучу три раза, вас тут же забросит в эту книгу.

Кугельмас скорчил недоверчивую гримасу.

– Как из пушки, – заверил его Перски. – Чтоб мне сгореть. И, кстати, не только роман годится. Рассказ, пьеса, стихотворение – что угодно. Можете познакомиться с любой из женщин, созданных лучшими писателями мира. Лицом к лицу увидеть ту, с кем только в мечтах и встречался. И делайте там с ней что хотите. А как надоест, вы меня крикнете, и я вас в долю секунды назад верну.

– Перски, вы случайно не из дурдома сбежали?

– Да говорю вам, все будет тип-топ, – сказал Перски.

Недоверие не оставляло Кугельмаса.

– Что вы мне вкручиваете! По-вашему, этот мусорный ящик способен отправить меня в такое вот турне?

– За две десятки – почему нет? Кугельмас полез за бумажником.

– Придется проверить, – буркнул он. Перски сунул деньги в карман и подошел к книжным полкам.

– Ну, так с кем хотите познакомиться? Сестра Керри? Консуэло? Офелия? Может быть, нам кого-нибудь предложит Бернард Маламуд?

– Франция. Моя любовница должна быть француженкой.

– Может, Нана?

– Опять платить? Не годится!

– А если Наташа из «Войны и мира»?

– Я же сказал – француженка. Так: я придумал – Эмма Бовари. Пожалуй, это то, что надо.

– Отлично, Кугельмас. Когда надоест, орите громче, – и Перски подбросил в сундук карманное издание флюберовского романа.

– А вы уверены, что это не опасно? – спросил Кугельмас, когда Перски взялся за крышку ларца.

– Не опасно! В этой проклятой жизни разве есть что-нибудь неопасное? – Перски постучал три раза по сундуку и откинул крышку.

Кугельмаса там не было. В этот миг он появился в спальне дома Шарля и Эммы Бовари в Ионвиле. Кроме него в комнате была только молодая женщина. Она складывала простыни, стоя к нему спиной. «Просто не верится, – думал Кугельмас, пожирая глазами прелестную жену лекаря. – Да это же спятить можно. Вот она. И вот я!»

Эмма удивленно обернулась.

– Господи, вы меня напугали, – сказала она. – Кто вы?

Говорила она на том же языке, каким был выполнен перевод карманного издания.

«Ни хрена себе!» – подумал Кугельмас. Потом до него дошло, что это она к нему обращается, и он представился:

– Простите. Меня зовут Сидней Кугельмас, я из Сити-колледжа. Преподаватель классической

словесности. Сити-колледж? Это в Нью-Йорке. К северу от центра. Я... понимаете...

Эмма Бовари одарила его манящей улыбкой и сказала:

– Хотите выпить? Может быть, рюмочку вина?

«Как она хороша! – подумал Кугельмас. – не то что этот крокодил, с которым приходится спать под одним одеялом». Кугельмас почувствовал непреодолимое желание тут же заключить это видение в объятия и поведать ей, что о такой женщине он мечтал всю свою жизнь.

– Что ж, – сказал он осипшим голосом, – пожалуй. Белого. Нет, красного. Нет, белого. Ладно, белого.

– Шарль только к вечеру вернется, – проговорила Эмма, и в ее голосе прозвучали игривые нотки.

Выпив вина, они вышли погулять и полюбоваться красотами французской природы.

– Давно мечтаю, чтобы пришел загадочный незнакомец и избавил меня от однообразия нашей серой деревенской жизни, – говорила Эмма, сжимая его запястье. Они миновали небольшую церковь. – Вы так интересно одеты, – промурлыкала она. – Мне нравится. Как-то так... современно!

– Называется «костюм спортивного покроя», – нежно объяснил он. – Так на нем было написано.

Неожиданно он поцеловал ее. Целый час потом они провели, сидя под деревом, шептались и взглядами поверяли друг другу все самое сокровенное. Внезапно Кугельмас привстал. Он вспомнил вдруг, что договорился встретиться с Дафной в универмаге Блуминдейла.

– Мне пора, – сказал Кугельмас. – Но ты не переживай, я приду еще.

– Приходи, – сказала Эмма. Они пошли к дому. У крыльца они сжали друг друга в объятиях. Кугельмас взял лицо Эммы в ладони, еще раз поцеловал ее и вскричал:

– О'кей, Перски! Мне надо в Блуминдейл к полчетвертому!

Послышался явственный хлопок, и Кугельмас снова был в Бруклине.

– Ну что? Не надул я вас? – радостно вскинулся Перски.

– Слушайте, Перски, сейчас я дико опаздываю. У меня свидание с моей крокодилой на Лексингтон-авеню, но я бы это дело повторил. Как насчет завтра?

– Бога ради. Только две десятки не забудьте. И никому не рассказывайте.

– Еще не хватало. Сейчас побегу в «Нью-Йорк Тайме»!

Кугельмас поймал такси и помчался в центр. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. «Наконец-то! – думал он. – Я влюблен, и только я, один я об этом знаю!» Но и он знал не все.

А именно, что как раз в это мгновение во множестве классов школьники задавали учителям один и тот же вопрос: «Что за персонаж появляется на странице 100? Лысый еврей, который целует Эмму Бовари!» Учитель из Сиу-Фоллз, что в Южной Дакоте, только вздохнул, а про себя подумал: «Боже, бедные дети! До чего довели себя наркотиками. Совсем уже мозги набекрень!»

Когда в магазин вбежал запыхавшийся Кугельмас, Дафна ждала его в отделе товаров для ванной.

– Где тебя носит? – Дафна спросила, как плюнула. – Уже полпятого!

– Ты понимаешь, улицы забиты, попал в пробку, – объяснял Кугельмас.

На следующий день Кугельмас вновь навестил Великого Перски, и волшебство в считанные минуты переместило его в Ионвиль. Эмма при виде Кугельмаса не могла сдержать радости. Время летело незаметно. Они смеялись и болтали, рассказывали друг другу о своем житье-бытье. Прежде чем расстаться, они с Кугельмасом занялись любовью.

Господи! – шептал про себя Кугельмас. – Я делаю это с госпожой Бовари! Я, проваливший на первом курсе французский!

К концу месяца Кугельмас неоднократно побывал у Перски, а с Эммой Бовари у него установились дружеские и нежные отношения.

– Аккуратнее, смотрите не зашлите меня в книгу после сто двадцатой страницы, – сказал однажды Кугельмас волшебнику. – Очень важно, чтобы мы с ней встречались каждый раз до того, как она свяжется с этим – как его? – с Родольфом.

– Да ну! – удивился Перски. – Неужто вам его на кривой не объехать?

– Объедешь! Он же дворянин, помещик. Эти ребята только и знают, что на лошадях кататься да по девочкам. По мне что он, что те рожи из журнала «Моды для любой погоды». И причесон от Хельмута Бергера. Но для нее это лакомый кусочек.

– А муж ничего не подозревает?

– А! Где ему. У нашего шарлатана мозгов только и хватило, чтобы найти на свою голову приключение. Теперь он к десяти вечера уже в постели, а она еще только бальные туфельки надевает. Н-да... Ну, пока!

И Кугельмас снова через магический сундук проник в усадьбу Бовари в Ионвиле.

– Как жизнь, крошка? – обратился он к Эмме.

– Ах, Кугельмас, – вздохнула Эмма. – Что у меня тут за жизнь. Вчера за обедом этот герой отошел ко сну посреди десерта. – Я перед ним и так, и сяк, и про балет, и про ресторан «Максим» в Нью-Йорке, вдруг слышу – храпит!

– Ничего, моя девочка. Мы снова вместе, – сказал Кугельмас, обнимая ее. «Все справедливо, – думал он, вдыхая Эммин запах французских духов и поглубже зарываясь носом ей в волосы. – Я заслужил это. Я так настрадался! Одним психоаналитикам сколько переплачено! Искал, искал – с ног сбился. И наконец – она: красивая и в самой, что называется, поре, а я – раз, через пару страничек после Леона и перед самым Родольфом! Надо только каждый раз на нужной странице появляться, и дело в шляпе».

Естественно, Эмма радовалась наравне с Кугельмасом. По обществу, по светской жизни она изголодалась, и рассказы Кугельмаса о Бродвее, о бесшумных лимузинах, о Голливуде и звездах телеэкрана зачаровали юную красавицу-француженку.

– Ну, пожалуйста, расскажи еще что-нибудь про Симпсона^[40], – попросила она в тот вечер, как раз когда они с Кугельмасом проходили мимо церкви аббата Бурнизьена.

– Ну что можно сказать? Это величина. Рекорды, какие только могут быть – все его. Тут призадуматься. Его никому не достать.

– А премия Американской Академии! – с грустью в голосе проговорила Эмма. – Я бы все отдала, только бы удостоиться.

– Надо же сперва, чтобы выдвинули!

– Да я знаю! Ты объяснял мне. Но я чувствую, что рождена для сцены. Конечно, поучиться не мешало бы. Взять, что ли, пару уроков у Страсберга?^[41] А уж потом, если найти хорошего импресарио...

– Посмотрим, посмотрим. Я поговорю с Перски.

В тот же вечер, благополучно возвратившись в квартиру волшебника, Кугельмас привнес идею о посещении Эммой Нью-Йорка.

– Такой вариант надо обмозговать, – отозвался Перски. – Может и соорудим что-нибудь. Случались дела и похлеще.

Естественно, дел похлеще ни один из них с ходу как-то не припомнил.

– И где это тебя каждый Божий день черти носят! – рявкнула на мужа Дафна Кугельмас, когда он поздним вечером вернулся домой. – У тебя что, милашка завелась?

– Ну конечно, можно подумать, я как раз из таких, – устало проговорил Кугельмас. – Зашел к Леонарду Попкину. Поболтали с ним о переменах в Польше. Ты ведь знаешь Попкина. Это его любимый конек.

– Слушай, ты какой-то стал странный в последнее время, – сказала Дафна. – Сам не свой. Смотри, не забудь, что у моего отца день рождения. В субботу.

– Ладно, ладно, – буркнул Кугельмас, продвигаясь к ванной.

– Все родственники соберутся. Близняшек увидишь. И моего кузена Хамиша. Тебе бы следовало быть с ним повежливее: ты ему нравишься.

– Ясно, близняшек, – сказал Кугельмас, запирая дверь ванной, отделившую его от звуков голоса жены. Привалившись к двери спиной, он перевел дух. Всего несколько часов, сказал он себе, каких-нибудь несколько часов, и он снова будет в Ионвиле у своей возлюбленной. А если все пойдет нормально, на этот раз он вернется вместе с Эммой.

На следующий день в три пятнадцать Перски снова занялся магией. Проведя пару

часиков в Ионвиле в гостях у Бине, наша парочка снова взобралась в экипаж Бовари. В соответствии с указаниями Перски они крепко прижались друг к другу, зажмурились и сосчитали до десяти. Когда они открыли глаза, экипаж уже подкатывал к боковому подъезду отеля «Плаза», где Кугельмас в приступе оптимизма предварительно забронировал номер.

– Прелесть! Прямо точь-в-точь как мне мечталось, – щебетала Эмма, то порхая в упоении по спальне, то любуясь видом на город из окна.

– Ага, ага, Эмпайр Стейт Билдинг! Централ Парк? Конечно, вижу. Небоскреб ООН... сейчас, который же? А, ну конечно! Как здорово!

На кровати дожидались пакеты и коробки с обновками от Халстона и Сен-Лорана. Развернув один из пакетов, Эмма приложила к своей идеальной фигуре бархатные брючки.

– Брючный костюм от Ральфа Лорена, – прокомментировал Кугельмас. – В нем ты будешь смотреться на миллион долларов. Ну-ка, малышка, поцелуй своего старичка!

– Я так счастлива, – простонала Эмма, стоя перед зеркалом. – Пойдем скорее в город. Давай сходим на тот мюзикл – «Кордебалет», да? – и в музей Гугенхайма, и на Джека Николсона: помнишь, ты мне про него рассказывал? С ним идет сейчас какой-нибудь фильм?

– Никак не могу взять в толк, – сказал профессор в Стэнфордском университете. – Сперва появляется какой-то непонятный персонаж по имени Кугельмас, а теперь она и вовсе исчезает из книги. Что ж, вероятно, такова классика: можно перечитывать тысячу раз, и каждый раз открывается что-то новое.

Любовники провели упоительный уик-энд. Дафне было сказано, что Кугельмас уезжает на симпозиум в Бостон и вернется в понедельник. Наслаждаясь каждым мгновением, Кугельмас с Эммой ходили в кино, обедали в китайском ресторанчике, два часа провели в дискотеке, а спать укладываясь, смотрели видео. В воскресенье они проспали до полудня, посетили Сохо и глазели на знаменитостей в ресторане «Элейн»^[42].

Воскресным вечером они заказали икру и шампанское в номер и проговорили до рассвета. Утром в такси по дороге к Перски Кугельмас подумал: «Черт знает что, но здорово! Таскать ее сюда часто я, конечно, не в состоянии, но если время от времени – очаровательный контраст с Ионвилем.

У Перски Эмма забралась в сундук, аккуратно разложив вокруг себя коробки с нарядами, и нежно поцеловала Кугельмаса.

– Теперь ты ко мне, – подмигнув, сказала она.

Перски стукнул по сундуку три раза. Никакого результата.

– Гм, – промычал Перски, почесывая в затылке. Снова он постучал, и снова волшебство не сработало. – Что-то система не пашет, – буркнул он.

– Перски, вы шутите! – вскричал Кугельмас. – Как же она может не работать?

– Спокойно, спокойно. Вы еще там, Эмма?

– Да.

Перски постучал снова; на этот раз посильнее.

– Я еще здесь, Перски.

– Знаю, золотце. Сиди смирно.

– Перски, кровь из носу, надо отправить ее назад, – зашептал Кугельмас. – Я женатый человек, и у меня лекция через три часа. В данный момент я могу себе максимум позволить очень осторожную интрижку.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Перски. – Такой надежный, простой фокус!

Так у него ничего и не вышло.

– Дайте время, – объявил он Кугельмасу. – Придется все расковыривать. Я вам позвоню.

Кугельмас всунул Эмму в такси и отвез обратно в «Плазу». На лекцию он едва успел. Весь день висел на телефоне, звонил то Перски, то любовнице. Волшебник сообщил, что меньше чем за несколько дней ему не управиться.

- Ну, как симпозиум? – вечером спросила Кугельмаса Дафна.
- Отлично, отлично, – отозвался тот, прикуривая сигарету с фильтра.
- В чем дело? Ты сегодня какой-то как пыльным мешком стукнутый.
- Я? Ха! Смешно. Я спокоен как сон в летнюю ночь. Собирался, кстати, пойти пройтись. – Он выскользнул за дверь, поймал такси и помчался в «Плазу».
- Нехорошо получается, – сказала Эмма. – Шарль волноваться будет.
- Положись на меня, малышка, – сказал Кугельмас. Он был бледен и весь в поту. Еще раз поцеловав ее, он вскочил в лифт, поорал на Перски по автомату из вестибюля гостиницы и едва успел домой к полуночи.
- Послушать Попкина, так цены на картофель в Кракове не были так стабильны с семьдесят первого года, – сказал он Дафне и, выдавив улыбку, полез в постель. И так всю неделю.

В пятницу вечером Кугельмас оповестил Дафну о еще одном симпозиуме, который ему никак нельзя пропустить; на этот раз в Сиракузах. Бросился опять в «Плазу», но второй уикэнд ни в какое сравнение не шел с первым.

– Пусти меня обратно в роман, а нет – так женись, – потребовала Эмма. – А пока я хочу устроиться работать или учиться, потому что сидеть у телевизора весь день – это спятить можно.

– Отлично. Твой заработок придется кстати, – парировал Кугельмас. – Ты тут на одной доставке еды в номер в два раза больше собственного веса потребляешь.

– Я вчера в Сентрал-парке познакомилась с одним продюсером, так он сказал, что, возможно, я пригожусь для той постановки, что у них сейчас в работе, – сказала Эмма.

– Что еще за прохвост? – насторожился Кугельмас.

– Он не прохвост. Он вежливый, и добрый, и симпатичный, его зовут Джеф там какой-то, и скоро он должен получить Оскара.

В тот же вечер Кугельмас появился у Перски пьяным.

– Не надо так напрягаться, – сказал ему Перски. – Вон сосудики-то как выступили!

– «Не напрягаться»! Он еще мне говорит не напрягаться! У меня в гостиничном номере героиня романа сидит, да жена уже, небось, с собаками выслеживает!

– О'кей, о'кей! Все понимаю! – Перски заполз под сундук и принялся обо что-то грохать здоровенным разводным ключом.

– Меня обложили, как волка, – не унимался Кугельмас. – По городу хожу, озираясь, а с Эммой мы друг у друга сидим уже во где! Не говоря о том, что счет в отеле начинает смахивать на военный бюджет.

– Ну, а я-то что могу сделать? Магия это уж такая вещь. Все неуловимо, все тонко.

– Тонко! Черт. Эта мартышка у меня питается шампанским «Дом Периньон» и черной икоркой, да плюс ее наряды, да плюс записалась тут по соседству в любительский театр, и ей подавай теперь услуги фотографа-профессионала! Потом, слушайте, Перски, профессор Фивиш Копкинд, который у нас сравнительную литературу преподает, – он давно под меня копает, – узнал меня в спорадически появляющемся персонаже флоберовской книжицы. Пригрозил рассказать жене. Опять алименты! Да что там – крах, тюрьма! За измену с госпожой Бовари меня жена по миру пустит.

– И что я могу на это сказать? Я работаю день и ночь. А насчет ваших личных заморочек – тут я вам ничем помочь не в силах. Я все-таки волшебник, не врач.

К вечеру в воскресенье Эмма заперлась в ванной и, как ни зывал Кугельмас, не откликнулась. Кугельмас стоял у окна, вперив взгляд в стену небоскреба напротив, и замышлял самоубийство. Жаль, что этаж невысокий, думал он, а то бы прямо сейчас. А может, сбежать в Европу и начать жизнь сначала?.. Сумел бы я, интересно, торговать газетами?

Зазвонил телефон. Кугельмас машинально прижал к уху трубку.

– Волоките ее сюда, – сказал Перски. – Похоже, я тараканов повыловил.

Сердце Кугельмаса подпрыгнуло.

– Вы серьезно? – воспрянул он. – Все починили?

– Там было что-то с трансмиссией. Ваш

ход.

– Перски, вы гений! Будем через минуту.

Меньше чем через минуту!

Снова любовники понеслись к дому волшебника, и снова Эмма Бовари со своими свертками забралась в сундук. На сей раз обошлось без поцелуев. Перски захлопнул крышку, набрал в легкие воздуха и постучал три раза. Раздался многообещающий хлопок, и когда Перски заглянул внутрь, ящик был пуст. Госпожа Бовари была у себя в романе. Кугельмас вздохнул полной грудью и бросился трясти руку волшебника.

– Все! – сказал он. – Я этот урок запомню. Больше никаких шашней, ни-ни! – Он еще раз потрянул руку Перски и про себя решил послать ему в подарок галстук.

Три недели спустя, чудесным весенним вечером, Перски открыл на звонок дверь квартиры. Перед ним стоял Кугельмас, на лице у которого было написано смущение.

– А, Кугельмас, – проговорил волшебник. – Куда теперь отправить?

– Последний разик, – сказал Кугельмас. – Погода такая прелесть, а я ведь не молодею. Слушайте, вы читали «Жалобу Портного»? Обезьянку^[43] помните?

– Такса теперь двадцать пять долларов, поскольку стоимость жизни подскочила, но вас я для разгона разочек бесплатно прокачу: уж вы от меня натерпелись, компенсировать надо.

– Вы добрый человек, – сказал Кугельмас, причесывая свои последние три волосинки, перед тем как снова залезть в сундук. – А сработает?

– Будем надеяться. Правда, с тех пор, как у нас эта катавасия приключилась, системой пользовались мало.

– Секс и романтика, – донесся голос Кугельмаса из сундука. – На что не пойдешь ради смазливой мордашки.

Перски вбросил в сундук экземпляр «Жалобы Портного» и стукнул три раза по крышке.

На сей раз вместо хлопка послышался приглушенный взрыв, потом несколько раз что-то треснуло и дождем посыпались искры. Перски отпрянул, схватился за сердце и упал замертво. Сундук охватило пламя, и в конце концов сгорел весь дом.

О катастрофе Кугельмас ничего не ведал, но ему и своих забот хватало. Его зашвырнуло не только не в «Жалобу Портного», но и вообще не в роман. Кугельмас транспортировался в старый учебник испанского и теперь из последних сил бежал по каменистой выжженной равнине, спасаясь от слова tener^[44], причем этот неправильный глагол, ухватистый и волосатый, скакал за Кугельмасом на своих тонких членистых ногах.

Смерть Открывает Карты

Действие пьесы разворачивается в спальне принадлежащего Нату Акерману двухэтажного дома, расположенного где-то в Кью-Гарденз. Все стены в коврах. Просторная двуспальная кровать и немалых размеров туалетный столик. Изысканная мебель, шторы, на стенных коврах – несколько живописных полотен и довольно несимпатичный барометр. При открытии занавеса звучит негромкая мелодия – это основная музыкальная тема спектакля. Нат Акерман, лысый, пузатенький пятидесятилетний производитель готового платья, лежит на кровати, дочитывая завтрашний номер «Дейли Ньюс». Нат в халате и шлепанцах, газету освещает лампочка в белом металлическом абажуре, прикрепленная зажимом к спинке в изголовье кровати. Время близится к полуночи. Внезапно раздается какой-то шум, Нат садится в кровати и поворачивается к окну.

Н а т. Какого черта?

В окне, неуклюже корячась, возникает мрачная личность. На незнакомце черный плащ с клобуком и черный, в обтяжку костюм. Клобук покрывает голову, оставляя открытым лицо – лицо пожилого человека, но

совершенно белое. Внешне он немного смахивает на Ната. Громко пыхтя, незнакомец переваливается через подоконник и валится на пол.

Смерть. Иисусе Христе! Чуть шею не сломал.

Н а т (*в замешательстве глядя на пришлеца*). Ты кто такой?

Смерть. Смерть.

Н а т. Кто?

Смерть. Смерть. Послушай, можно я присяду? Я чуть шею себе не свернул. Дрожу, как осиновый лист.

Н а т. Нет, но кто ты такой?

Смерть. Да Смерть же, Господи. стакан воды у тебя найдется?

Н а т. Смерть? Что ты этим хочешь сказать – смерть?

Смерть. Ты что, не в себе? Не видишь – весь в черном, лицо белое...

Н а т. Ну, вижу.

Смерть. Разве нынче Хэллоуин?

Н а т. Нет.

Смерть. Ну вот, значит, я – Смерть. Так могу я получить стакан воды – или хоть лимонаду?

Н а т. Если это какая-то шутка...

Смерть. Какие шутки? Тебе пятьдесят семь? Нат Акерман? Пасифик-стрит, сто восемнадцать? Если только я ничего не перепутал... сейчас, у меня где-то был список вызовов... (*Роется по карманам и наконец*

извлекает карточку с адресом. Похоже, адрес правильный.)

Н а т. И чего ты от меня хочешь?

Смерть. Чего я хочу? А как по-твоему?

Н а т. Ты, наверное, все-таки шутишь. Я совершенно здоров.

Смерть (*равнодушно*). Ну да, еще бы. (*Оглядывается по сторонам.*) А ничего у тебя квартирка. Сам обставлял?

Н а т. Нанял тут одну декораторшу, да только за ней все равно пришлось присматривать.

Смерть (*вглядываясь в одну из картин*). А вот эти детишки с вытаращенными глазами мне нравятся.

Н а т. Я пока еще не хочу уходить.

Смерть. Да ну? Слушай, не затевай ты эту бодягу. Меня, к твоему сведению, все еще тошнит от подъема.

Н а т. Какого подъема?

Смерть. По водосточной трубе. Хотел произвести впечатление. Вижу, окна большие, ты не спишь, читаешь. Вот и решил, что стоит попробовать. Думаю, влезу и появлюсь с таким – ну, сам понимаешь... (*Прищелкивает пальцами.*) А пока лез, нога застряла в каких-то плетях, труба обломилась, я и повис, буквально на волоске. Потом еще капюшон начал расползаться. Послушай, пойдём, что ли? Ночка выдалась тяжелая.

Н а т. Ты сломал мою водосточную трубу?

Смерть. Ломал. Да только она не сломалась. Так, погнулась немного. А ты что, ничего не слышал? Я знаешь как об землю хряпнулся?

Н а т. Я читал.

Смерть. Наверное, что-нибудь интересное. (*Поднимает с пола газету.*) «Групповая оргия с участием девушек, изучающих „Новую Американскую Библию“. Можно, я это возьму?

Н а т. Я еще не дочитал.

Смерть. Ну... я не знаю, как бы тебе объяснить, дружище...

Н а т. А почему ты просто в дверь не позвонил?

Смерть. Я же тебе говорю, можно было б и позвонить, но как бы оно выглядело? А так все-таки – драматический эффект. Нечто внушительное. Ты «Фауста» читал?

Н а т. Кого?

Смерть. И потом, вдруг у тебя компания? Сидишь тут с важными шишками. И нате – я,

Смерть, звоню в дверь и влезая к вам, как я не знаю кто. Разве так можно?

Н а т. Послушайте, мистер, время уже позднее...

Смерть. Ну, а я о чем? Пошли, что ли?

Н а т. Куда?

Смерть. Брось. Жилье. Иди. За. Мною. У. Меня. Во гробе. Тихо. *(Разглядывает свое колено.)* Надо же, как разодрал. Первое задание, а я, того и гляди, гангрену подхвачу.

Н а т. Постой, постой. Мне нужно время. Я еще не готов.

Смерть. Сожалею. Но помочь не могу. И рад бы, да вот видишь ли – пробил твой час.

Н а т. Какой такой час? Я вон только что слил свою компанию с «Оригинальными Модистками».

Смерть. Подумаешь, разница – парой баксов больше, парой меньше.

Н а т. Тебе-то, конечно, без разницы. Тебе, небось, все расходы оплачивают.

Смерть. Так пойдем мы или не пойдем?

Н а т *(внимательно вглядываясь в собеседника)*. Ты меня, конечно, извини, но я не верю, что ты – Смерть.

Смерть. Почему это? А ты кого хотел увидеть – Марлона Брандо?

Н а т. Дело не в этом.

Смерть. Прости, если разочаровал.

Н а т. Да ты не расстраивайся. Я не знаю, я всегда думал, что ты... ну... ростом повыше, что ли.

Смерть. Пять футов, семь дюймов. Средний рост для моего веса.

Н а т. И вообще ты немного смахиваешь на меня.

Смерть. На кого же мне еще смахивать? Я как-никак твоя смерть.

Н а т. Ты все-таки дай мне немного времени. Ну хоть один день.

Смерть. Не могу. Да ты и не ждал другого ответа.

Н а т. Один-единственный день. Двадцать четыре часа.

Смерть. На что он тебе? Вон по радио говорили – завтра дождь будет.

Н а т. Ну, может, все же договоримся как-нибудь?

Смерть. Например?

Н а т. В шахматишки сыграем, на время?

Смерть. Не могу.

Н а т. Я как-то видел в кино, ты играл в шахматы.

Смерть. Это не я, я в шахматы не играю. Разве что в кункен.

Н а т. Ты играешь в кункен?

Смерть. Я? А Париж – это город или озеро?

Н а т. И хорошо играешь, а?

Смерть. Еще как.

Н а т. Знаешь, что мы с тобой сделаем...

Смерть. Никаких сделок.

Н а т. Мы сыграем в кункен. Выигрываешь ты – я сразу иду с тобой. Выигрываю я – ты даешь мне малую отсрочку. Всего ничего – один день.

Смерть. Откуда у меня время в кункен играть?

Н а т. Ну, брось. Ты же хорошо играешь, игрок.

Смерть. Хотя вообще-то сыграть бы можно...

Н а т. А я о чем? Слушай, а ты отличный парень. За каких-нибудь полчаса отстреляемся.

Смерть. Строго говоря, мне оно не положено.

Н а т. У меня вот и колода под рукой. Кончай ты выеживаться, в самом деле.

Смерть. Ладно, давай. Поиграем немного. Хоть передохну.

Н а т *(вытаскивая карандаш, бумагу и колоду карт)*. Увидишь, не пожалеешь.

Смерть. Ты мне зубы не заговаривай. Сдавай карты, да принеси лимонаду и выставь наконец хоть что-нибудь на стол. Господи Боже, к тебе гость пришел, а у тебя даже картофельных чипсов нет или хоть сухариков.

Н а т. Внизу стоит чашка с «М&М».

Смерть. «М&М». А если к тебе президент зайвится? Ты его тоже «М&М» угощать будешь?

Н а т. Ты не президент.

Смерть. Сдавай.

Нат сдает, открывает пятерку.

Н а т. Не хочешь сыграть по центру за десять очков? Все интереснее будет

Смерть. А так тебе недостаточно интересно?

Н а т. Я на деньги лучше играю.

Смерть. Как скажешь, Ньют.

Н а т. Н а т. Нат Акерман. Ты что же, и имени моего не помнишь?

Смерть. Нат, Ньют – знал бы ты, как у меня голова болит.

Н а т. Тебе эта пятерка нужна?

Смерть. Нет.

Н а т. Ну, так бери из колоды.

Смерть (*вытаскивая из колоды карту и разглядывая те, что держит в руке*). Иисусе, совершенно нечем играть.

Н а т. А на что это похоже?

Смерть. Что на что?

При дальнейшем обмене репликами они продолжают брать и сбрасывать карты.

Н а т. Смерть.

Смерть. На что она может быть похожа? Лежишь себе и лежишь.

Н а т. И все?

Смерть. Ага, ты двойки набираешь.

Н а т. Я тебя спрашиваю, больше ничего не будет?

Смерть (*рассеянно*). Сам увидишь.

Н а т. А, так видеть я все-таки буду?

Смерть. Ну, может, я не так выразился. Ты давай, сбрасывай.

Н а т. Получить от тебя ответ – это что-то.

Смерть. Я, между прочим, в карты играю.

Н а т. Ладно-ладно, играй.

Смерть. И тем временем отдаю тебе одну карту за другой.

Н а т. Ты все-таки в сброшенные-то не заглядывай.

Смерть. Я и не заглядываю. Я их выравниваю. На скольких раскрываемся?

Н а т. На четырех. А ты уже раскрываться собрался?

Смерть. Кто это сказал? Я только спросил: на скольких раскрываемся?

Н а т. А я спросил, что меня ожидает.

Смерть. Играй давай.

Н а т. Ну хоть что-то ты мне можешь сказать? Куда мы направимся?

Смерть. Мы? Если хочешь знать правду, ты просто свалишься на пол и будешь лежать тут, как узел с тряпьем.

Н а т. Да-а, просто жду и дожждаться не могу. А больно будет?

Смерть. Очень скоро узнаешь.

Н а т. Замечательно. (*Вздыхает.*) Только этого мне и не хватало. Человек только что слился с «Оригинальными Модистками»...

Смерть. Как насчет четырех очков?

Н а т. Раскрываешься?

Смерть. Четыре очка тебя устроят?

Н а т. Нет. У меня два.

Смерть. Шутишь?

Н а т. Какие шутки? Ты проиграл.

Смерть. Господи Иисусе, а я думал, ты шестерки копишь.

Н а т. Выходит, ошибся. Тебе сдавать. Двадцать очков, два списываем. (*Смерть сдает карты.*) Значит, говоришь, на пол упаду? А нельзя, чтобы я, когда это случится, стоял у софы?

Смерть. Нельзя. Играй.

Н а т. А почему нельзя?

Смерть. Потому что ты на пол должен упасть! Оставь меня наконец в покое. Я пытаюсь сосредоточиться.

Н а т. Но почему обязательно на пол? Я же ни о чем больше не спрашиваю. Почему, когда это случится, я не могу стоять у софы?

Смерть. Ладно, я постараюсь сделать как лучше. Будем мы играть или не будем?

Н а т. Уж и спросить нельзя! Ты мне напоминаешь Моисея Лефковица. Такой же упрямый.

Смерть. Видали, я ему Моисея Лефковица напоминаю. Я страшнее всего, что он способен себе представить, и я напоминаю ему Моисея Лефковица. Он кто, скорняк?

Н а т. Сам ты скорняк. Он зашибает по восемьдесят тысяч в год. Позумент, галуны. Собственная фабрика. Два очка.

Смерть. Что?

Н а т. Два очка. Я открываюсь. У тебя сколько?

Смерть. С моими только в баскетбол выигрывать.

Н а т. Тузы собирал.

Смерть. Хоть бы ты говорил поменьше.

Новая сдача, игра продолжается.

Н а т. А что ты там такое толковал, насчет первого задания?

Смерть. А как по-твоему?

Н а т. Не понимаю, разве до сих пор никто не умирал?

Смерть. Умирили, конечно. Только их не я забирал.

Н а т. А кто же?

Смерть. Другие.

Н а т. Значит, есть и другие?

Смерть. А то. Каждый отходит по-своему.

Н а т. Не знал.

Смерть. Да откуда ж тебе знать. Кто ты вообще такой?

Н а т. Что значит – кто я такой? Я что, по-твоему, пустое место?

Смерть. Не пустое. Ты – производитель готового платья. Так откуда ж тебе знать тайны вечности?

Н а т. О чем ты говоришь? Я делаю хорошие деньга. У меня двое детишек университет окончили. Один работает в рекламе, другой женился. Собственный дом. Езжу на «крайслере». У жены есть все, что она хочет. Горничные, норковая шуба, курорты. Она как раз сейчас на Иден-рок. Пятьдесят долларов в день, потому что ей, видишь ли, угодно отдыхать с родной сестрой. Я и сам туда собирался на той неделе – так кто ж я, по-твоему, забулдыга с улицы, что ли?

Смерть. Ну, хорошо. Что ты так нервничаешь?

Н а т. Кто нервничает?

Смерть. Если бы я так же вот обижался на каждое слово, тебе бы это понравилось?

Н а т. Я тебя обидел?

Смерть. Разве ты не сказал, что разочарован во мне?

Н а т. А чего ты ждал? Что я в твою честь вечеринку устрою?

Смерть. Я не об этом. Я о твоём отношении ко мне лично. Я тебе и ростом не вышел, я и то, я и это...

Н а т. Но я всего лишь сказал, что ты похож на меня. Вроде как отражение в зеркале.

Смерть. Ладно, ладно. Сдавай.

Продолжают играть, тем временем возникает музыка, свет меркнет, пока не наступает полная тьма. Когда свет снова медленно разгорается, видно, что время уже позднее, игра окончена. Нат подводит итоги.

Н а т. Семьдесят восемь... сто пятьдесят... В общем, ты здорово продулся.

Смерть (*сокрушенно перебирая карты*). И ведь знал же я, что не надо сбрасывать

девятку. Вот черт!

Н а т. Стало быть, до завтра.

Смерть. То есть как это – до завтра?

Н а т. Я выиграл лишний день. Так что оставь меня в покое.

Смерть. Ты что, серьезно?

Н а т. Мы же договорились.

Смерть. Да, но...

Н а т. Какое еще «но»? Я выиграл двадцать четыре часа. Приходи завтра.

Смерть. Я не думал, что мы играем на время.

Н а т. Сочувствую. Надо было внимательней слушать.

Смерть. Где же я теперь околачиваться буду целые сутки?

Н а т. А это мне без разницы. Главное, я выиграл лишний день.

Смерть. Нет, а я-то что, по-твоему, должен делать – по улицам гулять?

Н а т. Сними номер в отеле, в кино сходи. Отдохни. И не устраивай из этого мировую трагедию.

Смерть. Подсчитай еще раз очки.

Н а т. А, да, ты еще должен мне двадцать восемь долларов.

Смерть. Сколько?

Н а т. Ровно столько, дружок. Вот – можешь сам посмотреть.

Смерть (*шаря по карманам*). У меня всего-то доллара три-четыре, где я тебе возьму двадцать восемь?

Н а т. Выпиши чек.

Смерть. Ты думаешь, у меня счет есть?

Н а т. Господи Боже, с кем приходится дело иметь!

Смерть. А ты на меня в суд подай. Где я, по-твоему, должен был счет завести?

Н а т. Ладно, давай что у тебя есть, и будем считать, что мы квиты.

Смерть. Погоди, мне эти деньги самому нужны.

Н а т. На что они тебе?

Смерть. Нет, вы послушайте, что он говорит! Мы же с тобой отправляемся в Загробный мир.

Н а т. И что?

Смерть. И то. Ты знаешь, сколько туда переть?

Н а т. И что?

Смерть. Что-что? А бензин? А дороги платные?

Н а т. А, так мы на машине поедем?

Смерть. Там узнаешь. (*Взволнованно.*) Послушай, когда я завтра приду, ты должен дать мне шанс отыгаться. Иначе я такие неприятности наживу...

Н а т. Как хочешь. Но только ставки удваиваются. Я намерен отыграть еще неделю, если не месяц. А судя по тому, как ты играешь, так, может, и несколько лет.

Смерть. В хорошенькую историю я вляпался.

Н а т. До завтра.

Смерть (*которую Нат понемногу оттесняет к двери*). Тут приличный отель поблизости есть? Хотя на что мне отель, у меня же денег ни цента. Придется отсиживаться в какой-нибудь забегаловке. (*Прихватывает газету.*)

Н а т. Ну-ка, ну-ка! Это моя газета. (*Отбирает ее.*)

Смерть (*выходя из спальни*). И чего я сразу его не забрал, делов-то? Так нет, надо было усесться с ним в карты играть.

Н а т (*кричит вслед уходящей Смерти*). Поосторожней там, на лестнице. У меня ковер на одной ступеньке проскальзывает.

Словно бы в ответ, слышится грохот и жуткий удар. Нат вздыхает, затем, перейдя спальню, снимает с телефона трубку и набирает номер.

Н а т. Алло, это ты, Моисей? Слушай, не знаю, может, тут кто шутки шутит или что, но ко мне только что приходила Смерть. Мы с ней в кункен играли... Да нет же, Смерть.

Собственной персоной. Или кто-то выдающий себя за Смерть. Нет, ты послушай, Моисей, это такой шлимазл!

ЗАНАВЕС

Смерть

Пьеса

Действующие лица

Клайнман Мужчина

Хэнк Полицейский

Ал Билл

Сэм Фрэнк

Джон Дон

Хэкер Генри

Виктор Помощник судьи

Анна Спиро

Доктор Эйб

Джина Маньяк

Занавес поднимается. На сцене – спящий Клайнман. Два часа ночи. Громкие удары в дверь. С большим трудом Клайнман заставляет себя наконец встать с постели.

Клайнман. Кто там?

Голоса. Откройте! Эй, открывайте, мы знаем, что вы здесь! Откройте! Откройте, говорят!

Клайнман. Что?! Что такое?

Голоса. Да откройте вы!

Клайнман. Что? Подождите! *(Включает свет.)* А кто там?

Голоса. Сказано вам – откройте! Ну... открывайте же!

Клайнман. Кто это?

Голоса. Давайте, Клайнман, пошевеливайтесь.

Клайнман. Хэкер... Голос Хэкера. Это вы, Хэкер?

Голоса. Клайнман, откроете вы или нет!

Клайнман. Иду, иду... Я же спал! Подождите, сейчас! *(С трудом ворочает заплетаящимся языком. Смотрит на часы.)* Боже мой, полтретьего... Иду! Подождите! *(Отпирает дверь, и в комнату вваливаются несколько человек.)*

Хэнк. Господи, Клайнман, вы что, оглохли?

Клайнман. Я спал. Сейчас же полтретьего! А что случилось?

Ал. Вы нам нужны. Одевайтесь!

Клайнман. Что?!

С э м. И поскорее, Клайнман! У нас нет времени!

Клайнман. Что все это значит?

Ал. Пошли, пошли. Клайнман. Куда, Хэкер? Куда я должен идти посреди ночи?

Х э к е р. Да проснитесь же вы!

Клайнман. Что происходит? Джон. Не прикидывайтесь. Клайнман. Это я прикидываюсь? Я же спал, крепко спал. Что, по-вашему, я делал в полтретьего, танцевал, что ли? Хэкер. Нам нужны все мужчины. Клайнман. Для чего? Виктор. Что с вами, Клайнман? Вы где витеаете? Неужели вам не известно, что происходит?

Клайнман. Я не понимаю... о чем речь? Ал. О патрулировании. Клайнман. О чем? Ал. О патрулировании. Джон. И теперь у нас есть план. Хэкер. Хорошо продуманный план. Сэм. Замечательный план. Клайнман. Послушайте, кто-нибудь объяснит мне все-таки,

почему вы пришли сюда? Я уже замерз стоять в одних трусах. Хэкер. Могу сказать только, что нам нужны люди... Чем больше, тем лучше. А теперь одевайтесь. В и к т о р (с угрозой). И поживее.

Клайнман. Хорошо, я оденусь... Но позвольте все-таки узнать, что стряслось. (Опасливо озираясь, натягивает первые попавшиеся брюки.)

Джон. Убийца обнаружен. Две женщины видели, как он входил в парк.

Клайнман. Какой убийца?

Виктор. Клайнман, некогда болтать.

Клайнман. Что значит болтать? Что еще за убийца? Вы врываетесь в дом... Я крепко сплю...

Хэкер. Убийца Ричардсона, убийца Джемпела.

Ал. Убийца Мэри Куилти.

Сэм. Маньяк.

Хэнк. Душитель.

Клайнман. Какой маньяк? Какой душитель?

Джон. Тот самый, что убил сына Айслера и задушил Дженсена струной от рояля.

Клайнман. Дженсена?.. Здоровенного ночного сторожа?

Хэкер. Его самого. Убийца напал сзади. Осторожно подкрался и накинул на шею струну. Дженсена нашли уже посиневшим. В уголке рта засохла слюна.

Клайнман (озирается вокруг). Да-да... я все понимаю... но мне завтра на работу.

Виктор. Пойдемте, Клайнман. Нам надо схватить убийцу, пока он не нашел очередную жертву.

Клайнман. Нам? Мне с вами?

Хэкер. Да. Полиция, как выяснилось, с этим не справляется.

Клайнман. Значит, надо писать жалобы. Я как встану, сразу же этим займусь.

Хэкер. Клайнман, полицейские и так делают все, что могут. Но они совершенно сбиты с толку.

Сэм. Все сбиты с толку.

Ал. Неужели вы ничего не слышали?

Джон. Да кто в это поверит?

Клайнман. Поймите, сейчас самая напряженная пора... У нас столько работы... (Его простодушие впечатления не производит.) Даже на обед не ходим, а я ведь люблю поесть. Хэкер подтвердит, что я люблю поесть.

Хэкер. Но этот кошмар начался не вчера... Вы что, не следите за новостями?

Клайнман. Просто не успеваю.

Хэкер. Все в ужасе. По вечерам люди боятся выйти на улицу.

Джон. Да что там на улицу! Сестры Саймон забыли запереть дверь и были убиты дома. Глотку перерезали – от уха до уха.

Клайнман. Мне показалось, вы говорили, что он душитель.

Джон. Клайнман, не будьте наивным.

Клайнман. После всего, что вы рассказали, придется сменить дверной замок.

Хэкер. Ужас! Кто знает, когда он нападет в следующий раз?

Клайнман. А когда все это началось? Странно, что я ничего не слышал.

Хэкер. Сперва был один труп, затем другой, потом еще и еще. Все вокруг в панике, все, кроме вас.

Клайнман. Не волнуйтесь, теперь и я в панике.

Хэкер. Маньяков ловить трудно, ведь они убивают безо всякой причины. Не знаешь, за что зацепиться.

Клайнман. Может, он сначала кого-нибудь ограбил, изнасиловал или, скажем, пощекотал?

Виктор. Нет. Душил – и всё.

Клайнман. И Дженсена тоже... Он же такой сильный.

Сэм. Был сильный, а теперь синий. Лежит с высунутым языком.

Клайнман. Синий... Для сорокалетнего мужчины это не самый подходящий цвет... И

что, никаких улик? Волоска там или отпечатков пальцев?

Хэкер. Найден волос.

Клайнман. Так что же? Сегодня большего и не требуется. Положите его под микроскоп. Раз, два, три – и все ясно. Какого он цвета?

Хэкер. Как у вас.

Клайнман. Да что вы на меня уставились! У меня в последнее время волосы не выпадают. Я... Послушайте, не сходите с ума... Главное, не отступить от логики.

Хэкер. Ну-ну.

Клайнман. Иногда жертвы выбираются по какому-нибудь признаку. Скажем, только медсестры или только лысые... или, скажем, лысые медсестры.

Джон. Ну, тогда подскажите нам, что общего между жертвами.

Сэм. Да, что общего между сыном Айслера, Мэри Куилти, Дженсенем, Джемпелом...

Клайнман. Ну, если бы я знал больше об этом деле...

Ал. Если бы он знал больше! Между ними нет ничего общего. Кроме того, что они все были живыми, а теперь все мертвы. В этом они, конечно, похожи.

Хэкер. Он прав. Клайнман, поверьте, опасность грозит любому, в том числе и вам.

Ал. Он, видать, просто хочет себя успокоить.

Джон. Точно.

Сэм. Клайнман, убийства между собой никак не связаны.

Виктор. Это вам не медсестры!

Ал. Он может убить каждого.

Клайнман. Я себя не успокаиваю. Спросить нельзя...

Сэм. Всё, хватит идиотских вопросов. Пора заняться делом.

Виктор. Мы очень волнуемся. Следующей жертвой может оказаться любой из нас.

Клайнман. Послушайте, я в этом ничего не смыслю. Откуда мне знать, как выслеживают людей! Я буду только мешать. Позвольте мне помочь деньгами. Считайте это моим вкладом в общее дело. Давайте я пожертвую несколько долларов...

Сэм (*подходит к письменному столу и замечает волос*). Что это?

Клайнман. Где?

Сэм. Здесь, в вашей расческе. Это же волос.

Клайнман. Конечно. Я ведь ею расчесываюсь.

Сэм. Тот же цвет, что и у волоса, найденного полицией.

Клайнман. Вы что, с ума посходили?! Он же черный. Вокруг миллионы черных волос. Зачем вы кладете его в конверт? Это обычный волос. Вот (*указывает на Джона*), смотрите, у него тоже черные волосы.

Джон (*хватает Клайнмана*). Вы в чем меня обвиняете, Клайнман?

Клайнман. Никто никого не обвиняет! Он мой волос в конверт положил! Отдайте мой волос! (*Хватает конверт, но Джон отталкивает Клайнмана.*)

Джон. Отстаньте от него!

С э м. Я выполняю свой долг.

Виктор. Он прав. Полиция обратилась за помощью ко всем жителям.

Хэкер. Да, и теперь у нас есть план.

Клайнман. Какой план?

А л. Мы ведь можем на вас рассчитывать, правда?

Виктор. Конечно, мы рассчитываем на Клайнмана. Ему отведено место в плане.

Клайнман. Место в плане? Мне? Что это за план?

Джон. Не беспокойтесь, вам сообщат.

Клайнман. А мой волос обязательно должен быть в конверте?

Сэм. Одевайтесь, мы подождем вас внизу. Только побыстрее, и так столько времени потеряли!

Клайнман. Хорошо, но хотя бы два слова про план!

Х э к е р. Клайнман, ради Бога, пошевеливайтесь. Речь идет о жизни людей. Оденьтесь потеплее. На улице холодно.

Клайнман. Хорошо, хорошо... Но все-таки, что это за план? Зная план, я смогу его

обдумать.

Они, однако, уходят, и Клайнман начинает нервно и неуклюже одеваться.

Черт, где этот проклятый рожок?... С ума сойти... разбудить человека среди ночи и наговорить таких ужасов! За что мы платим полиции? Спишь себе мирно в уютной теплой кровати, и вдруг, нате вам, заставляют ловить убийцу-маньяка, который подкрадывается сзади и...

Незаметно для Клайнмана входит со свечой сварливая супруга.

Анна. Клайнман?

Клайнман (*оборачивается, до смерти перепуганный*). Кто это?

Анна. Что?

Клайнман. Ради Бога, никогда больше так ко мне не подкрадывайся!

Анна. Я слышала голоса.

Клайнман. Да, туг ко мне приходили. Оказывается, я должен патрулировать улицы.

Анна. Прямо сейчас?

Клайнман. Да, до утра ждать нельзя. По городу, говорят, разгуливает убийца. Он по ночам работает.

Анна. А, этот маньяк.

Клайнман. Слушай, если ты что-то знала о нем, то почему же ни слова мне не сказала?

Анна. Потому что каждый раз, как я о нем заговариваю, ты отказываешься слушать.

Клайнман. Кто?Я?

Анна. Ты всегда или работаешь, или еще чем-нибудь занимаешься.

Клайнман. Но я не виноват, что сейчас работы по горло, самая горячая пора.

Анна. Я говорила тебе про нераскрытое убийство, про два нераскрытых убийства, про шесть, но ты всегда отмахивался: «Потом, потом».

Клайнман. Да потому что ты вечно лезешь не вовремя.

Анна. Неужели?

Клайнман. Возьмем мой день рождения. У меня прекрасное настроение, я разворачиваю подарки. Вдруг появляешься ты – с вытянутым лицом – и говоришь: «Читал газету? Про девушку, которой горло перерезали?» Другое время ты не могла выбрать? У человека в кои веки маленькая радость, а тут ты со своим загробным голосом.

Анна. А ты только приятное и слушаешь, остальное – всегда не вовремя.

Клайнман. Ладно, хватит. Где мой галстук?

Анна. Зачем тебе галстук? Ты же собрался охотиться на маньяка.

Клайнман. Ну и что?

Анна. А одеваешься как на королевскую охоту.

Клайнман. Откуда я знаю, кого встречу! Вдруг мой начальник тоже там.

Анна. Не сомневаюсь, что он одет очень просто.

Клайнман. Надо же... привлечь меня к поискам убийцы. Я же коммивояжер.

Анна. Не позволяй ему заходить за спину.

Клайнман. Хорошо, Анна, так и передам ему: мол, ты велела все время быть на виду.

Анна. Ну что ты злишься? Поймать-то его все равно надо.

Клайнман. Вот пусть полиция и ловит. А мне туда идти страшно. Темень-то какая. И холодно.

Анна. Хоть раз в жизни будь мужчиной.

Клайнман. Тебе легко говорить – ты сейчас пойдешь досыпать.

Анна. А вдруг он к нам в окно влезет!..

Клайнман. Тогда я тебе не завидую.

Анна. Если нападет, я на него перец дуну.

Клайнман. Что?!

Анна. Я возле кровати специально перец держу, если он появится – дуну прямо ему в глаза!

Клайнман. Прекрасная мысль. Поверь, Анна, если он здесь окажется, то размажет

тебя по потолку вместе с твоим перцем.

Анна. У меня все двери на двойных запорах.

Клайнман. Не знаю... может, и мне взять немного перца.

Анна. Вот, возьми. *(Дает ему амулет.)*

Клайнман. Что это?

Анна. Амулет, отвращающий зло. Я купила его у нищего калеки.

Клайнман *(разглядывает без особого энтузиазма)*. Хорошо. Но дай-ка мне все-таки перец.

Анна. Ну что ты так разволновался? Не один же ты там будешь.

Клайнман. Это верно. И у них к тому же какой-то хитроумный план.

Анна. Какой?

Клайнман. Еще не знаю.

Анна. С чего же ты взял, что он такой хитроумный?

Клайнман. Потому что его придумали лучшие умы города. Поверь мне, они знают, что делают.

Анна. Хочется верить, раз уж ты влип в это дело.

Клайнман. Ладно, запри все двери и никому не отпирай, даже мне, если, конечно, я не заору: «Открой дверь!» В этом случае открывай немедленно.

Анна. Удачи, Клайнман.

Клайнман *(смотрит в окно. Ночная тьма)*. Ты посмотри только... Хоть глаз выколи...

Анна. Я никого не вижу.

Клайнман. Я тоже. А ведь должно быть столько людей... у них там факелы и все такое.

Анна. Что ж, раз они говорят, что есть план...

Клайнман. Анна!

Анна. Да?

Клайнман *(смотрит в ночь)*. Ты о смерти когда-нибудь думаешь?

Анна. С чего это вдруг я о смерти буду думать? А ты что, думаешь?

Клайнман. Не часто, но случается, и, знаешь, я представляю себе смерть совсем иначе – не оттого, что задушат или перережут горло.

Анна. Я тоже надеюсь, что этого не случится.

Клайнман. Я собираюсь умереть более достойно, Анна. Ну, знаешь, на свете столько способов умереть.

Клайнман. Например?

Анна. Например? Ты спрашиваешь, как можно умереть достойно?

Клайнман. Да.

Анна. Надо подумать.

Клайнман. Ну.

Анна. Яд.

Клайнман. Яд? Но это ужасно!

Анна. Почему?

Клайнман. Ты что, смеешься? Яд вызывает судороги.

Анна. Необязательно.

Клайнман. Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

Анна. Я говорю о цианистом калии.

Клайнман. О, да ты специалист! Но я не такой дурак, чтобы есть отраву. Я ее сразу чувствую, даже когда ем несвежие креветки.

Анна. Это не отраву, а пищевое отравление.

Клайнман. Все равно, кто станет глотать всякую гадость?

Анна. От чего же ты собираешься умереть?

Клайнман. От старости. Через много лет. Когда пройду свой долгий жизненный путь. В девяносто лет. Лежа в уютной постели и окруженный родственниками.

Анна. Все это мечты. На самом деле маньяк-убийца может в любой момент свернуть тебе шею или перерезать глотку, прямо сейчас, не дожидаясь, пока тебе стукнет

девяносто.

Клайнман. Анна, с тобой говорить – одно удовольствие!

Анна. Я просто за тебя беспокоюсь. Посмотри в окно. Где-то там бродит убийца, в такую темную ночь он может прятаться повсюду – в переулках, под порталами или железнодорожными мостами. В темноте ты и не заметишь, где он притаился со своей удавкой.

Клайнман. Ладно, ты своего добилась – я возвращаюсь в постель.

Стук в дверь.

Голос. Клайнман! Пойдемте! Клайнман. Иду, иду! *(Целует Анну.)* Ну, до

скорого. Анна. Смотри в оба.

Клайнман выходит из дома. Его поджидает Ал, которого оставили присмотреть за Клайнманом.

Клайнман. Не пойму, почему так срочно

понадобился именно я? А л. Преступника ловят все. Клайнман. А повезет мне. Я его обнаружу.

Черт, перец забыл! Ал. Что?

Клайнман. Где остальные? А л. Ушли. Главное – не отступить от плана. Клайнман. Итак, что же это за план такой замечательный?

Ал. Вы все узнаете.

Клайнман. Когда? После того, как схватят убийцу?

Ал. Потерпите.

Клайнман. Послушайте, сейчас поздно, холодно. К тому же я нервничаю.

Ал. Хэкер с остальными должен был уйти, но велел передать, что очень скоро вы узнаете о своей роли в плане.

Клайнман. Хэкер так и сказал?

Ал. Да.

Клайнман. А что мне пока делать, раз уж я вылез из дому и оставил теплую постель?

Ал. Ждите.

Клайнман. Чего?

Ал. Указаний.

Клайнман. Каких указаний?

Ал. О вашей роли.

Клайнман. Я домой пошел.

Ал. Нет! Как вы можете? Сейчас одно неверное движение может стоить нам жизни. Думаете, я хочу отправиться на тот свет?

Клайнман. Тогда сообщите мне план.

Ал. Не могу.

Клайнман. Почему?

Ал. Мне он неизвестен.

Клайнман. Помилуйте, сейчас ночь, холодно... Ал. Понимаете, любому из нас известна лишь небольшая часть общего плана – то, что

он сам должен сейчас делать, причем рассказывать об этом другим запрещено. Это – мера предосторожности, чтобы маньяк не узнал, что мы задумали. Если каждый будет действовать как ему сказано, то и весь план завершится успехом. А до этого общий план не узнать, даже если кто-нибудь проболтается либо из него что-то вытянут принуждением или угрозами. Каждый отвечает только за свою небольшую часть плана, и даже если маньяк узнает ее, это ему все равно ничего не даст. Хитро придумано?

Клайнман. Потрясающе. Я не понимаю, что происходит, и возвращаюсь домой.

Ал. Больше ничего сказать не могу. А вдруг это вы всех убили?

Клайнман. Я?

Ал. Убийцей может оказаться любой из нас.

Клайнман. Ну уж не я. Чтобы я разгуливал по ночам и резал людей, когда у меня полно работы!

Ал. Клайнман, простите.

Клайнман. Так что все-таки мне делать? Какова моя роль?

Ал. На вашем месте я бы сделал все, что в моих силах, еще до того, как эта роль прояснится.

Клайнман. Но что я могу сделать?

Ал. Здесь трудно что-то советовать.

Клайнман. Ну, хотя бы намекнули, что ли... А то чувствую себя каким-то идиотом.

Ал. Вам может показаться, что у нас нет общего плана действий, но это неправда.

Клайнман. Вы так поспешно вытащили меня из дому! А теперь, когда я готов помочь, выясняется, что все ушли.

Ал. Мне надо идти.

Клайнман. Зачем же было меня торопить?.. Идти?! Что вы хотите сказать?

Ал. Тут я уже сделал все, что требовалось. Теперь мне надо быть в другом месте.

Клайнман. Значит, я останусь здесь, на улице, один?

Ал. Возможно.

Клайнман. Что значит «возможно»? Если сейчас нас двое и вы уйдете, то я останусь один. Арифметика простая.

Ал. Будьте осторожны.

Клайнман. Э, нет! Один я здесь не останусь! Шутите, что ли? Тут же этот псих где-то бродит! Я не умею общаться с психами. Я человек очень логичный.

Ал. По плану мы не должны быть вместе.

Клайнман. Послушайте, мы не влюбленная парочка. Мне не обязательно быть именно с вами. Меня устроят любые двенадцать сильных мужчин.

Ал. Я должен идти.

Клайнман. Я не хочу оставаться один. Я серьезно говорю.

Ал. Будьте осторожны.

Клайнман. Смотрите, вы еще не ушли, а у меня уже рука дрожит. Вы уйдете, и у меня начнет дрожать все тело.

Ал. Клайнман, от вас зависят жизни других. Не подводите нас.

Клайнман. Не надо на меня рассчитывать. Я ужасно боюсь смерти! Согласен делать что угодно, только не умирать.

Ал. Счастливо оставаться.

Клайнман. А как насчет маньяка? Есть какие-нибудь новости? Его еще где-нибудь видели?

Ал. Полиция видела, как кто-то огромный и страшный прятался возле фабрики мороженого. Но точно никто ничего не знает.

Уходит. Шаги удаляются и становятся все тише и тише.

Клайнман. С меня довольно! От этой фабрики надо будет держаться подальше. *(Клайнман один. Завывание ветра.)* Надо же... хорошенькое развлечение... оказаться ночью на улице... Не понимаю, почему я дома не мог дожидаться, пока мне дадут конкретное поручение? Что это за шум?! Ветер... Ох, не нравятся мне эти завывания. Сейчас как сдует вывеску – и на меня! Так, надо успокоиться... Как-никак, на меня рассчитывают... Буду глядеть в оба и если замечу что-то подозрительное, сразу сообщу остальным... Правда, сообщать-то некому... Надо срочно с кем-то еще познакомиться... Пройти, что

ли, пару кварталов – вдруг встречу кого-нибудь из наших... Куда они запропастились? Или это входит в план? А может быть, Хэкер не выпускает меня из поля зрения, и если что-нибудь произойдет, то все придут мне на помощь... *(Нервно смеется.)* Уверен, что они не могли оставить меня одного ходить по улицам. Должны же они понимать, что этого психа мне не одолеть. У маньяка хватит сил на десятерых, а мне и с обычным человеком не справиться... Разве что я у них в качестве приманки... Это не исключено... Оставили меня здесь, как барашка?.. Убийца на меня набросится, а они с криками выскочат немедленно и схватят его, правда, они могут и медленно выскочить... Мне шею свернуть – ничего не стоит. *(В глубине сцены мелькнул черный силуэт.)* Что это было? Может быть, лучше пойти назад?.. Я уже забрел довольно далеко... Как же они

найдут меня, чтобы передать инструкции? И потом, я совсем не знаю этой части города... что же делать? Нет, лучше, по-моему, возвратиться, пока я окончательно не потерялся... *(Слышит, как кто-то приближается – медленно и зловеще.)* Боже... Шаги... У маньяков, наверное, тоже по две ноги... Господи, спаси...

Доктор. Это вы, Клайнман?

К л а й н м а н. Что? Кто это?

Доктор. Всего лишь доктор.

Клайнман. Вы меня напугали. Скажите, Хэкер или кто-нибудь из наших вам ничего не передавали?

Доктор. О вашей роли?

Клайнман. Да. Я тут как идиот болтаюсь по улицам и теряю время. То есть я, конечно, внимательно смотрю по сторонам, но если б знать, в чем мои функции...

Доктор. Действительно, Хэкер говорил о вас.

Клайнман. Что?

Доктор. Я не помню.

Клайнман. Прекрасно. Всеми забытый Клайнман.

Доктор. Да, мне кажется, он что-то говорил. Но я не уверен.

Клайнман. Слушайте, почему бы нам вместе не походить? Всякое ведь может случиться.

Доктор. Если желаете, пожалуйста, но только недолго. У меня другая задача.

Клайнман. Смешно как-то: встретить доктора среди ночи... Знаю я, как ваш брат любит ночные вызовы. Ха-ха-ха. *(Доктор не смеется.)* Ночь-то какая холодная... *(Молчание.)* Как вы думаете, мы его сегодня найдем? *(Молчание.)* Наверное, вам отвели какую-нибудь важную роль? А я вот своей до сих пор не знаю.

Доктор. У меня интерес чисто научный.

Клайнман. Да, конечно.

Доктор. Есть возможность исследовать его душевную болезнь. Узнать, почему он стал таким. Что толкает человека на подобные антиобщественные поступки. Нет ли у него каких-нибудь других странностей. Подчас те же импульсы, что побуждают маньяка к убийству, рождают в нем высокие творческие устремления. Это весьма сложное явление. К тому же мне интересно, сумасшедший ли он от рождения, ведь это может быть и результатом болезни, несчастного случая или враждебного окружения. Надо выяснить множество обстоятельств. К примеру: почему средством самовыражения для него является убийство? Делает ли он это по своей воле или слышит чьи-то голоса? Когда-то ведь считалось, что сумасшедших вдохновляют божественные силы. Словом, все это заслуживает самого тщательного изучения.

Клайнман. Конечно, но прежде его надо поймать.

Доктор. Да, Клайнман, и если я добьюсь своего, то сам детально исследую это существо, разрежу его всего до последней хромосомы. Я изучу каждую его клеточку под микроскопом. Разберусь, из чего он состоит. Разложу его соки. Исследую кровь, препарирую мозг, пока он не будет предо мною весь как на ладони.

Клайнман. А можно ли познать человека? Понимаете, не просто узнать о нем что-то, а познать его, то есть познать до конца, когда

дальше уже познавать нечего, я имею в виду полное познание, вы понимаете, что я подразумеваю под познанием? Понять. Постигнуть. Уяснить. Уразуметь.

Доктор. Клайнман, вы идиот.

Клайнман. Вы понимаете, о чем я говорю?

Доктор. Делайте свое дело, а я буду делать свое.

Клайнман. Я не знаю, что мне делать.

Доктор. Тогда не надо критиковать.

Клайнман. Никто и не критикует. *(Раздается чей-то вопль. Оба вздрагивают.)* Что это было?

Доктор. Слышите, шаги за спиной?

Клайнман. Я их с восьмилетнего возраста слышу.

Снова вопль.

Доктор. Кто-то идет.

Клайнман. Может, ему не понравилось, что его мозг собираются препарировать?

Доктор. Клайнман, шли бы вы лучше отсюда.

Клайнман. С превеликим удовольствием.

Доктор. Сюда! Быстро!

Приближаются чьи-то тяжелые шаги.

Клайнман. Там тупик. Доктор. Я знаю, что делаю. Клайнман. Да, но нас поймают и зарежут.

Доктор. Вы что, со мной спорить будете?

Кто из нас доктор? Клайнман. Но я знаю этот переулок —

здесь тупик. Отсюда не выбраться! Доктор. До свидания, Клайнман. Делайте что хотите!

Убегают в сторону тупика.

Клайнман *(зовет Доктора)*. Подождите! Я извиняюсь! *(Слышно, как кто-то приближается.)* Надо успокоиться! Так что делать — бежать или прятаться? Побегу и спрячусь. *(Бежит и сталкивается с молодой женщиной.)* Ох!

Джина. Ах!

Клайнман. Кто вы?

Джина. А вы кто?

Клайнман. Клайнман. Вы слышали крики?

Джина. Конечно. Я так перепугалась. Не знаю даже, откуда они доносились.

Клайнман. Это неважно. Главное, что кто-то кричал, а это не сулит ничего хорошего.

Джина. Я боюсь.

Клайнман. Надо отсюда убираться.

Джина. Я не могу уходить слишком далеко. У меня задание.

Клайнман. Вы тоже участвуете в плане?

Джина. А вы разве нет?

Клайнман. Пока нет. Все никак не могу выяснить, что мне делать. Может, вы что-нибудь про меня слышали?

Джина. Вы Клайнман...

Клайнман. Так точно.

Джина. О Клайнмане я что-то слышала, а вот что именно — не помню.

Клайнман. Вы знаете, где Хэкер?

Джина. Хэкераубили.

Клайнман. Что?!

Джина. Кажется, это был Хэкер.

К л а й н м а н. Хэкер убит?

Джина. Я толком не поняла, про Хэкера они говорили или нет.

Клайнман. Никто ничего толком не знает! Никто понятия не имеет, что происходит. Это тоже входит в план? Нас всех перебьют как мух.

Джина. Может, это и не Хэкер был.

Клайнман. Пойдемте отсюда. Я удалился от того места, где мне предписано находиться. Возможно, меня уже ищут. Если план провалится, они еще, чего доброго, меня обвинят — я свое счастье знаю!

Джина. Не могу никак вспомнить, кого убили — то ли Хэкера, то ли Максвелла.

Клайнман. Скажу вам откровенно, патрулирование — дело нелегкое. Нечего такой молодой женщине делать на улице. Это мужская работа.

Джина. Мне не привыкать.

Клайнман. В самом деле?

Джина. Понимаете, я проститутка.

Клайнман. Что, серьезно?! Вот это да! Я раньше никогда не встречался с... Я думал, они выше ростом.

Джина. Ничего, что я вам сказала?

Клайнман. Вообще-то, я очень старомоден.

Джина. Неужели?

Клайнман. Я... Я, например, в такое время всегда сплю. Понимаете, всегда. Сейчас же глубокая ночь. Конечно, когда я болен или что-нибудь такое... но если у меня нет сильной рвоты, я сплю как дитя.

Джина. Во всяком случае, ночь сегодня ясная.

Клайнман. Да.

Джина. Все небо в звездах.

Клайнман. Честно говоря, я очень нервничаю. Лучше было бы сейчас находиться дома в постели. Ночью все так странно. Магазины закрыты. Не видно машин. Можно переходить улицу где хочешь... Никто не остановит...

Джина. Так ведь это здорово!

Клайнман. Знаете, у меня такое забавное чувство. Никаких следов цивилизации... Я мог бы снять брюки и носиться нагишом по главной улице.

Джина. Красота!

Клайнман. Я, конечно, не буду. Но мог бы.

Джина. А мне ночной город кажется таким холодным и темным, таким пустым. Точь-в-точь, наверное, как в космосе.

Клайнман. Я никогда не думал о космосе.

Джина. Но ведь вы в космосе. Мы плаваем в пространстве на этом огромном круглом шаре... вы даже не можете определить, где верх.

Клайнман. И это, по-вашему, хорошо? Я люблю точно знать, где верх, где низ и где моя ванна.

Джина. А как вы думаете, есть там жизнь, хотя бы на одной из миллионов звезд?

Клайнман. Лично я не знаю. Вообще-то я слышал, что на Марсе, может, и есть жизнь, но мне это рассказывал парень, который торгует трикотажем.

Джина. И все это пребудет вечно.

Клайнман. Как это вечно? Рано или поздно должен наступить конец. Верно? Я хочу сказать, что должен же быть когда-нибудь конец, за которым... ну, какая-нибудь там стена или что-то такое... надо быть логичным.

Джина. Вы хотите сказать, что Вселенная конечна?

Клайнман. Я ничего не хочу сказать. Я не собираюсь ни во что вмешиваться. Я хочу только знать, что я должен делать.

Джина (*показывает*). Посмотрите... Близнецы... два брата. А вон охотник Орион.

Клайнман. Где вы увидели Близнецов? Они совсем не похожи.

Джина. Посмотрите на ту крошечную звездочку... такую одинокую. Она едва видна.

Клайнман. Вы знаете, сколько до нее? Даже говорить не хочется.

Джина. Свет, который мы видим, покинул эту звезду миллионы лет назад. И только сейчас долетел до нас.

Клайнман. Я вас понимаю.

Джина. Вы понимаете, что свет летит со скоростью триста тысяч километров в секунду?

Клайнман. Если вы меня спросите, я скажу, что это очень быстро. Никакого удовольствия. Где теперь вообще найдешь комфорт?

Джина. Известно, что эта звезда исчезла миллионы лет назад и свету, который летит со скоростью триста тысяч километров в секунду, понадобились миллионы лет, чтобы достичь Земли.

Клайнман. Вы хотите сказать, что этой звезды там, возможно, и нет?

Джина. Совершенно верно.

Клайнман. Хотя я вижу ее собственными глазами?

Джина. Совершенно верно.

Клайнман. Но ведь это ужасно, потому что когда я вижу нечто своими глазами, то хотелось бы думать, что так оно и есть. А если вы правы, получается, что и остальные звезды могут быть такими вот потухшими, а мы, значит, просто узнаём об этом

последними...

Джина. Клайнман, кто знает, что есть реальность? Клайнман. Реальность – то, что вы можете

потрогать руками.

Джина. Ах! *(Клайнман целует Джину. Она страстно отвечает ему.)* С вас шесть долларов.

Клайнман. За что? Джина. Как? Вы же чуть-чуть пошалили... Клайнман. Ну да... чуть-чуть... Джина. А я, между прочим, на работе. Клайнман. Я понимаю, однако шесть долларов за короткий поцелуй... За шесть долларов я могу купить кашне... Джина. Ладно, давайте пять. Клайнман. А просто так вы никогда не целуетесь?

Джина. Клайнман, это бизнес. А для удовольствия я целуюсь с женщинами. Клайнман. С женщинами? Какое совпадение... я тоже... Джина. Мне надо идти. Клайнман. Я не хотел вас обидеть... Джина. А вы и не обидели. Просто мне пора уходить.

Клайнман. С вами ничего не случится? Джина. Мне надо выполнять задание. Надеюсь, и вы узнаете свое. Счастливо.

Клайнман *(кричит вслед)*. Я не хотел вести себя как животное, я вообще-то один из лучших людей, которых только знаю. *(Ее шаги затихают, и он остается один.)* Нет, дело зашло слишком далеко. Хватит, я возвращаюсь домой. Правда, завтра они могут прийти и спросить, где я был. Мол, план провалился, Клайнман, и по вашей вине. Как это по моей вине?! Нет, все равно они что-нибудь придумают. Им же понадобится козел отпущения. Может, в этом и состоит моя роль. Когда что-то не получается, виноват всегда я. Я... *(Слышит стон.)* Что такое? Кто здесь?

Доктор *(смертельно раненный вползает на сцену)*. Клайнман...

Клайнман. Доктор!

Доктор. Я умираю.

Клайнман. Я позову доктора.

Доктор. Я доктор.

Клайнман. Да, но вы – умирающий доктор.

Доктор. Слишком поздно... он меня поймал... о-о-ох. Бежать было некуда.

Клайнман. На помощь! На помощь! Эй, сюда!

Доктор. Перестаньте орать, Клайнман... Если не хотите, чтобы убийца и вас нашел.

Клайнман. Теперь мне уже все равно! На помощь! *(Подумав, что убийца все-таки может услышать крик, понижает голос.)* На помощь... Кто он? Вы его рассмотрели?

Доктор. Нет... внезапно... нож в спину... Клайнман. Жаль, что не в грудь. Вы бы его рассмотрели.

Доктор. Клайнман, я умираю... Клайнман. Главное, не принимать это близко к сердцу.

Доктор. Что за чушь вы несете? Клайнман. А что я могу сказать? Просто пытаюсь поддержать разговор...

Вбегает Мужчина.

Мужчина. Что случилось? Кто звал на помощь?

Клайнман. Доктор умирает... помогите... Одну минутку, вы что-нибудь обо мне слышали?

Мужчина. А вы кто?

Клайнман. Клайнман.

Мужчина. Клайнман... Клайнман... Что-то знакомое... Ах да, вас же разыскивают... Что-то важное...

Клайнман. Кто разыскивает?

Мужчина. По поводу вашей роли в плане.

Клайнман. Наконец-то.

Мужчина. Я скажу, что видел вас.

Убегает.

Доктор. Клайнман, вы верите в реинкарнацию?

Клайнман. Во что? Доктор. В переселение душ, когда душа умершего продолжает жить в иной оболочке?

Клайнман. В какой, например?

Доктор. Э... ну, в другом живом существе...

Клайнман. В чем? В животном, что ли?

Доктор. Да.

Клайнман. Вы хотите сказать, что, возможно, проживете следующую жизнь лягушкой?

Доктор. Забудьте об этом, Клайнман, я вам ничего не говорил.

Клайнман. Знаете, в жизни, конечно, всякое случается, но трудно поверить, что в этой жизни вы президент большой корпорации, а в загробной – бурундук.

Доктор. В глазах темнеет.

Клайнман. Послушайте, почему бы вам не рассказать мне о своей роли в плане? Вы же все равно выходите из игры, и я мог бы занять ваше место, ведь я до сих пор так и не выяснил, что мне надо делать.

Доктор. Вам это ничего не даст. Это задание мог выполнить лишь я один.

Клайнман. О, Господи! Никак не пойму, то ли это какой-то гениальный план, то ли его вообще не существует.

Доктор. Не предавайте нас, Клайнман. Вы нам нужны.

Умирает.

Клайнман. Доктор! Доктор! О, Боже! Что делать? К чертям! Отправляюсь домой!

Пусть они сами носятся по ночам как сумасшедшие. У меня работы по горло. Никто слова не скажет. Просто не хочу, чтобы меня потом во всем обвиняли. А с другой стороны, с чего это они меня будут обвинять? Я же пришел на помощь, когда меня позвали. Просто оказалось, что мне нечего делать.

Входят Полицейский и Мужчина, побежавший за помощью.

Мужчина. Здесь человек умирает? К л а й н м а н. Да, это я. Мужчина. Вы? А как же он? Клайнман. Он уже умер. Полицейский. Вы были его другом? Клайнман. Он у меня гланды вырезал.

Полицейский опускается на колени и осматривает тело.

Мужчина. Я однажды тоже умер.

Клайнман. Простите?

Мужчина. Умер, говорю. Мертвым был. Во время войны. Ранили меня. Положили на операционный стол. Хирурги стали пыхтеть, спасать. И вдруг – хлоп – и пульс остановился. Все кончилось. Говорят, у одного из них хватило ума сделать мне массаж сердца. Оно снова стало биться, и я ожил, но на какой-то миг я официально считался покойником... Да, мою смерть и наука подтвердила... Такая вот была история.

Я поэтому, когда трупешник вижу, всегда сочувствую.

Клайнман. Ну и как?

Мужчина. Что?

Клайнман. Когда умираешь. Видели что-нибудь?

Мужчина. Нет. Просто... полная пустота.

Клайнман. И что, никаких загробных воспоминаний?

Мужчина. Нет.

Клайнман. Мое имя не упоминалось?

Мужчина. Нет. Там ничего нет. Ничего нет после смерти, Клайнман. Ни-че-го.

Клайнман. Не хочу умирать. Еще рано. Не сейчас. Не хочу, чтобы со мной случилось то же, что с ним. В переулке... ножом... других задушил... даже Хэкера... маньяк.

Мужчина. Хэкера убил не маньяк.

К л а й н м а н. А кто?

Мужчина. Хэкер пал жертвой заговорщиков.

Клайнман. Заговорщиков?

Мужчина. Да, из другой группировки.

Клайнман. Какой еще другой группировки?

Мужчина. Вы что – не знаете про другую группировку?

Клайнман. Ничего я не знаю! Я блуждаю один.

Мужчина. Есть одна парочка. Шеферд и Уиллис. Они всегда возражали против плана Хэкера.

Клайнман. Что?

Мужчина. Видите ли, Хэкер не добился особых результатов.

Клайнман. Да и полиция тоже.

Полицейский (*поднимается*). Но мы добьемся. Если гражданские идиоты не будут путаться под ногами.

Клайнман. Я думал, вам нужна помощь.

Полицейский. Помощь – да. Но не беспорядок и паника. Не беспокойтесь, у нас есть уже пара улик, и мы вовсю используем компьютеры. У этих железяк превосходные мозги. Никогда не ошибаются. Посмотрим, сколько он против них продержится.

Опускается на колени.

Клайнман. Так кто же убил Хэкера?

Полицейский. Есть фракция, которая не разделяет его взглядов.

Клайнман. Кто? Шеферд и Уиллис?

Полицейский. Многие переметнулись на их сторону, поверьте. Я даже слышал, что от их группы откололась еще одна.

Клайнман. Как, еще одна фракция?

Полицейский. Да, у них есть свежие идеи, как поймать убийцу. Это как раз то, что нужно. Разные идеи. Если не удастся один план, возникает другой. Все естественно. Или вы против новых идей?

Клайнман. Я? Нет... Но они убили Хэкера...

Полицейский. Потому что он тормозил все дело. Потому что с ослиным упрямством доказывал, что его идиотский план единственно верный. Несмотря на то, что ничего не получалось.

Клайнман. Значит, теперь у нас несколько планов или как?

Мужчина. Точно. И надеюсь, вы не приверженец хэкеровского? Хотя многие, надо сказать, еще верят в него.

Клайнман. Я понятия не имею о хэкеровском плане.

Мужчина. Это хорошо. Тогда, возможно, вы будете для нас полезны.

Клайнман. Для кого «для нас»?

Мужчина. Не прикидывайтесь!

Клайнман. Да я и не прикидываюсь!

Мужчина. Пойдемте.

Клайнман. Никуда я не пойду! Я понятия не имею, что происходит.

Мужчина (*угрожает Клайнману ножом*). Мразь вонючая... жизнь или Смерть... выбирай!

Клайнман. Полиция!.. Констебль..

Полицейский. Ага, зовете на помощь, а на прошлой неделе еще называли нас кретинами, которые не могут поймать убийцу.

Клайнман. Это не я говорил.

Мужчина. Давай выбирай, ублюдок, на чьей ты стороне!

Полицейский. Всем наплевать, что мы работаем круглые сутки. Разные идиоты морочат нам голову. Куча психов утверждают, что они и есть убийцы, и умоляют, чтобы их наказали.

Мужчина. Долго еще будешь раздумывать? Может, тебе лучше глотку перерезать?

Клайнман. Нет-нет, я готов помочь, скажите только, что надо делать.

Мужчина. Так ты с Хэкером или с нами?

Клайнман. Хэкер мертв.

Мужчина. У него есть последователи. Или, может, тебе нравится еще какая-нибудь группа?

Клайнман. Хоть бы кто-нибудь объяснил мне, за что выступают все эти группы. Поймите, мне даже не сообщили план Хэкера. Ваш план мне тоже неизвестен. И про

другие группы я ничего не знаю.

Мужчина. Как тебе нравится эта овечка, Джек?

Полицейский. Да все он понимает, просто не хочет нам помочь. Тьфу, тошнит от этого мозгляка!

Появляются уцелевшие сторонники Хэкера.

Хэнк. А, вот и Клайнман! Где же вы болтались, черт возьми?

Клайнман. Я? Это вы где были?

С э м. Вы куда-то исчезли, как раз когда понадобились.

Клайнман. Мне никто ничего не сказал. Мужчина. Клайнман теперь с нами. Джон. Клайнман, это так? Клайнман. Что так? Я сам не понимаю, что так, что не так!

Появляются несколько человек из противоборствующей группировки.

Билл. Эй, Фрэнк! У тебя что – неприятности с этими парнями?

Фрэнк. Смеешься? Да что они могут?

Ал. Мы?

Фрэнк. Вы!

Ал. Ребята, если бы вы находились на своих местах, мы бы давно его поймали.

Фрэнк. Нам не нравился план Хэкера. Из него ничего не вышло.

Дон. Вот именно. А мы поймаем убийцу. Оставьте его нам.

Джон. Ничего мы вам не оставим. Пойдемте, Клайнман.

Фрэнк. Так ты, значит, с ними?

Клайнман. Я? У меня нейтралитет. Независимо от того, чей план лучше.

Генри. Нейтралитета быть не может, Клайнман.

Мужчина. Либо с ними, либо с нами.

Клайнман. Как выбирать, если я не знаю разницы. С одной стороны, скажем, яблоко. А с другой, допустим, груша? Или, может, оба они мандарины?

Фрэнк. Давайте его прикончим.

Сэм. Нет, вы больше никого не убьете.

Фрэнк. Неужели?

Сэм. Да. А когда мы поймем убийцу, кое-кто ответит за Хэкера.

Клайнман. Пока мы тут спорим, маньяк, может, убивает очередную жертву. Главное – это единство.

Сэм. Скажите об этом им.

Фрэнк. Главное – результат.

Дон. Пора разобраться с этими ребятами. А то так и будут путаться под ногами.

Ал. Ишь разговорился! Ну-ка, попробуй!

Билл. И не только попробуем!

Извлекаются ножи и дубинки.

Клайнман. Ребята, да вы что...

Фрэнк. Пришло время выбирать, Клайнман!

Генри. Не ошибись, Клайнман. Победит кто-то один.

Клайнман. Мы перебьем друг друга, а маньяк останется на свободе. Неужели вы не понимаете?.. Нет, они не понимают...

Вспыхивает драка. Вдруг все останавливаются и смотрят, как на сцену торжественно выходит величественная процессия, возглавляемая Помощником судьи.

Помощник судьи. Убийца! Мы обнаружили зону пребывания маньяка!

Драка прекращается, реплики: «Кто?», «Где?». Колокольный звон. Появляется группа людей. Впереди Ганс С п и р о, который, фыркая, ежесекундно обнюхивается.

Полицейский. Это экстрасенс Спиро. Мы попросили его помочь. Он телепат.

Клайнман. Правда? Тогда он должен очень пригодиться.

Полицейский. Он уже не одно убийство распутал. Ему требуется только что-нибудь понюхать или пощупать. Однажды в участке он сумел прочесть мои мысли. Сказал, с кем я был только что в кровати.

Клайнман. С вашей женой.

Полицейский (с презрением посмотрев на Клайнмана). Гляди-ка, ребята, еще один

телепат выискался!

Помощник судьи. Осталось последнее усилие, и наш телепат, мистер Спиро, скажет, кто же убийца. (*Расталкивая собравшихся и принюхиваясь, подходит Спиро.*) Он хочет понюхать вас.

Клайнман. Меня?

Помощник судьи. Да.

Клайнман. Зачем?

Помощник судьи. Достаточно того, что он хочет.

Клайнман. Но я не желаю, чтобы меня обнюхивали.

Фрэнк. Вы хотите что-то скрыть?

Все его поддерживают.

Клайнман. Нет, просто это меня нервирует. Полицейский. Нюхайте, мистер Спиро, нюхайте.

Спиро обнюхивает Клайнмана. Тому не по себе.

Клайнман. Что он делает? Мне нечего скрывать. Возможно, моя куртка немного отдает нафталином. Верно? Слушайте, прекратите меня нюхать! Меня это нервирует.

Ал. Нервирует?

Клайнман. Я не люблю, когда меня обнюхивают. (*Спиро принюхивается все сильнее.*) В чем дело? Что вы все так смотрите? А? А, знаю. Я пролил на брюки немного соуса... Есть, конечно, легкий запах, но не то чтобы очень... Это я в ресторане «Уилтон» капнул... Я люблю мясо... не жареное... То есть жареное, но не очень... не пережаренное... Знаете, заказываешь жареное, а приносят пережаренное...

Спиро. Это убийца. :

Клайнман. Что?!

Полицейский. Клайнман?

Спиро. Да, Клайнман.

Полицейский. Нет!

Помощник судьи. Мистер Спиро снова на высоте!

Клайнман. Что вы несете? Вы понимаете, что вы несете?

Спиро. Это преступник.

Клайнман. Вы сошли с ума. Спиро... да он же сумасшедший!

Генри. Значит, это вы, Клайнман.

Фрэнк (*кричит*). Эй! Сюда! Сюда! Мы поймали его!

Клайнман. Да вы что?

Спиро. Все точно. Сомнений нет. Билл. Клайнман, зачем ты это сделал? Клайнман. Что сделал? Вы что, ему верите?

Верите его носу? Помощник судьи. Сверхъестественные способности никогда не подводили мистера

Спиро. Клайнман. Да он же шарлатан! При чем тут мой запах?

С э м. Итак, убийца – Клайнман.

Клайнман. Ребята... да вы что... вы же меня все знаете...

Джон. Клайнман, зачем ты это сделал? Фрэнк. Отвечай. А л. Да потому, что он сумасшедший. Полный псих. Клайнман. Это я псих?! Посмотрите, разве психи так одеваются?

Генри. Да не скажет он ничего путного. Совсем свихнулся. Билл. У психов всегда так – они логичны во всем, кроме одного, кроме своего больного места, своего пунктика.

Сэм. Точно, Клайнман всегда был безумно логичный.

Генри. Вот именно – безумно! Клайнман. Это ведь шутка, правда? Потому что, если это не шутка, я буду кричать. Спиро. В который раз я благодарю Господа за дар, который он ниспослал мне.

Джон. Прямо сейчас его и вздернем! Единодушная поддержка.

Клайнман. Не подходите ко мне! Я ненавижу веревки!

Джина (*проститутка*). Он хотел на меня наброситься! Он меня внезапно схватил!

Клайнман. Я дал тебе пять долларов!

Клайнмана хватают.

Билл. У меня есть веревка.

Клайнман. Что вы делаете?

Фрэнк. Наконец-то в нашем городе наступит спокойствие. Навсегда.

Клайнман. Вы вешаете невинного человека! Я и муху не обижу... ну, разве что муху...

Полицейский. Нельзя его вешать без суда.

Клайнман. Конечно, нельзя! У меня есть права.

А л. А как насчет прав твоих жертв?

Клайнман. Каких жертв? Я требую своего адвоката! Слышите?! Я требую своего адвоката! Мне даже не предоставили адвоката!

Полицейский. Клайнман, вы признаете свою вину?

Клайнман. Нет, я невиновен! Абсолютно невиновен! Я не маньяк-убийца и никогда в прошлом им не был. Меня это не интересует даже как хобби.

Генри. Что вы сделали для поимки преступника?

Клайнман. Вас интересует моя роль в плане? Но мне его так и не сообщили.

Джон. А вам не кажется, что вы должны были узнать все сами.

Клайнман. Каким образом? Когда бы я ни спрашивал, мне отвечали всякую чушь.

Ал. Сами виноваты.

Фрэнк. Правильно. К тому же план был не один.

Билл. Конечно, мы разработали свой план.

Дон. Были и другие планы. Уж в каком-нибудь могли бы поучаствовать!

Сэм. Потому-то вы и не могли сделать выбор. Просто не хотели выбирать.

Клайнман. Между чем? Сообщите мне план. Я буду помогать. Используйте меня.

Полицейский. Поздно, Клайнман, поздно.

Генри. Клайнман, суд признал вас виновным. Вы будете повешены. У вас есть последнее желание?

Клайнман. Да. Если можно, не вешайте.

Генри. Простите, Клайнман, но тут мы бессильны.

Эйб (*появляется в сильном волнении*). Бежим! Скорее, побежали!

Джон. Что случилось?

Э й б. Мы загнали убийцу за здание склада.

Ал. Ерунда! Убийца – Клайнман.

Э й б. Нет. Он пытался задушить Эдит Кокс. Она его опознала. Скорее! Надо собрать как можно больше людей.

Сэм. Это кто-то из местных?

Э й б. Нет, чужой. Сбежал из тюрьмы.

Клайнман. Вот видите, видите! А вы собирались повесить невинного человека!

Генри. Клайнман, простите нас.

Клайнман. Да ладно. Надо же... как только они не знают, что делать, сразу хватаются за веревку.

С п и р о. Наверное, я ошибся.

Клайнман. А, это вы? Вам надо показаться отоларингологу! (*Все убегают.*) Хорошо, когда знаешь, кто твои друзья. Всё, я иду домой. Хватит с меня... Я устал... замерз... ну и ночка! Куда это я забрел?.. Черт, совсем не умею ориентироваться... Нет, не сюда... Надо слегка передохнуть и сориентироваться... От страха даже мутит немного... (*Шум.*) Господи!.. Кто здесь?

Маньяк. Клайнман?

Клайнман. Кто вы?

Маньяк (*внешне похож на Клайнмана*). Маньяк-убийца. Можно присесть? Ужасно устал.

Клайнман. Что?

Маньяк. Все за мной гоняются... Ношусь по

улицам, прячусь в парадных. По городу не могу ходить нормально – только крадусь... Они вроде считают, что мне это очень нравится.

Клайнман. Так что, вы... вы убийца?

Маньяк. Конечно.

Клайнман. Ну всё, мне пора!

Маньяк. Не надо волноваться. Я вооружен.

Клайнман. Неужели... неужели вы собираетесь меня убить?

Маньяк. Разумеется. Я только этим и занимаюсь.

Клайнман. Да вы просто псих.

Маньяк. Несомненно, полный псих. Думаете, нормальный человек стал бы людей резать? Я ведь даже никого не ограбил. Нет, серьезно, ни разу не взял ни гроша. Даже к какой-нибудь расческе и то не прикоснулся.

Клайнман. Зачем же вы это делаете?

Маньяк. Как зачем? Я же псих.

Клайнман. А выглядите вполне нормальным.

Маньяк. Не судите о людях по их внешности. Вот я, к примеру, псих.

Клайнман. А я как-то представлял вас высоким, черноволосым, страшным...

Маньяк. Ну, Клайнман... это ведь не кино. Я такой же, как вы. Клыки у меня должны быть, что ли?

К л а й н м а н. Но вы убили столько высоких, сильных мужчин... Они же были в два раза крупнее вас.

Маньяк. Разумеется. А все почему? Потому что подкрадывался сзади или убивал, когда они спали. Не буду же я нарываться на неприятности.

Клайнман. Но зачем все-таки вы это делаете? Маньяк. Да говорю же, псих я. Думаете, я сам знаю, зачем убиваю? Клайнман. Вам это нравится? Маньяк. Да при чем тут «нравится»? Убиваю – и все. Клайнман. Неужели вы не понимаете, что это возмутительно?

Маньяк. Если бы понимал, был бы нормальным.

Клайнман. И давно это у вас? Маньяк. Сколько себя помню. Клайнман. А вас не могут вылечить? Маньяк. Кто?

Клайнман. Ну, есть доктора... клиники... Маньяк. Думаете, доктора что-нибудь смыслят? Я ходил по врачам. Сделали мне анализ крови, сделали рентген. А то, что я псих, не обнаружили. Рентгеном не просвечивается.

Клайнман. А психиатры? Гипнотизеры? Маньяк. Ну, этих обдурить ничего не стоит.

Клайнман. Как это?

Маньяк. Я же веду себя как нормальный. А они мне кляксы какие-то показывали... Спрашивали, нравятся ли мне женщины. Я отвечаю: «А как же!»

К л а й н м а н. Да, ужасно.

Маньяк. У вас есть последнее желание?

Клайнман. Да вы что, в самом деле не шутите?

Маньяк. Хотите удостовериться, что у меня смех как у последнего психа?

Клайнман. Нет. Но все-таки прислушайтесь к голосу рассудка. *(Маньяк вынимает нож. Щелчок – и раскрывается лезвие.)* Если, убивая меня, вы не получаете ни малейшего удовольствия, зачем же это делать? Нелогично. Вы можете действительно с толком использовать свое время... Займитесь гольфом... станете сумасшедшим игроком в гольф!

Маньяк. Прощайте, Клайнман.

Клайнман. На помощь! На помощь! Убивают! *(Маньяк всаживает в него нож и убегает.)* О-о-ох! О-ох!

Собирается небольшая толпа. Слышны реплики: «Он умирает», «Клайнман умирает», «Умирает».

Джон. Клайнман, как он выглядел? Клайнман. Как я. Джон. Что значит – как вы? Клайнман. Похож на меня.

Джон. Но Дженсен говорил, что он выглядел как Дженсен... высокий, светловолосый,

похожий на шведа...

Клайнман. О-о-ох! Вы будете слушать Дженсена или вы будете слушать меня?

Джон. Хорошо, только не надо злиться...

Клайнман. Ладно, не буду, только не надо молотить чепуху... Он был похож на меня...

Джон. Ну, разве что он мастерски гримируется...

Клайнман. Кое-что он уж точно делает мастерски, к я бы вам советовал поторопиться!

Джон. Принесите ему воды.

Клайнман. Зачем мне воды?

Джон. Я думал, вы хотите пить.

Клайнман. Смерть не обязательно вызывает жажду. Если, конечно, тебя не зарезали сразу, как поел селедку.

Джон. Вы боитесь смерти?

Клайнман. Я не боюсь умирать, просто не хочется при этом присутствовать.

Джон (*задумчиво*). Рано или поздно он доберется до каждого из нас.

Клайнман (*бредит*). Помогите друг другу... Единственный враг – Господь.

Джон. Бедный Клайнман. Он бредит.

Клайнман. Ох... о-ох... охау-у-у. (*Слабеет.*)

Джон. Пойдемте, надо придумать другой план.

Начинают расходиться.

Клайнман (*едва заметно приподнимается*). И вот еще что: если загробная жизнь существует и мы все окажемся в одном месте, не зовите меня, я вас позову сам. (*Умирает.*)

Мужчина (*вбегает*). Убийцу видели возле железнодорожных путей! Скорее! Туда!

Все устремляются на поиски убийцы, а мы ОПУСКАЕМ ЗАНАВЕС.

Бог

Пьеса

Действие происходит в Афинах. Год примерно 500-й до Р. Х. Закат. В центре огромного пустого амфитеатра – два ошалелых грека. Один из них – Актер, другой – П и с а т е л ь. Они что-то обдумывают. Оба совершенно остервенели. Играть их следует парочке самых что ни на есть жлобских балаганных клоунов.

А к т е р. Э! Ни черта. Нет ничего, и не было.

П и с а т е л ь. Как это – ничего нет?

А к т е р. А так. Вообще. Вообще все – бред и бессмыслица.

П и с а т е л ь. Концовку бы!

А к т е р. А я тебе про что? Мы над чем с тобой бьемся-то? Ведь мы как раз и бьемся над концовкой.

П и с а т е л ь. И вечно мы с этой концовкой!

А к т е р. А написано потому что беспомощно.

Вот и приходится...

П и с а т е л ь. Да разве я что говорю? Она и в самом деле слабовата.

А к т е р. Слабовата! Да она просто неправдоподобна! Когда пишешь пьесу, вся штука знаешь в чем? Надо начать с конца. Заимей сначала хорошую ударную концовку. А потом пиши себе задом наперед!

П и с а т е л ь. Я пробовал! Получается пьеса без начала.

А к т е р. Но это же абсурд!

П и с а т е л ь. Абсурд? При чем тут абсурд?

А к т е р. В каждой пьесе должно быть начало, середина и конец.

П и с а т е л ь. А, собственно, зачем?

Актер (*доверительно*). Потому что в природе все имеет начало, середину и конец.

П и с а т е л ь. А как насчет кольца?

Актер (*задумчиво*). А... действительно. Начала у кольца нет; середины и конца тоже нет... Да проку-то с него что?!

П и с а т е л ь. Диабетус, пожалуйста, подумай о концовке! Ведь у нас премьера через три дня.

А к т е р. Это у *вас* премьера! Я в этой бредяти-не участвовать не собираюсь. Такой уважаемый актер, как я... От меня публика ждет ролей попроще!

П и с а т е л ь. Позвольте вам напомнить, уважаемый! Ты же полуголодный бедолага, которому я по доброте душевной разрешил выйти на публику в своей пьесе, чтобы как-то помочь тебе. Чтобы ты смог снова вернуться на сцену.

А к т е р. Полуголодный? Пожалуй. Давно работы не было? Может быть. Никак снова на сцену не выбиться? И это может быть, но чтобы пьяница?!

П и с а т е л ь. А я разве сказал, что ты пьяница?

А к т е р. Ты-то не сказал, да я-то знаю, что к тому же я пьяница.

Писатель (*в порыве внезапного вдохновения*). Слушай, а что, если твой персонаж выхватит из складок одежды кинжал и, в безумном порыве отчаяния, как полоснет себя по глазам!

А к т е р. Ааа! Тоже мне, выдумал! Ты что, не обедал сегодня?

П и с а т е л ь. А что? Чем плохо?

А к т е р. Тягостно очень. Публика как увидит такое...

П и с а т е л ь. Знаю, знаю. Начнет издавать всякие неподходящие звуки.

А к т е р. То есть освистывать!

П и с а т е л ь. Ну, хоть бы раз пробиться! Один разок, напоследок. Дали бы моей пьесе первую премию! Мне ведь плевать на их бесплатный кувшин нектара. Просто из принципа!

Актер (*озарен идеей*). А что, если царь вдруг передумает? Тут, кажется, есть некое рациональное зерно.

П и с а т е л ь. Да в жизни он этого не сделает!

Актер (*пытаясь сбыть свой товар*). А если попросит царица?

П и с а т е л ь. Чего это она просить-то станет? Она же сволочь!

А к т е р. А вот если бы троянцы сдались...

П и с а т е л ь. Как же! Они до последнего стоять будут!

А к т е р. А если Агамемнон нарушит слово?

П и с а т е л ь. Это не в его характере.

А к т е р. А если бы я вдруг выхватил меч и...

П и с а т е л ь. Это противоречило бы твоему характеру. Ты же трус! Бессовестный, безмозглый раб, и чести у тебя не больше, чем у червя. Иначе бы зачем ты мне был нужен?

А к т е р. Но я же только что предложил тебе шесть возможных концовок!

П и с а т е л ь. Одна топорнее другой!

А к т е р. Это пьеса твоя топорная, а не мои концовки!

П и с а т е л ь. Никогда люди так не ведут себя. Это противно их природе.

А к т е р. А мне их природа до фонаря! Нужна же нам какая-то концовка!

П и с а т е л ь. Поскольку человек – животное логичное, как драматург, я не могу допустить, чтобы мои персонажи делали бы на сцене то, чего в реальной жизни ни за что не сделают!

А к т е р. Смотри, не забудь, что сами-то мы в реальной жизни не существуем.

П и с а т е л ь. Ты что хочешь этим сказать?

А к т е р. Ты же знаешь: мы – персонажи пьесы, которую как раз сейчас играют на этой сцене. И нечего на меня кидаться! Не я ее придумал!

П и с а т е л ь. Мы – персонажи пьесы, в которой будут играть мою пьесу. Вроде как пьеса в пьесе... А они на нас смотрят.

А к т е р. Н-да. Сплошная философия, правда?

П и с а т е л ь. Да что там философия! Идиотство сплошное!

А к т е р. Так ты, что же, хотел бы среди них сидеть?

Писатель (*глядя в публику*). Еще чего! Ты взгляни на них только!

А к т е р. Тогда поехали дальше.

Писатель (*бормочет*). И за это они платили деньги!

А к т е р. Гепатитис! Я тебе говорю!

П и с а т е л ь. Да знаю. Все дело в концовке.

А к т е р. И вечно эта концовка!

Писатель (*неожиданно, к зрителям*). Слушайте, ребята, а может, вы нам что-нибудь предложите?

А к т е р. Не приставай к зрителям! Дернуло меня о них упомянуть!

П и с а т е л ь. Вот это влипши, а?! Мы, два древних грека в Афинах, сейчас будем смотреть мою пьесу, а ты – так даже играть в ней, а они – из какой-нибудь дыры вроде

Бруклина – глазуют на нас в чьей-то чужой пьесе! А что, если они – тоже персонажи какой-нибудь пьесы? И кто-нибудь на них тоже пришел посмотреть? А может, вообще ничего этого нет и все мы – только тени в чьем-нибудь сне? Или, – что совсем уже скверно, – существует только вон тот жирный дядька из третьего ряда?

А к т е р. Вот и я говорю. Что, если Вселенная устроена вовсе не так логично, а человек – штука гораздо более изменчивая, чем мы думаем? Тогда можно было бы изменить концовку: ведь ей не надо было бы соответствовать никакой наперед заданной идее. Да ты слушаешь или нет?

П и с а т е л ь. Конечно, нет. (*К зрителям.*) Вы что-нибудь понимаете? Он актер. Каждый день обедает в ресторане «Сарди».

А к т е р. Действующим лицам тогда не нужно было бы никаких наперед заданных характеров, и они могли бы вести себя как им вздумается. А мне бы не пришлось рабом быть. Из-за того, что ты так написал в своей дурацкой пьесе. Я мог бы взять да и стать героем.

П и с а т е л ь. Ну, так тогда и пьесы нет!

А к т е р. Нет пьесы? Я пошел. Найдешь меня у «Сарди».

П и с а т е л ь. Но, Диабетус! Ты же не хочешь, чтобы воцарился хаос!

А к т е р. Свобода – хаос?

П и с а т е л ь. Свобода? Это вопросик! (*К зрителям.*) Свобода и хаос, а? Есть тут кто-нибудь с философским образованием?

Откликается Девушка из публики.

Д е в и ц а. Я!

П и с а т е л ь. Вы кто?

Д е в и ц а. Вообще-то я кончила физкультурный, но философию мы тоже проходили.

П и с а т е л ь. Подойдите сюда, пожалуйста. А к т е р. Какого дьявола ты затеял? Д е в и ц а. Ничего, что я с физкультурного? П и с а т е л ь. Что? А, не важно, мы всех берем.

Она поднимается на сцену.

А к т е р. Ну, дает! Вообще уже!..

П и с а т е л ь. Ты чего там вякаешь?

А к т е р. Посреди пьесы! Господи! Кто она такая?

П и с а т е л ь. Через пять минут начнется Афинский Фестиваль Драмы, а у меня нет концовки!

А к т е р. Ну – и?

П и с а т е л ь. Появились серьезные философские проблемы. Существует ли мы? Существуют ли они? (*Имеет в виду публику.*) Что соответствует природе человека, что ей противно?

Д е в и ц а. Привет. Меня зовут Дора Леви.

П и с а т е л ь. Я – Гепатитис, он – Диабетус. Мы древние греки.

Д о р а. А я из Пенсильвании.

А к т е р. Гони ее со сцены!

Писатель (*оглядывает ее с головы до ног. Онамила*). А что? Очень сексуальная девушка.

А к т е р. Ну и что нам-то с этого?

Д о р а. Основной вопрос философии состоит в следующем: пусть в лесу упало дерево, а вокруг никого нет. Откуда мы знаем, что оно упало с треском?

Все озадаченно озираются.

А к т е р. Не все ли нам равно? Здесь же не лес, а Сорок Пятая улица!

П и с а т е л ь. Спать со мной будешь?

А к т е р. Оставь ее в покое!

Д о р а (к Актеру). А ты не лезь! Не твое дело!

П и с а т е л ь (к кулисам). Будьте добры, опустите занавес. На пять минуточек. (К зрителям.) Посидите немножко. Мы тут мигом.

А к т е р. Позорище! Это же бред какой-то! (К Доре.) Разве у вас никого нет?

Д о р а. А... Конечно, есть! (К зрителям.) Диана, иди к нам! Тут у меня два грека!.. (Ответа нет.) Она стесняется!

А к т е р. Ну ладно. Нам надо ведь пьесу тянуть. Придется обо всем доложить автору.

П и с а т е л ь. Так я же и есть автор!

А к т е р. Я имею в виду настоящего автора.

П и с а т е л ь (вполголоса, к Актеру). Диабетус, я, кажется, имею шанс!

А к т е р. Что значит шанс?! Сношение, что ли, устроить хочешь? При всем народе?

П и с а т е л ь. А мы занавес опустим. Из них ведь кое-кому тоже случается это делать. Правда, немногим, наверное.

А к т е р. Идиот! Она ведь еврейка, а ты так и вовсе вымышленный персонаж. Представляешь, какие получатся детки!

П и с а т е л ь. Диана! Вам представился случай познакомиться с... (называет настоящую фамилию актера). Он известный артист! Выступает по телевидению!

Актер (в трубку телефона). Соедините меня с городом.

Д о р а. Не хотелось бы, чтобы из-за меня начался скандал.

П и с а т е л ь. Никакого скандала. Просто мы тут немножко перестали понимать, где пьеса, а где настоящая жизнь.

Д о р а. А кто может сказать, что такое настоящая жизнь?

П и с а т е л ь. Золотые слова, Дора!

Д о р а (философически). Как часто бывает, – ты думаешь, что постиг смысл настоящей жизни, а на самом деле имеешь дело с обычным надувательством.

П и с а т е л ь. То чувство, которое я испытываю по отношению к вам, Дора, по-моему, самое настоящее!

Д о р а. Значит, секс – это настоящее?

П и с а т е л ь. Даже если и нет, все равно это одно из самых приятных надувательств, каким человеку дано предаваться.

Хватает ее, она увертывается.

Д о р а. Нет-нет. Только не здесь!

П и с а т е л ь. Почему бы и нет?

Д о р а. Я не знаю. Такая у меня реплика.

П и с а т е л ь. У тебя это было когда-нибудь с вымышленным персонажем?

Д о р а. Да был один итальянец, а так больше никого... Актер (говорит по телефону). Глухо доносится голос его абонента). Алло!

Т е л е ф о н (голос Служанки). Алло, квартира мистера Аллена.

А к т е р. Можно мистера Аллена? Голос Служанки. Кто это говорит?

А к т е р. Один из персонажей его пьесы. Служанка. Одну секундочку. Мистер Аллен, там вам звонит какой-то ваш персонаж.

А к т е р (к зрителям). Сейчас эти голубки у меня заворкуют!

Голос Вуди Аллена. Алло! А к т е р. Мистер Аллен! Вуди. Да?

А к т е р. Это Диабетус.

В у д и. Кто?

А к т е р. Диабетус. Персонаж, который вы создали.

В у д и. А... да, припоминаю, вы у меня довольно скверно получились. Как-то плосковато несколько.

А к т е р. Спасибо.

В у д и. Э, послушайте! Вы же должны сейчас быть на сцене!

А к т е р. Вот и я о том же. Мы тут какую-то девицу на сцену вытащили, так она никак уходить не хочет, а Гепатитус прет на нее как очумелый.

В у д и. Ну и как девица?

А к т е р. Да она – ничего, только больно уж в раж вошла.

В у д и. Что? Рыжая?

А к т е р. Брюнетка. Волосы длинные.

Вуди. А ножки?

А к т е р. Ну, и ножки тоже.

Вуди. А грудь как?

А к т е р. Да, в общем, недурна.

Вуди. Не отпускайте ее, я сейчас буду!

А к т е р. Она студентка с философского, но ни черта толком не знает. Типичный продукт студенческой столовой.

Вуди. Забавно, я ведь уже использовал эту фразу, когда описывал девушку в «Сыграй-ка нам снова, Сэм».

А к т е р. Надеюсь, там она получилась забавнее.

Вуди. Давайте ее сюда!

А к т е р. К телефону, что ли?

Вуди. Естественно!

А к т е р (к Доре). Это вас.

Д о р а (шепотом). Я видела его в кино. Отделайтесь от него как-нибудь!

А к т е р. Но он же автор пьесы!

Д о р а. Тоже мне пьеса! Глупая и претенциозная.

А к т е р (в трубку). Она не хочет говорить с вами. Говорит, что пьеса претенциозная.

Вуди. О, Господи! Ну ладно, потом перезвоните мне, расскажете, чем все кончится.

А к т е р. Ладно. (Вешает трубку, потом снова за нее хватается: до него доходит, что сказал автор.)

Д о р а. Так мне можно сыграть в вашей пьесе?

А к т е р. Ничего не понимаю! Вы актриса или девица, которая изображает актрису?

Д о р а. Я всегда мечтала быть актрисой. Мама хотела, чтобы я стала медсестрой. А папа мечтает, чтобы я вышла замуж за приличного человека.

А к т е р. И в результате где же вы работаете?

Д о р а. На фабрике, где делают ресторанные тарелки. Посмотришь – она как бы глубокая, а на самом деле мелкая!

Из-за кулис появляется Грек.

Трихинозис. Диабетус, Гепатитис, привет вам. (Обмен рукопожатиями.) Я только что в Акрополисе спорил с Сократусом, и он мне доказал, что я не существую.

Он так меня расстроил! Кстати, говорят, вы тут с концовкой маетесь? Кажется, у меня есть для вас кое-что.

П и с а т е л ь. В самом деле?

Трихинозис. А это кто такая?

Д о р а. ДораЛевы.

Трихинозис. Не из Пенсильвании, случаем?

Д о р а. Оттуда. Трихинозис. А вы там не знаете таких

Раппопортов?

Д о р а. Как же, как же! Мирона Раппопорта? Трихинозис (кивает). Вместе с ним мы агитировали за либералов. Д о р а. Какое совпадение! Трихинозис. У вас еще была интрижка с мэром Линдсеем? Д о р а. Да это я только удочку закидывала. Не вышло ничего.

П и с а т е л ь. Давай концовку! Трихинозис. Надо же, какая очаровашка! Д о р а. Ах, что вы говорите! Трихинозис. Как бы это нам с тобой сейчас перепихнуться? Д о р а. Сама судьба нам дарит эту ночь!

Трихинозис страстно сжимает ее запястье.

Д о р а. Что ж, я – твоя. И знай: я непорочна! Верно я говорю?

Суфлер (*показывается из-за кулис. Он в свитере. В руках книга*). «Что ж, я – твоя. И знай: я непорочна!» Все правильно.

(*Исчезает.*) П и с а т е л ь. Давай твою концовку, дубина стоеросовая! Трихинозис. А!.. Ах да! (*Зовет.*) Ребята!

Несколько греков выкатывают на сцену какую-то замысловатую машину.

П и с а т е л ь. Это еще что за хреновина?

Трихинозис. Это концовка для твоей пьесы.

А к т е р. Не понимаю.

Трихинозис. В этой машине, которую я полгода изобретал в подвале лавки моего шурина, – в ней решение всех проблем!

П и с а т е л ь. Как это?

Трихинозис. В финальной картине, где все темнеет, а подлый раб Диабетус попадает в отчаянное положение...

А к т е р. Ну?

Трихинозис. Зевс, отец всех богов, нисходит драматически с небес и, размахивая своими молниями, спасает бессильную, но благодарную толпу смертных.

Д о р а. Deus ex machina! Бог из машины!

Трихинозис. Ха! Прекрасное название для аппарата!

Д о р а. Не зря же у меня папа работает в компании «Вестингауз»!

П и с а т е л ь. Я все-таки как-то не понимаю...

Т р и х и н о з и с. Погоди! Как она работает – это надо видеть! Посмотришь, как из нее Зевс вылетит! Этим изобретением я заработаю целое состояние! Софоклус вложил в него кучу денег. А Эврипидус даже заказал два экземпляра.

П и с а т е л ь. Но это же меняет всю идею пьесы!

Трихинозис. Не говори, пока не увидишь ее в действии. Гастритис, давай впрягайся! Вот тебе доспехи для летания. Гастритис. А почему я? Трихинозис. Делай что тебе говорят! (*Гепатитису.*) Ты глазам своим не поверишь! Гастритис. Боюсь я что-то...

Трихинозис. Он шутит! (*Шепотом.*) Ну, давай же, идиот, ты мне провалишь всю рекламу! Сейчас он все сделает! Ха! Ха! Гастритис. Да я же высоты боюсь! Трихинозис.

Ну, полезай! Живо! Ну, давай! Теперь надень костюм Зевса... Только покажешься в нем, и все! (*Приходит в неистовство, Гастритис упорствует.*) Гастритис. Я позвоню своему адвокату!

П и с а т е л ь. Так вы говорите, в конце концов приходит Бог и всех спасает?

А к т е р. А что? Мне нравится! За это людям и заплатить не жалко!

Д о р а. Он прав. Это же прямо как в голливудских фильмах по Библии!

Писатель (*выходит на середину сцены, как-то слишком уж театрально*). Но если Бог всех спасет, человек не несет за свои действия никакой ответственности!

А к т е р. И после этого он еще будет спрашивать, почему его перестали звать на вечеринки!

Д о р а. Но без Бога Вселенная бессмысленна! Жизнь не имеет смысла! Мы не имеем смысла! (*Тягостная пауза.*) Эх, мне вдруг прямо до полусмерти захотелось, чтобы меня оттрахали!

П и с а т е л ь. У меня что-то настроение пропало.

Д о р а. Ах, так? Может, из зрителей кто-нибудь возьмет на себя этот труд?

А к т е р. Прекратите! (*К зрителям.*) Вы не слушайте, ребята! Это она так. Треплется.

П и с а т е л ь. Что-то я совсем раскис...

А к т е р. Да брось. Что это на тебя накатило?

П и с а т е л ь. Не знаю, верю я в Бога или я не верю...

Д о р а (*к зрителям*). А я ведь серьезно!

А к т е р. Если нет Бога, так кто же сотворил Вселенную?

П и с а т е л ь. Да я разве против? Просто я еще неуверен.

А к т е р. Что значит, ты еще не уверен? Когда же ты собираешься обрести

уверенность?

Д о р а. Будет кто-нибудь из вас спать со мной или нет?

Мужчина (*из зрителей. Поднимается с места*). Я пересплю с этой девицей, раз больше никто не хочет!

Д о р а. Нет, правда?

Мужчина. Да что они все – обалдели? Вполне симпатичная девица! Неужто в зале нет ни одного нормального здорового мужика? Вы знаете, кто вы все? Банда красных нью-йоркских леваков, еврейских ин-теллигентиков и коммунистов!

Из-за кулис появляется Лоренцо Миллер. Одет по моде его времени.

Лоренцо. Сядь на место! Сядьте, пожалуйста.

Мужчина. Все. Все. Сажусь.

П и с а т е л ь. Вы кто такой?

Лоренцо. Лоренцо Миллер. П и с а т е л ь. Творец этой публики.

П и с а т е л ь. В каком смысле?

Лоренцо. В самом прямом. Я написал: большая группа людей из Бруклина, Квинса, Манхэттена и Лонг-Айленда собралась в театре смотреть пьесу. Вот они перед вами!

Дора (*показывает на зрителей*). Вы хотите сказать, что они тоже не настоящие? (*Лоренцо кивает.*) И вовсе не свободны делать что им захочется?

Лоренцо. Думают, что свободны. Но делают всегда только то, что от них ожидается.

Женщина (*внезапно поднявшись из зрительских рядов*). Я! Я настоящая! Я не персонаж пьесы!

Лоренцо. Простите, мадам, но и вы тоже.

Женщина. Как?! У меня же сын в Гарварде! В Школе бизнеса.

Лоренцо. И вашего сына я тоже создал. Он, скажу я вам, не только персонаж, он еще и педераст к тому же!

Мужчина. А вот я покажу вам сейчас, какой я вымышленный! Я ухожу из театра и требую деньги назад. Идиотская пьеса! Да просто никакой пьесы! Идешь в театр, хочешь посмотреть что-нибудь с сюжетом – с началом, с серединой и концом, а вместо этого – дерьмо какое-то! Привет.

Фыркая от раздражения, идет по проходу. Уходит.

Лоренцо (*к зрителям*). Какой персонаж, а? Я изобразил его очень сердитым. Потом его замучат угрызения совести и он покончит с собой. (*Фонограмма: выстрел.*) Не сейчас!

Мужчина (*возвращается с дымящимся пистолетом в руке*). Извините, я, кажется, поторопился?

Лоренцо. Убирайтесь вон!

Мужчина. Я буду у «Сарди». (*Выходит.*)

Лоренцо (*среди публики, обращается к разным людям из настоящих зрителей*). Ваше имя, сэр? А-га. (*Импровизирует диалог, применяясь к репликам зрителей.*) Где вы живете?.. Ну как, естественно держится, а? Великолепный персонаж! Надо напомнить, чтобы его иначе одели. В дальнейшем эта женщина оставит мужа и уйдет к нему. Не верится, я понимаю. А! Поглядите-ка на этого парня! В дальнейшем он изнасилует вон ту даму. П и с а т е л ь. Быть вымышленными – просто

ужасно! Это так ограничивает! Л о р е н ц о. Постольку, поскольку ограничен драматург. К сожалению, вам выпало быть персонажами Вуди Аллена. А представляете, если бы вас написал Шекспир! П и с а т е л ь. Я с этим не согласен. Я – свободный человек и не нуждаюсь в том, чтобы . сюда прилетал Бог спасти мою пьесу. Я хороший писатель.

Д о р а. И хотите победить на Афинском фестивале драмы? Не так ли?

Писатель (*впадая в театральность*). Да! Я хочу бессмертия! Я не желаю умереть и тут же быть забытым. Мне нужно, чтобы мои произведения имели долгую жизнь после того, как распадется мое брэнное тело. Я хочу, чтобы будущие поколения познали мои страсти! Пожалуйста, не надо делать из меня сосунка, бессмысленно плывущего по течению вечности. Дамы и господа, я... Д о р а. Кто бы тут что ни говорил, я-то реальна!

Л о р е н ц о. Нет, это не так!

Д о р а. Я мыслю, следовательно, существую. А лучше сказать, я чувствую — я испытываю оргазм!

Лоренцо. Да ну?

Д о р а. Каждый раз!

Лоренцо. Нет, правда?

Д о р а. Ну, довольно часто.

Лоренцо. Да?

Д о р а. По меньшей мере, из двух раз один.

Лоренцо. Не может быть!

Д о р а. С некоторыми мужчинами — да!

Лоренцо. Что-то не верится.

Д о р а. Ну, не обязательно в результате сношения. Обычно это бывает орально.

Лоренцо. А-га! .

Д о р а. Конечно, иногда я чуть-чуть притворяюсь: никого ведь обижать не хочется!

Лоренцо. Послушай-ка, у тебя был когда-нибудь оргазм?

Д о р а. Да нет, пожалуй. Нет.

Лоренцо. Ну вот. Все это оттого, что мы не настоящие.

П и с а т е л ь. Но если мы не существуем, нам не грозит и смерть!

Лоренцо. Нет. Если драматургу не вздумается нас убить.

П и с а т е л ь. А зачем бы это ему понадобилось?

Актер (*появляется из-за кулис. Когда он выскользнул, мы не заметили.*) Говорят, от них этого требует то, что они называют своим чувством прекрасного.

П и с а т е л ь. Где тебя черти носят?!

А к т е р. Уже и в уборную не сходи!

П и с а т е л ь. Посреди пьесы он ходит в уборную!

Трихинозис (*входя*). Для демонстрации все готово. (*К кулисам. Кричит.*) Вы готовы там? Концовка пьесы! Положение раба кажется безнадежным! Ничто не может спасти его! Он молится. Поехали.

А к т е р. О, Зевс! Великий боже! Мы всего лишь бедные, неразумные смертные! О, будь к нам милостив. Исправь запутанные строки наших судеб!

Ничего не происходит.

Грм!.. Великий Зевс! Трихинозис. Ну, ребята! Ну, давайте же, Бога ради! А к т е р. О, великий Бог!

Внезапно раздается гром, и все освещается сказочным сиянием. Эффект грандиозный. Зевс нисходит на землю, величественно потрясая молнией.

Гастритис (*ввиде Зевса*). Я — Зевс, бог всех богов! Всемогуший чудотворец! Создатель Вселенной! Я всем несу спасение!

Д о р а. Да погодите! Надо же позвать кого-нибудь из компании «Вестингауз»!

Трихинозис. Ну, Гепатитис, что на это скажешь?

П и с а т е л ь. А что? Прекрасно! Лучше, чем можно было ожидать. Достаточно театрально, пышно. Так я, пожалуй, вправду стану лауреатом! Я — победитель! Колоссально! Глядите-ка, у меня даже мурашки! Дора! (*Хватает ее.*)

Д о р а. Ну, не сейчас!

Общий уход. Перемена света.

П и с а т е л ь. Срочно надо кое-что переделать.

Трихинозис. Божественная машина, а? Сдаю напрокат. В час двадцать шесть с полтиной.

Писатель (*к Лоренцо*). Вы не могли бы представить зрителям мою пьесу?

Лоренцо. Конечно, о чем речь!

Все уходят. Лоренцо остается, обращается к зрителям. Пока он говорит, появляется Греческий Хор и рассаживается на ступенях амфитеатра. Естественно, все в белом.

Добрый вечер, дорогие друзья! Я рад, что вы пришли к нам на фестиваль.

(Фонограмма: гомон толпы, приветственные выкрики.) Сегодня нас с вами ждет незабываемое зрелище: новая пьеса Гепатитиса Родосского под названием «Раб». (Фонограмма: приветственные выкрики.) В главной роли раба – Диабетус; Гастритис играет Зевса, участвуют супруги Рок, а также Дора Леви

из Пенсильвании. (Фонограмма: приветствия.) Дорогие зрители! Вы можете помочь жюри определить, кому из актеров нам следует отдать пальму первенства в конкурсе на лучшую роль. Не стесняйтесь, передавайте записки с именами ваших избранников прямо на сцену. Не будьте подобны окаменелым жертвам Медузы змееволосой! Действуйте, помогайте вашим любимцам! Пусть победит достойнейший!

Выходит. Диабетус появляется в роли раба по имени Артритис. Он как раз бредет мимо, вдвоем с еще одним Греческим Рабом. Хор начинает.

Х о р. О, греки, смолкайте! Внемлите истории дерзких деяний Артритиса – мудрого, пылкого мужа, всю жизнь посвятившего славе отчизны великой!

Диабетус. Я вот к чему: что нам потом-то делать с эдакой кобылой?

Его друг. Но ведь они же нам ее бесплатно отдают!

Диабетус. И что с того? Кому она нужна? Здоровенная деревянная лошадь. На кой хрен она тебе сдалась? Попомни мои слова, Кретинус, будь я членом муниципального совета Трои, в жизни бы я не доверился этим ахейцам! Ты, кстати, обратил внимание, что они никогда не берут выходных?

Е г о д р у г. А про циклопа слышал? Его центральный глаз поразил конъюнктивитис!

Г о л о с а з а с ц е н о й. Артритис! Где этот ленивый раб?!

Диабетус. Иду, хозяин!

Хозяин (входя). Артритис, вот ты где! Делом бы занялся! Виноград собирать надо, мою колесницу отремонтировать, воды натаскать из колодца, а ты тут прохлаждаешься!

Диабетус. Я не прохлаждаюсь, хозяин, я обсуждаю политические проблемы.

Хозяин. Раб, обсуждающий политические проблемы! Ха! Ха!

Х о р. Ха! Ха! Нет, вы на него посмотрите!

Диабетус. Прости, хозяин.

Хозяин. Бери с собой новую рабыню-еврейку и иди приberi в доме. У меня сегодня гости. Потом приступай к остальным делам.

Диабетус. Какую еще новую еврейку?

Хозяин. Дору Леви.

Д о р а. Вы меня звали?

Хозяин. За приборку берись. Давай. Живо!

Х о р. Бедный Артритис! Он раб, и, как все рабы, он только об одном мечтает...

Диабетус. Стать выше ростом!

Х о р. Обрести свободу.

Диабетус. Да катитесь вы с вашей свободой!

Х о р. Как это?!

Диабету с. Мне и так неплохо. Всегда знаешь, что от тебя требуется. О тебе заботятся... Не надо поминутно принимать решений. Рабом я родился, рабом и помру! Никаких забот.

Х о р. Фууу! Фууу!

Диабету с. Видали? Они понимают, а? Сидят тут, поют!

Целует Дору, она отшатывается.

Д о р а. Нет!

Диабету с. Но почему же нет? Дора, мое сердце переполнено любовью! Или, как говорят евреи, у меня до вас есть одно дельце!

Д о р а. Ничего не выйдет.

Диабету с. Но почему?

Д о р а. Потому! Тебе нравится быть рабом, а мне это отвратительно. Мне нужна свобода. Я хочу путешествовать и писать книги, хочу жить в Париже, может, даже начну издавать женский журнал!

Диабету с. И что все долдонят про эту свободу! Ведь от нее ничего кроме неприятностей. Знать свое место – куда безопасней! Ты, Дора, что, сама не видишь? Правители меняются каждую неделю, политические вожди убивают одного, завоеватели грабят и жгут города, – смерти, пытки... А на войне – ты думаешь, там кого убивают? Опять же свободных! А мы – в порядке:

чья бы ни была власть, всем нужен кто-то, чтобы прибираться в доме. *(Хватает ее.)*

Д о р а. Не надо! Пока я в рабстве – мне это не доставит удовольствия.

Диабету с. Ну, так хоть притворись немножко!

Д о р а. Это выкинь из головы! Считай, что я не говорила.

Х о р. И вот однажды рок стезю его направил!..

Входят супруги Рок. Одеты как американские туристы: гавайские рубашки кричащих тонов, на шее Боба фотоаппарат.

Боб. Привет! Рок. Боб и Венди Рок. Нам нужен кто-нибудь, кто бы доставил срочное послание царю.

Диабетус. Царю?

Боб. Ты мог бы оказать человечеству неоценимую услугу!

Диабетус. Кто, я?

Венди. Да, но это опасное задание, поэтому, хоть ты и раб, ты можешь отказаться.

Диабетус. Я отказываюсь.

Боб. Но при этом у тебя был бы шанс посмотреть дворец во всем его великолепии.

Венди. И в награду получить свободу!

Диабетус. Свободу – мне? Знаете, я бы и рад помочь вам, но у меня мясо на плите подгорает.

Д о р а. А можно я это сделаю?

Боб. Для женщины это чересчур опасно.

Диабетус. А вы не смотрите, она, между прочим, здорово бегает!

Д о р а. Как ты можешь отказываться! Артритис!

Диабету с. Некоторые вещи как раз трусам даются легче.

Венди. Мы вас просто умоляем, ну пожалуйста!

Боб. На волоске висит судьба человечества!

Венди. Мы увеличиваем награду. Свобода вам и любому, на кого вы укажете.

Боб. Плюс набор столового серебра на шестнадцать персон.

Д о р а. Артритис, это наш последний шанс!

Х о р. Ну, брось ломаться, ты, шлепер!

Диабету с. Опасное задание, и в награду – свобода личности? Ох, тошно мне!

Венди *(вручает ему конверт)*. Доставь это послание царю.

Диабету с. А почему бы вам самим его не доставить?

Боб. Нам через несколько часов в Нью-Йорк лететь.

Д о р а. Артритис, ты говорил, что любишь меня...

Диабету с. Ну, люблю.

Х о р. Давай-давай, Артритис! Пьеса забуксовала напрочь!

Диабету с. Решения, решения!.. *(Звонит телефон, он снимает трубку.)* Алло!

Г о л о с В у д и. Бога ради, ну отнесите им их несчастное послание! Пора ведь нам уже выбираться из этой трясины.

Диабетус *(вешает трубку)*. Ладно, сделаю. Скажите спасибо Вуди.

Хор *(поет)*. Бедный профессор Хиггинс!..

Диабетус. Это же не из той пьесы, вы, ох-ламоны!

Д о р а. Удачи тебе, Артритис.

Боб. Удача тебе скоро понадобится, это уж точно!

Диабетус. О чем это он?

Венди. Боб не всегда уместно шутит.

Д о р а. Когда получим свободу, я тут же с тобой ложусь: может, хоть раз в жизни это доставит мне удовольствие.

Гепатитис *(выскакивает на сцену)*. Слушай! Иногда, бывает, затянешься пару раз

перед этим марихуанкой...

А к т е р. Ты чего вылез? Ты же автор, забыл?

Гепатитис. Ну, не удержался, ну что сделаешь! *(Уходит.)*

Д о р а. Вперед!

Диабетус. Иду!

Х о р. Ив путь отправился Артритис с посланием к Эдипусу-царю.

Диабетус. К царю Эдипусу?

Х о р. А что такого?

Диабету с. Да ничего. Говорят, он живет с собственной мамашей?

Эффекты: ветер, молнии и т. д. Р а б устало пробирается вперед.

Х о р. В глубокие горы спускается, на высокие пропасти взбирается...

Диабету с. На высокие горы и в глубокие пропасти. Ну у нас и хор! И где их только набирали?!

Х о р. Вот он бредет, покинутый на милость фурий...

Диабету с. Опять путаете! Фурии сегодня обедают с Роками. Ресторанчик «Эскалопы для остолопов» – Хонг-Мынг и К°. В китайском квартале. *(Гордо.)* Только вчера я был подлым рабом, не рисковал ничем кроме хозяйского имущества, а сегодня в моих руках послание к самому царю! Я повидаю мир! Скоро я буду свободным человеком! Все способности мыслящего существа раскроются во мне. И потому-то... Гм, простите, что-то вдруг такое подступило – не блевануть бы. Эах... кажется, обошлось.

Воет ветер.

Х о р. Дни сливаются в недели, недели в месяцы, а раб Артритис все пробирается вперед.

Диабету с. Послушайте, нельзя ли выключить этот ваш мерзкий ветер?

Х о р. Бедный Артритис, он всего лишь один из смертных!

Диабету с. Я болен, я устал, я обессилен. Идти вперед я больше не могу. Рука моя дрожит... Вокруг лишь нищета и войны. Смерть поднимает брата против брата. *(Хор в замедленном темпе бубнит песенку «О, мой Диксиленд».)* Юг – носитель традиций, и Север – развитый промышленно... Президент Линкольн посылает Гранта громить плантации. *(Вошедший Гепатитис тарашится на него остолбенело.)* Добрый старый Хоумстед! Хлопок! Хлопок плывет по течению! *(Замечает уставившегося на него Гепатитиса.)* Я... Что-то меня немножко занесло, кажется... *(Гепатитис хватает его за шиворот и тащит к кулисам.)*

Гепатитис. Пошел вон! Какого черта тебя вообще тут носит!

Диабету с. Да мне во дворец надо! Столько дней уже болтаюсь, и все без толку! Что мне за пьесу подсунули? Где, я спрашиваю, этот дворец проклятуший? На Манхэттене, что ли?

Гепатитис. Если ты уже перестал пакостить мою пьесу, можешь считать, что ты во дворце. Стража! А ну показывай, на что ты годишься!

Входит могучий Страж. Страж. Ты кто?

Диабету с. Кто – я? Артритис!

Страж. Что привело тебя во дворец?

Артритис. Как во дворец? Это что – дворец, по-вашему?

Страж. Да. Это царский дворец. Самое прекрасное творение зодчества во всей Греции. Мраморный, величественный и полностью себя окупающий за счет арендной платы.

Диабету с. У меня послание царю.

Страж. Ах да, он ведь ждет тебя!

Диабету с. Я столько дней не ел! И в глотке пересохло что-то...

Страж. Подожди, я за царем схожу...

Диабету с. А как насчет кусочка жареного мяса?

Страж. Сейчас схожу за царем и за бифштексом. Вам как – поподжаристее? Посочнее?

Диабету с. Средне.

Страж (*вытаскивает блокнот и записывает*). Так. Один средне. Какой будем заказывать гарнирчик?

Диabetу с. А что у вас есть?

Страж. Сейчааас... Сегодня... макароны, греча и пюре.

Диabetу с. С пюре, пожалуйста, если можно.

Страж. Кофе?

Диabetу с. Что? Да, пожалуй. И царя не забудьте!

Страж. В лучшем виде!

Выходит. Уже за кулисами: Беру бифштекс и кофе.

Входят супруги Рок. Вовсю щелкают фотоаппаратом.

Боб. Ну, как дворец? Диabetу с. Да ничего вроде бы. Боб (*вручая фотоаппарат жене*).

Ну-ка, щелкни нас вместе.

Она снимает.

Диabetу с. А я уж думал, вы вернулись в Нью-Йорк.

Венди. Ну, вы ведь знаете, на что способен Рок!

Боб. Ненадежный субъект. Ничего, бывает.

Диabetус (*наклоняется понюхать цветок, воткнутый у Боба в петлицу*). Какой чудесный цветок! (*Получает из цветка струю воды в физиономию. Оба Рока хохочут.*)

Боб. Простите. Я просто не мог удержаться. (*Протягивает руку, Диabetус пожимает ее. Получает удар током.*)

Диabetус. Ах!

Семейство Рок с хохотом удаляется.

Венди. Он просто обожает над всеми подшучивать!

Диabetус (*к Хору*). Вы же знали, что он это специально подстроил!

Х о р. Ха! Он – молоток!

Диabetус. Не могли уж предупредить меня!

Х о р. Знаешь, ты нас в свои дела не впутывай!

Диabetус. Не хотите, чтобы вас впутывали? А вы слышали, как зарезали женщину прямо в метро? А шестнадцать человек смотрели, и никто даже ухом не повел!

Х о р. А ты нас не учи, мы «Дейли Ньюс» тоже читаем!

Диabetус. Если бы за нее хоть кто-нибудь вступился, она бы, может, и сегодня была с нами!

Появляется Женщина. Из груди у нее торчит нож.

Женщина. А что? Я с вами!

Диabetус. Ну, я балдею!

Женщина. Пожилая женщина! Мать! Всю жизнь тружусь не покладая рук! Сижу себе, газету читаю, вдруг шестеро хулиганов – наркоманов этих – хватают меня, сшибают с ног...

Х о р. Их было не шестеро, их трое было.

Женщина. Шестеро, трое... Они мне, понимаешь ли, ножом грозили, отдавай им деньги.

Диabetус. Ну и отдали бы им деньги!

Женщина. Так я и отдала, а они все равно меня зарезали.

Х о р. Вот в Нью-Йорке всегда так! Отдашь им деньги, а тебя все равно зарежут.

Диabetус. В Нью-Йорке? Да это везде так! Гуляли мы как-то с Сократусом в центре Афин, вдруг из-за угла Акрополиса двое юнцов спартанских как выскочат! И тоже – давай им деньги!

Женщина. Ну и как?

Диabetус. Простейшей логикой Сократус их убедил, что все зло – от непонимания истины.

Женщина. И чем кончилось?

Диabetус. В общем, они сломали ему нос.

Женщина. Ну что ж, надеюсь, у вас для царя добрые вести.

Диabetус. Я тоже надеюсь. Ведь он, поди, огорчится...

Женщина. Да и вы тоже огорчитесь.

Диабетус. Конечно... – то есть в каком смысле?

Хор (*иронически*). Ха! Ха! Ха!

Освещение становится зловещим.

Диабетус. Освещение меняют... Чего это они? Ну и что, если плохие новости?

Женщина. В древние времена, когда вестник приносил царю хорошую новость, он получал награду.

Х о р. Бесплатную путевку на однодневную базу отдыха.

Женщина. Но если новость плохая...

Диабету с. Не надо! Не говорите!

Женщина. Тогда царь предавал вестника смерти.

Диабету с. А сейчас разве древние времена?

Женщина. Да ты на себя посмотри! Ну, погляди хоть, что на тебе надето!

Диабету с. Все понял. Гепатитис!

Женщина. Бывает, что вестнику отрубают голову... Но это если царь настроен гуманно.

Диабету с. Как это? В гуманном настроении он рубит головы?

Х о р. Но если новость по-настоящему скверная...

Женщина. Тогда вестника поджаривают...

Х о р. На медленном огне!

Диабету с. Меня так давно не поджаривали на медленном огне, что я едва ли вспомню, как при этом себя чувствуешь.

Х о р. Можешь нам поверить, тебе это не понравится.

Диабету с. Где Дора Леви? Хоть эту еврейскую рабыню напоследок потискать, что ли...

Женщина. Ну, до нее тебе не добраться! Она отсюда за много, много миль.

Диабету с. Дора! Куда эта мерзавка запропа-стилась!

Д о р а (*из зала*). Чего тебе?

Диабету с. Ты что там делаешь?

Д о р а. Да надоела мне эта ваша пьеса!

Диабету с. Что значит – надоела? Ну-ка, давай лезь сюда! Я тут из-за тебя, понимаешь, в такой жопе!

Дора (*подходит*). Артритис, слушай, я, конечно, извиняюсь, но откуда я могла знать, что там происходило в древней истории? Мы ведь только философию проходили.

Диабету с. Если новость плохая, я погиб!

Д о р а. Это я уже слышала.

Диабету с. Так что? Это и есть, по-твоему, свобода?

Д о р а. Что-то находишь, что-то теряешь!

Диабету с. Находишь, теряешь! Это тебя в университете, что ли, научили?

Д о р а. А что ты, собственно, ко мне пристал?

Диабету с. Если новость плохая – со мной все ясно. Минуточку! А сама-то новость! Весть эта самая. Она же тут у меня. (*Ищет послание, вынимает его из конверта. Читает.*) В конкурсе на лучшего актера победил... (*следует фамилия актера, играющего Гепатитиса*).

Гепатитис (*выскакивает на сцену*). Я хотел бы поблагодарить зрителей и уважаемое жюри и сказать несколько слов...

А к т е р. Давай катись отсюда, я не ту записку прочел. (*Вытаскивает другую.*)

Женщина. Скорее! Царь идет!

Диабету с. А ну-ка, выгляньте, – он там несет мне мой бифштекс?

Д о р а. Поторопись, Артритис!

Диабетус (*читает*). Все письмецо-то из одного-единственного слова.

Дора. Да?

Диабетус. Откуда ты знаешь?

Дора. Что откуда я знаю?

Диабетус. Что там одно только слово «да».

Х о р. А вот хорошо это или плохо?

Диабетус. Да! Это ведь утверждение? Скажешь, нет? *(Проверяет.)* Да!

Дора. А что, если вопрос такой: «Правда ли, что у царицы триппер?»

Диабетус. Резонно.

Хор. Его величество! Царь идет!

Фанфары, сногшибательный выход царя.

Диабетус. Ив самом деле, вдруг у царицы триппер?

Царь. Бифштекс вы заказывали?

Диабетус. Я, естественно... Это что – греча? Я ведь просил с пюре!

Царь. Пюре кончилось.

Диабетус. Тогда заберите назад. Поем на вокзале.

Хор. Послание! *(Диабетус делает им знаки замолчать.)* Послание! У него послание!

Царь. Ничтожный раб! Ты мне принес послание?

Диабетус. Ничтожный царь! Гм... да, собственно... а что тут такого?

Царь. Ну, вот и славно.

Диабету с. Послушайте, мне бы сперва узнать, какой имеется в виду вопрос. Царь. Сперва послание. Диабету с. Нет, вы сперва. Царь. Нет, ты! Диабету с. Нет, ты! Царь. Нет, ты!

Хор. Сперва пусть говорит Артритис! Царь. Это он, что ли? Хор. Ну не мы же! Царь. А вы попробуйте его заставить! Хор. Мишугинер! Ты же царь! Царь. Ну, царь я, царь. Так что там у тебя

в этой записке?

Страж обнажает меч.

Диабету с. В записке это... да. То есть нет... *(Пытается повыведать втихую: чужого лизнуть, своего не расплескавши.)* Нет – да... может быть! Может быть!

Хор. Он врет!

Царь. А ну-ка, раб, читай.

Страж приставляет меч к горлу Диабетуса.

Диабету с. Там одно слово только, ей-Богу, ваше величество! Царь. Одно слово?

Диабету с. Занятно, правда же? За те же деньги и на том же бланке ведь можно было уместить слов двадцать!

Царь. Ответ из одного-единственного слова на вопрос вопросов. Есть ли Бог?

Диабету с. Это и есть вопрос?

Царь. Мало того – это вопрос вопросов!

Диабетус *(соблегчением, глядя на Дору)*. Тогда я с радостью вручу тебе послание!
Ответ – да!

Царь. Да?

Д и а б е т у с. Да.

Х о р. Да.

Д о р а. Да.

Диабету с. Ваша очередь.

Женщина *(бормочет)*. Угу.

Диабетус смотрит на нее неодобрительно.

Д о р а. Грандиозно, а?

Диабетус. Я знаю, о чем вы задумались: о скромной награде верному вестнику. Но свобода нам с Дорой – это больше чем достаточно. Правда, с другой стороны, если уж вы так хотите выказать свою благодарность – думаю, бриллианты всегда признак хорошего вкуса.

Царь *(угрожающе)*. Если Бог есть, значит, человек ни в чем не властен, и я судим буду по грехам моим.

Диабетус. Простите, я как-то не уловил.

Царь. Судим буду по моим грехам, по моим злодеяниям. За страшные мои злодеяния я

приговорен. Это твое послание обрекает меня на вечные муки!

Диабетус. А разве я сказал – да? Я имел в виду – нет!

Страж (*выхватывает конверт и читает*). В послании сказано – да, о повелитель!

Царь. Эх! Хуже и не придумаешь!

Диабетус (*падает на колени*). Ваше величество! Это не моя вина! Я слепой исполнитель, не я писал это, я только передал! Это как триппер ее величества!

Царь. Стража! Разорвать его лошадьми на части!

Диабетус. А я-то надеялся, я-то думал, вы меня поймете!

Дора. Но он же только вестник! Нельзя разрывать его лошадьми! В таких случаях положено поджаривать на медленном огне.

Царь. Этот подонок так легко у меня не отделается!

Диабетус. А если метеоролог предсказывает дождь, вы и его тоже – того?..

Царь. А ты можешь что-нибудь другое посоветовать?

Диабетус. Н-да. Все ясно. Что с шизофреником разговаривать!

Царь. Хватайте его!

Страж хватает.

Диабетус. Одну секундочку! Ваше величество, разрешите мне в свою защиту сказать слово!

Царь. Ну?!

Диабетус. Это же пьеса!

Царь. Все вы так говорите. А ну, дай сюда меч. Не откажу себе в удовольствии прикончить его собственноручно.

Дора. Нет! Господи! И зачем я в это ввязалась!

Хор. Не бери в голову! Ты еще молода, найдешь себе кого-нибудь другого.

Дора. Что верно, то верно.

Царь (*подняв меч*). Умри!

Диабетус. О, Зевс, бог всех богов, ну появись же, снизойди, испепели их молнией и спаси меня!

Все смотрят вверх; не происходит ничего. Неловкая пауза.

О! Зевс!.. О!.. О Зевс!! Царь. А теперь – умри! Диабетус. О Зевс... Куда, к черту, теперь этот Зевс подевался?! Гепатитис (*входит. Его глаза устремлены вверх.*) Ради Христа, давайте заводите вашу машину! Спускайте же его! Диабетус (*снова подает ключевую реплику.*)

О, великий Зевс!

Хор. Днем раньше, Днем позже – конец у всех один! Женщина. А вот я-то уж не из тех, кто стоит и спокойно смотрит, когда человека режут! Царь. Хватайте ее!

Страж хватает ее и закалывает.

Женщина. Ах ты, сукин сын! Второй раз уже за эту неделю!

Диабетус. О, великий Зевс! О, Господи, помилуй раба твоего!

Звуковые и световые эффекты. Молния. Очень неловко спускают Зевса; он раскачивается по всей сцене, пока не становится ясно, что проволока, на которой его спускали, задушила его. Всеобщее замешательство.

Трихинозис. С машиной что-то случилось! Должно быть, шестеренку срезало!

Хор. О, трепещите, смертные, – нисходит Бог!

Диабетус. Бог... Бог! Бог, что с тобой? Тут нет поблизости врача?

Врач (*из публики*). Я врач!

Трихинозис. Машина вразнос пошла!

Гепатитис. Тщщщ! Уходи! Всю пьесу изгадишь!

Диабетус. Бог умер!

Врач. Это у вас что – так по тексту положено?

Гепатитис. Все – импровиз!

Врач. Что-что?

Гепатитис. Концовка импровизационная.

Трихинозис. Кто-то нажал не на ту кнопку!

Дора. У него шея сломана.

Царь (*пытается продолжить пьесу*). Гм... ну, вестник, – взгляни, что ты наделал! (*Замахивается мечом. Диабетус выхватывает у него меч.*)

Диабетус (*завладев мечом*). Отдай-ка лучше мне!

Царь. Ты, хрен с ушами, куда ты лезешь? Диабетус. Аа! Меня убить хотел, да? Дора, ко мне!

Царь. Артритис, да ты что! Страж. Гепатитис, он пьесу пакостит!

Хор. Ну что ты выпендриваешься, Артритис!

Ведь царь должен убить тебя! Диабетус. Кто сказал? Где написано? Не выйдет! Я сам убью царя!

Закалывает Царя, но меч оказывается бутафорским.

Царь. Оставь меня в покое! Он спятил! Стой!!.

Ну щекотно же! Врач (*щупает богу пульс*). Он определенно мертв. Лучше унести его отсюда.

Хор. Делайте что хотите! Мы тут ни при чем!

Уходят, унося Бога.

Диабетус. Раб становится героем! (*Закалывает Стража; меч опять-таки бутафорский.*)

Страж. Ешь твою в корень, вот разошелся!

Дора. Артритис, я тебя люблю! (*Он целует ее.*) Ну, не сейчас, пожалуйста. Я не в том состоянии.

Гепатитис. Моя пьеса! Моя пьеса! (*К уходящим хористам.*) Это куда это вы все направились?

Царь. А вот позвоночнику-ка я в агентство Уильяма Морриса своему адвокату, Солу Мишкину. Уж он-то в этой вашей пьесе разберется!

Гепатитис. Это серьезнейшая пьеса, в ней есть отчетливый философский и нравственный посыл! Конечно, если мне ее всю развалят – естественно, в жизни он ни до кого не дойдет!

Женщина. В театр ходят развлекаться. А кто хочет рассылать посылы, посылки и прочие всякие телеграммы – пусть идут в почтовое отделение!

Посыльный из почтового отделения (*въезжает на велосипеде*). Телеграмма для уважаемой публики! От автора!

Диабетус. Это еще кто?

Посыльный (*спешивается, читает*). С днем рожденья, с днем рожденья.

Гепатитис. Да не та, не та телеграмма-то!

Посыльный (*читает телеграмму*). Извиняюсь, вот она. «Бог умер. Каждый сам по себе». Подпись – Бильярдная компания Московица. Теперь правильно?

Диабетус. Что ж, теперь все позволено. Теперь герой – я!

Дора. А вот я теперь знаю, что у меня будет оргазм. Я просто это знаю!

Посыльный (*все еще читает*). «Дора Леви обязательно испытает оргазм. Точка. Если постарается. Точка».

Гепатитис. Утрачено всякое понятие о реальности. Напрочь!

Мужчина (*поднимается из рядов зрителей*). Если теперь все можно, поеду-ка я домой в Форест-Хиллз! К чертовой матери Уоллстрит, тем более что сюда и за два часа хрен доедешь! Будь оно все проклято! (*Хватает Женщину из зрителей. Срывает с нее блузку, гонится за нею по проходу. Это может быть также билетерша.*)

Гепатитис. Моя пьеса! (*Персонажи покидают сцену, остаются только два первоначальных героя – Актер и Автор, Диабетус и Гепатитис.*) Ммм!.. Моя пьеса!

Диабетус. А что? Пьеса как пьеса. Ей бы вот только концовочку.

Гепатитис. Но ведь была же в ней какая-то идея!

Диабетус. Э! Ни черта! Нет ничего и не было.

Гепатитис. Как это – ничего нет?

Диабетус. А так. Вообще. Вообще все – бред и бессмыслица.

Гепатитис. Концовку бы!

Диабетус. А я тебе про что? Мы над чем с тобой бьемся-то? Ведь мы как раз и бьемся над концовкой!

Гепатитис. И вечно мы с этой концовкой!

Диабетус. А написано потому что беспомощно. Вот и приходится...

Гепатитис. Да разве я что говорю? Она и в самом деле слабовата.

Диабетус. Слабовата! Да она просто неправдоподобна!

Освещение начинает тускнеть.

Когда пишешь пьесу, вся штука знаешь в чем? Надо начать с конца. Заимей сначала хорошую ударную концовку, а потом пиши себе задом наперед!

Гепатитис. Я пробовал! Получается пьеса без начала.

Диабетус. Но это же абсурд!

Гепатитис. Абсурд? При чем тут абсурд?!

ЗАТЕМНЕНИЕ

Сноски

Примечания

1

Йозеф Брэйер (1842 – 1925) – австрийский врач и психолог, работы которого сыграли важную роль для создания впоследствии теории психоанализа.

2

Анна Фрейд (1895 – 1982) – австро-английский психоаналитик, младшая дочь З. Фрейда.

3

Байройт – город в Баварии, где с 1876 года проводятся традиционные Вагнеровские фестивали.

4

Каддиш – поминальная молитва.

5

«Желтый мальчишка» Вайль – знаменитый мошенник Джозеф Вайль, получивший свое прозвище в честь героя популярных комиксов.

6

Нудж – зануда (идиш).

7

Цадик – праведник (иврит).

8

Мескайт – уродина (идиш).

9

Сукка – шалаш (иврит).

10

Нью-Йоркская компания, занимающаяся грузоперевозками.

11

Алиса Токлас (1877 – 1967) – американская писательница, написавшая несколько поваренных книг и том мемуаров, долгое время была секретарем Гертруды Стайн.

12

Грант Вуд (1892 – 1942) – известный американский художник. На его картине «Американская готика» (1930) изображена чета фермеров.

13

Шандор Ференцы (1873 – 1933) – австро-венгерский психиатр. Один из основоположников психоанализа.

14

Отто Рэнк (1884 – 1939) – австрийский психоаналитик; Эрнест Джоунз (1879 – 1958) – английский психоаналитик; Абрахам Арден Брилл (1874 – 1948) – австро-американский психоаналитик, переводил труды Фрейда на английский; Альфред Адлер (1870 – 1937) – известный австрийский врач и психолог.

15

Карл Густав Юнг (1875 – 1961) – известный швейцарский психолог и психиатр.

16

Карл Теодор Ясперс (1883 – 1969) – немецкий психиатр и философ, один из основоположников экзистенциализма.

17

«Войцек» – опера австрийского композитора Альбана Берга (1885-1935).

18

Прикнесс – один из американских скаковых чемпионатов, проводится в Балтиморе.

19

«Я чувствую ритм» (I Got Rhythm) – песня Джорджа Гершвина.

20

Аляска – полушерстяная и начесная ткань.

21

Джозеф Коттен (1905 – 1994) – американский киноактер, впервые снявшийся в «Гражданине Кейне» (1941) Орсона Уэллса, после чего приобрел популярность и успешно снимался до начала 1980-х.

22

Перевод С. Слободянюка.

23

Нозм Хомски (р. 1928) – американский лингвист, один из крупных представителей структурализма, создатель т. н. трансформационной грамматики.

24

«Реклама самого себя» – сборник эссе (1961) знаменитого американского писателя Нормана Мейлера.

25

Лайонел Триллинг (1905 – 1975) – знаменитый американский публицист и критик.

26

Мэри Маккарти (1912 – 1989) – американский литературовед и критик.

27

«Янки Дудль Денди» – популярный американский фильм-мюзикл, вышедший в 1942 г.

28

Переводы А. Ливергента отмечены знаком (*), переводы С. Слободянюка не отмечены.

29

Taffelspitz – изысканное австрийское блюдо из вареной говядины.

30

Манера пения тирольцев.

31

Роберт Рэдфорд (р. 1937) – американский киноактер и режиссер.

32

Седер – пасхальная семейная трапеза.

33

Шикса – девушка нееврейского происхождения или еврейка, не соблюдающая религиозных норм и установлений.

34

Rien a dire, rien a faire – ничего не скажешь, ничего не поделаешь (фр.).

35

Существует казино «Четыре двойки».

36

Бэйб Рут (1895 – 1948) – знаменитый бейсболист. Джек Демпси (1895 – 1983) – знаменитый боксер. С 1919 по 1926 год был чемпионом мира в тяжелом весе. Ол Джолсон (1886 – 1950) – певец и киноактер, снявшийся в первом звуковом фильме «Певец джаза» (1927).

37

Марта Грэхэм (1894 – 1991) – американская танцовщица и хореограф.

38

Известная джазовая тема называется «Чай для двоих».

39

Хелен Морган (1900 – 1941) – американская киноактриса 1930-х годов. Эдди Кантор (1892-1964) – американский певец и киноактер, популярный в 1930-е годы. Джордж Рафт (1895 – 1980) – известный американский киноактер, успешно снимавшийся с конца 1920-х по 1980-е годы.

40

О. Дж. Симпсон – звезда американского футбола.

41

Ли Страсберг (1901 – 1982) – известный актер. В конце 1930-х вместе с Э. Казаном основал в США школу подготовки актеров по системе Станиславского.

42

Под знаменитостями автор подразумевает себя, поскольку ресторан «Элейн» известен главным образом тем, что в нем бывает Вуди Аллен.

43

Обезьянка – прозвище девушки, героини нашумевшего в США романа Филиппа Рота «Жалоба Портного».

44

Tener – иметь (исп.).